

Троецарствие

Юрий НИКИТИН

Придон

«ЭКСМО»

2002

Никитин Ю. А.

Придон / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2002 — (Троецарствие)

Любовь нас выбирает... и мы бессильны. Не справиться, не погасить пламя, бушующее внутри. И те, кому повезло быть избранным, живут во сто крат ярче и богаче любого смертного, не удостоенного быть замеченным любовью. Кем был бы Придон, не вспыхни в нем любовь? Простым воином, пусть и знатного рода, тенью знаменитого брата. Но когда повела божественная сила любви, перед ним рушатся вражеские твердыни чародеев, превращаются в пепел драконы, а бесчисленные войска во главе с сильнейшими магами бегут в диком страхе... И только одна неприступная крепость впереди – сердце той, кого он любит.

© Никитин Ю. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	69
Глава 12	75
Глава 13	82
Глава 14	92
Глава 15	100
Глава 16	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Юрий Никитин

Придон

*Моим друзьям и недругам,
с которыми встречаемся в Корчме
(<http://nikitin.wm.ru>) и КЛФ
при Центральном доме литераторов.*

Часть первая

Глава 1

В огромном шатре так же светло, как и снаружи. Цветные тени медленно переползают по расстеленным на земле шкурам барсов. По ту сторону шелковой ткани стук копыт, тонко кричат в небе птицы, а здесь отгороженный мирок, шерсть под рукой подрагивает, проскакивают искорки, словно в догорающем костре. Разве что не пурпурные, почти белые, но пощелкивают так же сухо, загадочно. Шелковая ткань шатра иногда прогибается под натиском яростного весеннего солнца, полного сил и жажды выжечь остатки сырости.

Придон лежал на спине, что с его страшной раной между лопатками не так просто, но уже почти не ощущает тела, ввалившимися глазами безучастно следил за светлым кругом на куполе.

Жизнь уходит хоть и медленно, но неотвратимо, как неотвратимо наступление ночи. Рядом шумно спит Аснерд, на спине, рот распахнут, оттуда исходит могучий рев, трясется земля, сотрясаются стены шатра, раскачивается шест, что поддерживает свод. Скосив глаза, Придон увидел широкую красную гортань, ведущую в тьму, и сразу вспомнил тот страшный туннель, что вывел их троих в зал с дивами, где нашли рукоять и Конста. Гортань начиналась красивой аркой, со свода трепещет красный язычок, похожий на тушу барана с содранной шкурой.

Придон отвел взгляд, Аснерд же рычал, гремел, а потом вдруг, всхрипнув и чавкнув, умолк. Дыхание стало ровным, Придон снова опустил голову и тут же подпрыгнул, храп начался с громового взрыва, словно гром ударил прямо в палатку. Когда Аснерд втягивал воздух, свод прогибался, а шест трещал, а при выдохе весь шатер подпрыгивал, и только вбитые в землю колья не давали улететь высоко в небо.

Потом пришло забытие, а когда снова поднялся на поверхность, Аснерд, уже сидя за широким столом, сурово и печально наблюдал за ним с другого конца шатра. В его коричневых глазах Придон видел свое восковое лицо, нос заострился, скулы прорывают иссохшую кожу. Челюсти плотно сжаты, губы совсем синие. Рубашка на груди расстегнута, но лучше бы закрылся: ключицы вот-вот прорвут сухую кожу, желтую, почти мертвую. И вообще могучие мышцы растаяли, одни кости...

– Что с тобой? – спросил Аснерд с печалью. – Ох, Придон!

Веки Придона опускались, как чугунные заслонки. При звуках могучего гласа воеводы медленно открыл глаза, веки сухие, со вздутыми красными прожилками. Глаза прячутся глубоко в темных пещерах, в них сухой блеск, словно на изломе слюды. Аснерду почудилось, что из Придона взглянуло само отчаяние, близкое к безумию.

– Я схожу с ума, – донесся до Аснерда прерывающийся шепот. – Я не знаю, сам ли я вызвал такой гнев богов... или же мстят за грехи моих родителей...

Аснерд встал, похожий на шагающую гору, подошел вплотную и посмотрел сверху вниз. Голос прогремел, как гром из приближающейся грозовой тучи:

– Придон, это не гнев.

– А что?

Аснерд сдвинул плечами, Придону послышался треск перемалываемых камней.

– Почему лежишь? Под лежащий камень...

– Я испробовал все, – проговорил Придон глухо. – Я ничего не могу. Я умираю, Аснерд. И, наверное...

– Что?

– Наверное, я все-таки умру.

– Умрешь, – угрюмо подтвердил Аснерд. – Вижу. Не ты первый, Придон. Я видел, как умирали. Но хоть это и не самая постыдная смерть... но все же хуже славной смерти в бою.

– Какой бой, – прошептал Придон тоскливо. – Против кого?.. Я ослеплен, Аснерд... Я ничего не вижу, кроме ее лица!.. Жизнь во мне то замирает, то просыпается... но это значит лишь, спит она или нет... Если я улыбаюсь, то это значит, что она там весело смеется... Я лишь тень ее души, я сам по себе не существую, Аснерд!.. Я лежу здесь, а душа моя у ее ног. Но я умираю, что не могу оказаться там... весь.

Аснерд заложил руки за спину, плотная кожа заскрипела, как новенькое седло под его весом. Он был, как всегда, обнажен до пояса, могучий торс все такой же коричневый от жгучего весеннего солнца. Еще с прошлого года густой солнечный загар, а сейчас новая весна, кожа жадно, как иссохшаяся земля поглощает дождь, впитывает молодое солнце. Он в задумчивости потер чисто выбритый подбородок.

– Ну, положим, мог бы оказаться. Но для нас, артан, есть и повыше ценности, чем валяться у женских ног... Придон, ты должен встать.

– Должен?

– Должен, – громыхнул Аснерд сурово. – Должен сесть на коня. Помни, чего нельзя добром, то можно силой! Мужчины мы или не мужчины?.. Что-то артане начали жиреть без войн и набегов!.. Кони наши тучные, у мужчин на боках я своими глазами видел жир, как у толстых овец, какой позор!.. Ты еще не понял?

Придон вскрикнул слабо, он весь дрожал, а из только что сухих, как слюда, глаз ручьем хлынули слезы:

– Я ничего не понял!.. Я хочу только избавиться от этого наваждения! Я хочу, чтобы из моей груди вытащили змею, что съедает мое сердце.

Полог с шуршанием отодвинулся, в шатер шагнул Вяземайт. В спину верховного волхва жарко и сильно бьют солнечные лучи, на плечах кипит и разбрызгивает искры металл. Как и Аснерд, обнажен до пояса, коричневый, с красиво ниспадающими серебряными волосами, с чисто выбритым подбородком, красивый и величественный, хотя, конечно, немолод... очень немолод и как волхв, и как воин.

Суровые глаза верховного волхва смотрели без привычной строгости. Почти на голову ниже гиганта Аснерда, он в то же время излучал, как накаленный горн, величие и достоинство.

– Эх, – сказал он с горечью, – Придон... Намного проще, если бы ты видел в ней только женщину!

Придон прошептал с невероятной тоской:

– Как можно видеть в ней женщину, когда она не женщина?.. Как будто я не видел женщин, не хватал за волосы и не пользовал среди горящих городов прямо на трупах их мужей!.. Меня не трогают их слезы, их клятвы, их мольбы и лживые обещания. То всего лишь говорящие коровы, козы, свиньи. Но Итания... она из солнца и лунного света! Она... она необыкновенная.

– Да, – согласился Вяземайт печально, – теперь вижу.

– Я помню, что, когда выглянула из носилок, небо заблистало! Свет от ее лица пал на землю, на дома, на все, что создали боги. От звуков ее голоса встрепенились цветы, а взгляд... о, что за взгляд! Вяземайт, я умираю и не хочу умереть, потому что тогда моя мука прекратится, а я уже не могу жить без этого огня в сердце, что сжигает мне грудь. Я знаю, что, когда подходит к окну, эльфы слетаются к дворцу и любят ее тайком, чтобы потом создавать песни в ее честь. Ветер не смеет шелестеть, земля под ее ногами изгибается, чтобы прикоснуться к ней...

Голос упал до шепота. Аснерд покачал головой, посмотрел на Вяземайта. Тот молча наклонил голову. Аснерд легко подхватил Придона под мышки. Мог бы взять на руки, сейчас Придон легче перышка, но не хотел позорить героя, который совсем недавно сам мог поднять гору. Голова Придона болталась из стороны в сторону. Вяземайт придержал сбоку, вдвоем вывели из шатра. Солнце ударило по лицу как огромной нагретой в костре дубиной. Придон застонал и суетливо закрыл иссохшими ладонями лицо.

С конем в поводу подбежал оруженосец Аснерда. Мальчишка вытаращенными глазами смотрел на героя, что полгода назад добыл легендарный меч бога войны Хорса. Даже не Хорса, как говорят, а еще более древнего, грозного и страшного бога. Тот дивный меч мог бы оставить себе, но не оставил, ибо богат тот, кто дарит, а не тот, кто принимает дар. Он вернулся в блеске славы, разгромив и повергнув дивов, колдунов, драконов и чужих богов, но сейчас похож на умирающего. И, самое позорное для артанского воина, он в рубашке, словно женщина или ребенок. Костлявые плечи выпирают, а когда ветер прижимает ткань к телу, ребра проступают настолько четко, словно мяса там нет вовсе. Говорят, на спине героя две страшные раны, их не могут вылечить лекари, не могут волхвы, не в состоянии одолеть даже колдуны и маги.

Аснерд с болью и жалостью смотрел, как Придон с трудом вставил ногу в стремя. В седло поднялся – не взлетел птицей, а поднялся, как старик с постели! – с третьей попытки. Пальцы ухватились за конскую гриву, конь переступил с ноги на ногу, удерживая равновесие, всадника клонило на другой бок.

– Прощай, Аснерд, – сказал он мертвым голосом.

Сердце Аснерда дрогнуло и остановилось.

– Постой, – сказал он тревожно. – Ты куда? Эй, вороной, проследи, чтобы он полежал на зеленой травке, глядя в небо, а потом вернулся...

– Я в Степь, – ответил Придон тем же голосом, что уже не принадлежал этому миру. – Просто в Степь.

Аснерд молча стиснул челюсти. В Степь, просто в Степь, уходят из нор звери, зачуйавшие близкую смерть. Уходят подальше и там выпускают дух, чтобы... Да кто знает, зачем уходят звери, но человек – не зверь! Или все-таки зверь?

– Боги, – взмолился он, глядя в сгорбленную спину героя, – боги... какого черта? Вы что, спите? Не должен такой человек помирать. Не должен! Говорят, он вхож к вам на небеса... Если правда, то как вы можете вот так? И ничего-ничего, чтобы он... ожил?

Конь двинулся медленно, бережно, чувствуя, что хозяин, всегда такой могучий и быстрый, сейчас едва держится в седле. Придон в самом деле раскачивался, в ушах и в голове непрерывно звучит ее голос, едва слышный, но в нем боль, недоумение, а кровь поднимается от изнемогающего сердца. Он всхлипывал, не стыдясь бегущих по щекам слез.

Почудилось или в самом деле слышал отчаянный душервущий женский крик, что догнал и больно поразил в спину: «Возьми мое сердце, а песни верни!!!»? Почему не повернул даже головы? Не позволила та буря, что бушевала в нем, та ярость, что разрывала на части, та страсть, что вела по жизни, вела через Огненные Земли, через заснеженные горы, через жуткий Лес?..

Ее отчаянный крик, он слышал его отчетливо, но только крик, ибо ревушая в нем буря заглушила слова. И только потом, уже когда мчался, обезумев от горя, по ровной степи Артании, снова и снова слышал этот крик, этот плач, это отчаяние, клял себя, что не остановился,

не повернул коня. Гордость заставила мчаться навстречу рвущему волосы жестокому ветру, гордость не позволила натянуть повод и вернуться в Куявию. Даже не в Куявию, а к Итании. Но потом, когда обессилел и свалился с коня, начал в том грохоте, в том реве урагана, что разрывает изнутри, различать и слова, что отныне терзают сердце сладким миражем.

Теперь он вздрагивает и сам, ибо ее слова оказались целиком из ранящего его крика. Они поразили в спину так, что отныне там глубокая кровоточащая рана. Дважды Итания выкрикнула особое, жгучее, и две жгут отныне раны, что слились краями в одну – кровоточащую, изнуряющую. Единственное, что получил за свои деяния. Единственная плата за меч Азазеля.

За эти полгода он, не находя себе места, исколесил всю Артанию. Его принимали даже у лемков и гуцагов, в племенах, что не признают Скилла тцаром Артании, хотя и обязались в случае нападения куявов, славов или вантыйцев выступить на защиту их общей страны.

Одиноким всадник не угроза, к тому же сразу замечали, что он и не пытается подсчитывать, у кого сколько войск, не склоняет знатных людей к измене, а сразу же бросается к знахарям и волхвам. Его заставляли пить разведенный в воде пепел сожженных змей, он подолгу лежал на шкурах пардусов, что имеют магические свойства, смотрел на луну, в то время как воскуряли лечебные травы, он давал навешивать на себя амулеты, обстригать волосы, отворять кровь, но все оставалось по-прежнему: перед глазами видел ее прекрасное лицо так ясно, что грудь разрывалась от тоски. Он плакал и бил кулаками по голове, в ушах звучал ее нежный тихий голос, он вскрикивал в агонии: за что, за что является ему, за что мучает, что это за сладость в ее жестокой душе, почему так любит его терзать?

Он покидал кочевье под молчаливое сочувствие, а в следующем его уже встречали, ибо молва о подвиге сына артанского правителя и подлом коварстве куявов летела впереди него. Многие колдуны сами без зова приходили, он покорно глотал снадобья, то горькие, то едкие, пил отвары и настойки, над ним переламывали кости драконов, под ним зарывали плоды куявского дерева с красными ягодами, он покорно проводил там три ночи, вокруг плясали и стучали в бубны, отгоняя злых духов, он сам ходил вместе с магами вокруг костра, где сгорали душистые ветки волшебных деревьев, повторял заклинания и заговоры, обращался с просьбами ко всем богам, давал обеты и клятвы, только бы избавили от наваждения.

Он обошел всех жрецов, знахарей, лекарей, колдунов, встречался с магами. Его заставляли смотреть на звезды, его подвешивали на веревке и окунали в священный источник, его заставили изловить в пещерах белого тритона, высушить, истолочь и три дня носить порошок на груди.

Все знали о его страшных ранах на спине, но Придон не упоминал о них, не просил излечить, и волхвы, как он и просил, лечили его сердце, его душу и только потом, когда ничего не получалось, уже почти тайком, по своей воле, пробовали избавить от жестоких ран.

Аснерд и Вяземайт долго смотрели вслед. Раньше смотреть долго не пришлось бы: короткий и быстро затихающий стук копыт, облачко пыли, блеснувшая искорка топора, подброшенного от избытка сил к небу, и снова степь ровная и чистая, а сейчас конь уходит шагом, оберегая всадника, а того раскачивает так, что того и гляди упадет.

Наконец Аснерд повернулся к Вяземайту, но верховный волхв делал вид, что не замечает требовательного взгляда артанского полководца. Зоркие глаза прослеживали за страдающим братом тцарствующего Скилла. Легкий ветерок надул рубашку пузырем, спрятал худые ребра, но куда деть тонкую шею, истончившиеся руки, что уже не поднимут боевой топор?

– Не смотри на меня так, – буркнул он, не поворачивая головы. – Не смотри!

– А что, – буркнул Аснерд, – признаешься, что никакой не волхв?.. Тот бы что-то сделал.

Вяземайт продолжал следить за удаляющимся всадником. Ветерок слегка колыхнул серебряные пряди, но суровое лицо, будто высеченное из дерева, не потеряло суровости, а солнце не играло на серой коже, а выпитывалось, как влага.

– Волхв, – ответил он ровным голосом, – толкует деяния богов. Деяния и желания. Требования! Но волхв – не бог.

– Это и видно...

– Что? – спросил Вяземайт. Он повернулся и сурово посмотрел на Аснерда. – Что ты сказал?

Аснерд насупился, и без того огромный и грозный, как тяжелая скала, сейчас показался еще и грозовой тучей, что несет в себе целые горы.

– Был бы ты волхвом, – сказал он раздраженно, – не этим... толкователем, а волхвом на коне, уже придумал бы что-нибудь. Ну хоть что-то! А ты только руками разводишь, все оправдываешься.

– Я, – сказал Вяземайт отдельно, – все-таки толкователь! Это важнее, только ты не понимаешь.

– Но ты же и... это... всякое можешь?

Вяземайт покосился по сторонам, буркнул:

– В Артании магия под запретом, не слыхал? Мы же сами подтверждали запрет! И не зря.

– Правильный запрет, – согласился Аснерд. – Толковый. Человек должен сам... но в таких вот трудных случаях можно бы и магией! На это есть отпрет.

Вяземайт пожал плечами.

– Аснерд, ты знаешь, что я кое-что могу. Хочешь, прямо сейчас из воздуха достану жареного барана?.. Немало колдунов, чародеев и даже волшебников помнят, как я их в бараний рог гнул. Но с Придоном все иначе... Догадываешься, какие силы он затронул? Тут ни один маг не поможет.

Аснерд проворчал что-то, спина сторбилась, он повернулся и вдвинулся в шатер. Вяземайт посмотрел вдогонку Придону, уже только далекая точка в степи, зашел за Аснердом. В шатре пахнет шерстью и болезнями, воздух пропитался запахами горьких трав. Старый воин, кряхтя, сел на шкуры, потом подумал, лег, забросил ладони за голову.

Вяземайт огляделся, в шатре только легкий стол и широкая лавка, тяжело опустился на скрипнувшее сиденье. Плечи поднялись, волосы жидким серебром хлынули на грудь.

– И вообще, – сказал он раздраженно, – ты на меня пальцем не показывай, не показывай! У него был меч, так?.. Даже два меча, как рассказывали. С Черным мечом мог бы стать властелином Вселенной, а он просто отшвырнул в камнедробилку. Еще был меч этого Хорса... что на самом деле не Хорса, а какого-то самого древнего, с тем он бы вообще... и что? Оставил в Куявии! Сам тцар Тулей совал ему этот меч, а он отказался! Гордость показал!

Аснерд проворчал:

– А ты бы не отказался?

Вяземайт покачал головой:

– Я бы – нет. Я бы подумал прежде всего об Артании. Что я с этим мечом сделал бы для страны, для людей.

– Старый пень, – буркнул Аснерд.

– Что?

– Что слышал. Придон молод, он думает сердцем, а не головой. Это у тебя сердца уже нет... или почти нет, а у Придона...

– А у Придона головы нет, – закончил Вяземайт. – Это хотел сказать? Ладно, я понимаю, что Придон не мог иначе. Наша честь, достоинство – выше любых выгод. Мы не куявы... Но вот теперь Придон, несмотря на все подвиги, обманут, у куявов и меч, и награда, а он с предательской раной в спине...

Аснерд посмотрел на подрагивающий под напором свежего ветерка шелковый свод, цветные тени скользят по шкурам, расцветчивают Вяземайта, как дивного зверя из морских глубин, поморщился.

– Остынь... Ты не перед войском глаголешь. Мне вовсе не надо так красиво. Мы оба знаем, как было на самом деле.

– А как было? – спросил Вяземайт зло. – Что, хочешь сказать, куявы правы?

– Нет, – сказал Аснерд, – все куда хуже. Оба правы, в этом и беда. Когда прав один, то все решается быстро. А сейчас... Я не поверю, что ты ничего не придумал! Вяземайт, не поверю.

Вяземайт развел руками.

– Я такие раны не лечу.

– Ну хоть что-то сделай! Он спать не может от этой раны, по ночам кричит, вскакивает...

– Я лечу раны от оружия, – ответил Вяземайт глухо. Он опустил ладони на столешницу, сжал и разжал кулаки, посмотрел на сухие бледные пальцы, все еще толстые, крепкие. – От огня, от зубов волка или яда змеи, от льда... Помнишь, как я поднял Зброяра, он вмерз в льдину и пробыл в ней с неделю?

– Ты еще Огнивца спас, – сказал Аснерд. – От парня осталось мокрое пятно, когда с такой высоты, но ты ж собрал его и... вон скачет, как будто таким родился!

– Это все не то, – отмахнулся Вяземайт. – Это либо от рук людей, либо от зверей, гадов, или от своей дури, а с Придоном – хуже... Ну не дано мне вмешиваться в дела богов! Не дано, понимаешь?

Аснерд насторожился.

– При чем тут боги? Это ж Итания его вдогонку так приложила!

Вяземайт встал, снова сел, руки не находили себе места, пока не переплел пальцы в плотный замок и не оставил на столешнице.

– Это, – сказал он глухо, – дела богов. Человек дерзко вторгся в их хранилище, хватается все, до чего дотянется рука... Ты помнишь, в Начале было Слово, и Слово было Богом. Магия вокруг нас: в камнях, земле, воде, траве и деревьях, но мощь богов и даже Единственного – именно в словах. Итания выкрикнула вдогонку Придону... жгучее ли слово, горькое ли – не знаю. Повторяю, это – дела богов. Нам, людям, дана магия, это проще.

Аснерд прорычал тоскливо:

– Магия дана, а слова берем сами. Немудрено, что острым ножом с непривычки можно и порезаться.

– Или порезать других.

Аснерд скривился. Грудь его поднялась, захватывая воздух так, что стенки шатра вогнулись, шест затрещал, а когда выдохнул, шатер раздуло, как пузырь.

– Это видим. Но как его... вылечить?

– Не в моей власти, – отрезал Вяземайт. – И не во власти человека вообще. Если хочешь знать, то даже не во власти богов.

– Ого!

– Не огокай, – сказал Вяземайт строго. – Что сделано богом, ни один другой бог не может отменить. Или даже изменить.

Полог надулся под внезапным порывом воздуха, хлопнул. Вместе с ветром в шатер влетела странная птица, что показалась огромной летучей мышью, заметалась сослепу по шатру, поднимая крыльями ветер. От нее пахло сильным звериным запахом, слишком сильным для такого маленького тела, бросилась на Вяземайта, будто готовилась вцепиться в серебряные волосы, он отшатнулся, Аснерд видел застывшие в страхе глаза верховного волхва.

Полог продолжало трепать с сильными щелчками, похожими на удары пастушьего кнута. Существо сделало резкий поворот и проскользнуло в щель навстречу солнцу. Вяземайт шумно перевел дыхание, лицо побелело, губы вздрагивали.

– Что это? – спросил Аснерд снизу.

Вяземайт остановившимися глазами смотрел на хлопающий полог, встал, закрепил ремешками.

– Я же сказал, – прошептал он, – уже нельзя ни отменить, ни даже изменить...

Аснерд насторожился – Вяземайт произнес эти слова очень уж торжественно, – приподнялся на локте, заглядывая волхву в лицо. Тот все отводил взгляд, наконец посмотрел прямо в глаза.

– И что? – спросил Аснерд требовательно.

– Мы не зря сейчас отправили его в Степь, понял?

Глава 2

Конь – настоящий артанский конь, пытался тихонько перейти на рысь, а потом и в галоп, но Придон придерживал, пока шатры не скрылись с глаз и когда перестал ощущать на спине взгляды Аснерда и Вяземайта. Потом ослабевшие пальцы выронили повод, в глазах потемнело, он рухнул с седла. Онемевшее тело почти не ощутило удара о землю, только незаживающая рана в спине остро кольнула жгучей болью.

Он перевернулся на бок, а когда боль между лопатками притаилась, тихонько лег лицом вверх. Глаза бездумно уставились в синее, слишком яркое для глаз небо, не замечая бегущие по небу стада небесных овец. В последнее время даже слова песен не всплывают из глубин души, из бездны необъятного сердца. Тоскливо, а черная пропасть, что на самом деле никакая не пропасть, а Край Света, где обрывается вообще все, край жизни, за которым только смерть, – с каждым днем все ближе.

Синева налилась густыми красками, перешла в багровость, небо покрылось кровавой корой заката. Потемнело, выступили звезды, а он все так же смотрел в небо, бездумно и безвольно. Воздух уплотнился, ароматы степных трав усилились, а едва слышные днем песни кузнечиков зазвучали мощно, слаженно, целый хор, хотя каждый сидит на своем стебельке, однако начинают мелодию и заканчивают в одно время.

Он смутно подивился, как это у них так получается. Скосил глаза, совсем рядом с его головой толстенький жучок старательно трещит крылышками, на своем языке уговаривает возлюбленную раскрыть перед ним свое крохотное сердце. Горечь в груди начала превращаться в расплавленное олово. Даже они, мелкота, могут отыскать среди тысяч и тысяч себе подобных тех единственных, которые услышат, примут и ответят на их песни. А вот он уже исторг из своего измученного сердца десятки, если не сотни песен...

Он с трудом перевернулся, сегодня рана на спине отзывается при каждом движении. Из-за нее и приходится носить рубашку. Сейчас похож на простого хлебопашца, никто с первого взгляда не узнает в нем того героя, что сумел добыть для Куявии волшебный меч...

Огниво выскальзывало из ослабевших пальцев. Измучился, уже хотел отказаться от попыток зажечь костер, наконец одна из искорок упала на трут. Побежал огонек, вспыхнула береста, затем и мелкие сучки. Набросал хворосту, с облегчением перевернулся на спину, рана болезненно заныла, но вскоре притерпелась и затихла.

Небо качнулось из стороны в сторону и замерло, глядя мириадами ярких звезд и мириадами мириад – слабых, мелких, едва видимых. Из-за дальнего черного леса поднялась полная луна, свет пошел призрачный, свет нежити, привидений, призраков и ночных эльфов. Травинки обрели неестественную четкость, с одной стороны превратились в чистейшее серебро, а другая сторона оставалась абсолютно черной, злой, принадлежащей другому миру.

Он лежал бездумно, безвольно, рядом едва слышно потрескивает костер, все сильнее греет бок, но нет сил сдвинуться. В ночи счастливо верещат кузнечики, пищат жучки... и вдруг все оборвалось. В темноте тревожно фыркнул конь, ударил в землю копытом. Придон даже услышал, как он по-звериному втянул воздух, стараясь уловить запах тех, кто приближается.

Послышался стук копыт, но как-то странно: в такой тиши можно бы услышать за несколько верст, но зазвучали почти рядом. В освещенный круг въехал обнаженный до пояса мужчина на крупном коне цвета запекшейся крови.

Придон не двигался, мужчина вскинул руку в приветствии. На запястье и на предплечье блеснули широкие боевые браслеты. Он спрыгнул на землю, глаза не отрывали взгляда от Придона. Был он высок, выше всех известных Придону богатырей, широк в плечах, могучая грудь в лунном свете красиво блестела. Из-за плеча на Придона смотрела рукоять боевого топора.

Придон хотел встать, но сумел только приподняться и опереться на локоть. Незнакомец небрежно забросил на седло повод, конь тут же отступил в темноту. Придон прислушался, но в том месте кузнечики продолжали выводить любовные трели, будто их совсем не пугают широкие копыта.

– Дозволь согреться у твоего огня, Придон? – спросил незнакомец.

Придон молча указал на другую сторону, там как раз толстое сухое бревно. Незнакомец сел, живые блестящие глаза с интересом всматривались в хмурое лицо Придона. Сам выглядел не то что необычно, нет, самый обыкновенный артанин, обнажен до пояса, как все мужчины Артании, чисто выбрит, тоже как все, на широком поясе два ножа в кожаных чехлах... Необычность разве в том, что Придон еще не встречал мужчин такого роста и богатырского сложения. К тому же незнакомец отмечен жестокой мужской красотой, в нем сила, ум, неутомимость, в глазах иногда мелькают искорки, что во мгновение ока могут вспыхнуть огнем, такой воин превращается в одержимого, в бою не знает усталости, его не берет железо, а он в одиночку может побивать целые армии. За такими охотно идут удалцы, ибо с подобным вождем впереди победы, добыча, слава...

– У меня в суме есть мясо и хлеб, – сказал Придон.

Незнакомец засмеялся, свет от костра пробежал по крупным ровным зубам, Придону почудилось, что рот незнакомца полон огня.

– Спасибо, – сказал он легко, – но я сейчас поеду дальше, у меня много дел... Ты все еще страдаешь, Придон?

Придон сделал неосторожное движение рукой, между лопатками полоснуло болью. Он не дрогнул лицом, однако незнакомец заметил, в глазах мелькнуло сочувствие.

– Ты страдаешь, – повторил он. – Увы, даже я не могу облегчить эту боль. Ни один бог не может это сделать, Придон.

Придон спросил невольно:

– По... чему?

Незнакомец горько засмеялся.

– Потому что люди – тоже боги. Только они об этом еще не знают.

– Я это где-то слышал, – прошептал Придон, но в голове начала работать камнедробилка, он не смог бы вспомнить, даже попытаться. – Но только мы очень жалкие и беспомощные боги...

Незнакомец рассматривал его пытливо, с живейшим интересом.

– Придон, – сказал он благожелательно, – есть люди, которые хоть живы, хоть не живы, в мире ничего не изменится. Таких вообще-то большинство. Но есть и другие... Вот ты – другой! Да, ты можешь помереть прямо сегодня, твоя жизнь на волоске. Но если выживешь, можешь изменить судьбу миров. Тебе многое дано, Придон... Ты будешь просто... просто куявской свиньей, если не воспользуешься.

Придон покачал головой, поморщился. В черепе все громче трещат камни, боль началась в затылке, переползла на левую сторону головы, а в затылок начали вбивать долото.

– Что я могу?

– Многое, – сказал незнакомец настойчиво. – Именно ты! В тебе кровь артанских богов. Именно в тебе, ибо Скилл уже разжижил свою кровь связью с куявкой, боги отвернули от него свои лица. В Ютлане вообще неизвестно что за подземная дрянь, с какими он змеями и жабами в родстве... Только ты – Придон! А ты, единственная надежда Артании, проводишь дни в плаче, аки слабая женщина, в стенаниях да песнях!

Придон сгибал спину и втягивал голову в плечи, каждое слово било, как молотом вгоняло валун в болотистую землю.

– Но что я могу? – спросил он жалко.

Незнакомец расхохотался.

– Ты можешь жить!.. Жить, а не... то, в чем ты сейчас топчешься. Это недостойно мужчины.

Придон спросил вяло:

– А что достойно? Кто знает?

– Это знают все, – ответил всадник серьезно. – Некоторые вещи нельзя усложнять. Из них теряется Правда. Придон, жизнь намного сложнее и одновременно проще. В твоём положении выход весьма понятный.

Придон спросил слабым голосом:

– Есть ли? Что-то не верю. Ну... говори...

За спиной незнакомца колыхнулось звездное небо, там пронеслось нечто огромное, на миг затмив звезды. Сверху донесся тоскливый крик, затем чуть позже хруст, едва слышный треск. В огне костра затрещали опускающиеся сверху длинные шерстинки.

– Мужчины всегда брали женщин, – ответил незнакомец. – Хочешь, расскажу о рождении одного града, которому суждено было стать самым великим на белом свете?.. Который создал величайшую империю и правил миром тысячи лет?.. Так вот, два брата выбрали незаселенное место и окружили его каменной стеной, объявив, что в этот город принимают всех, даже беглых рабов и преступников. Ну, сам понимаешь, туда первыми как раз и явились беглые... Были это люди сильные, отважные, умели за себя постоять. Но вот беда, среди них не было женщин! А город без женщин обречен на вымирание, сам понимаешь...

Он сделал паузу, Придон спросил жадно:

– А что дальше?

– Неподалеку через лес и пару холмов располагалось племя тернигоров. Сильное, надо сказать, племя, но – мирное. Вот и надумали однажды лихие парни из города тайком прокрасться к реке, куда выходят купаться и стирать белье девушки, и... украсть их! Были мудрые люди, что отговаривали от этого безумного поступка, ибо тернигоры хоть и мирные люди, но сильны, оружием владеют хорошо, а такое оскорбление не простят. Однако самые дерзкие не послушались, ведь нет жизни без женщин, собрали большой отряд, половина города отправилась на это дело, пробрались через лес... Смотрят, а их сотни, молодых и сочных, нежных, готовых стать матерями, рожать детей.купаются, стирают, чешут языки... Женщины всегда собираются либо возле колодца, либо у реки, чтобы обменяться новостями без опостылевших мужчин... Вот наши герои и выскочили, похватили девушек и на коней. Крик, визг, но, пока тернигорские мужчины спохватились и прибежали на помощь, девушек уже увезли. А погоня наткнулась на запертые ворота.

– А дальше?

– Дальше... Тернигоры сперва потребовали вернуть похищенных и выплатить пеню за оскорбление. Отказ, понятно. Тогда начали готовиться к войне, такое надругательство, как и предостерегали мудрые, не простили. Собрав большое войско, пробовали осаждать город, но там уже успели возвести крепкие стены. После долгой осады, очень долгой и безуспешной, считай, около года то тараном в ворота, то с лестницами на стену... словом, начали обвинять защитников в трусости. Те рассвирепели, вышли с оружием. Завязался кровопролитный бой. Неизвестно, кто победил бы, но тут случилось неожиданное, что не могли предвидеть даже самые мудрые люди... Из распахнутых ворот выбежали молодые женщины, многие уже с младенцами на руках, другие со вздутыми животами, бросились между сражающимися... И отцы и мужья вынужденно опустили мечи. Или топоры, не помню. Думаю, что у похитителей были как раз топоры... Как думаешь? Женщины заявили, что отныне их дом здесь, это их мужья, а возвращаться они не хотят. Тернигорам пришлось примириться, а потом они даже подружились с жителями этого нового града. С того дня тот разросся бурно и на тысячу лет стал властелином мира...

Придон слушал зачарованно. Перед глазами вставали волшебные картины дивной реки, купающихся женщин и скачущих всадников на быстрых артанских конях.

– Это похищение, – сказал незнакомец, – вошло в историю как «Похищение тернигорок». В его честь учредили великий праздник. И празднуют его с великой радостью и мужчины, и женщины. Красивое зрелище, веселое! Ну, сам представь, женщины должны раздеться и в воду, а мужчины сперва, глотая слюни, из-за кустов... Хотя, прости, тебе пока не до праздников. Но хоть что-нибудь понял?

Придон медленно кивнул.

– Что мудрость... не всегда права. Что дурное сердце и кипящая кровь подсказывают порой более верное решение...

Незнакомец легко встал. Багровое пламя костра подсвечивало его лицо снизу, оно выглядело страшным, нечеловеческим, но Придон знал, что всякий, кому огонь светит снизу, выглядит так же зловеще.

– Мне пора, – сказал незнакомец. – Запомни. Так поступали везде и во все времена, а не только с тернигорками.

– погоди! – воскликнул Придон. – Позволь угостить тебя хотя бы мясом!

Незнакомец скупой улыбнулся.

– У каждого своя дорога, – ответил он загадочно. Свистнул, из темноты выступил конь, глаза блестят, как черные камни, а уши торчат по-волчьи. – И каждый сам творит свою судьбу.

Он вскочил в седло, рука ухватила повод, конь развернулся, ночь поглотила разом, словно костер дал меньше света. Придон прислушался, но привычного стука копыт не услышал. Собрался с силами, встал и с пылающей головешкой в руке вышел за пределы освещенного круга. Кузнечики испуганно замолкли. Самые трусливые начали прыгать из-под ног, покидая убежища.

Следы только его коня, а отпечатков чужих копыт нет. Ни единого. Не случайно он не слышал ни приближения всадника, ни затихающего стука копыт.

Он вернулся, бросил головню обратно в оранжевое пламя. Сердце стучало гулко и часто. Незнакомец отказался разделить с ним трапезу, а это могло означать только одно: либо это враг, либо небожитель. Из того и другого ведут длинные дорожки, что, разветвляясь, дают новые тропки, но Придон ощутил, что не хочет ни в чем копаться, разбираться, доискиваться. Это дело его брата, мудрого Скилла: разбираться, понимать, доискиваться до глубин истины. А он всегда был ведом сердцем. Оно подсказывало и слова песен, и поступки.

А сейчас израненное сердце говорит громко: если женщину нельзя взять словами – можно силой.

Глава 3

За пологом шатра прогремел стук копыт, по-утреннему свежий, сочный, хрустящий. Аснерд и Вяземайт насторожились, конь вроде бы придоновский, но Придон давно уже не пускает коня рысью, тем более – в галоп. Переглянулись, Аснерд раскрыл было рот, но слышались шаги, полог откинулся, пропуская в шатер прохладный, еще не прогретый воздух.

Придон был смертельно бледен, вошел и сразу упал на шкуры. Грудь ходила ходуном, на бледных губах выступили пузырьки пены. Аснерд помалкивал, ждал, однако Придон вскоре заснул, донельзя обессиленный. Во сне стонал и плакал, Аснерд помрачнел, делал отгоняющие злых духов жесты. Придон вскрикивал жалобным детским голосом, вперял невидящие глаза в пространство и начинал разговаривать с кем-то незримым.

Вяземайт ушел, Аснерд слышал его приглушенный голос, в ответ донеслись оправдывающиеся щенячьи голоса молодых воинов. На лицо Придона падал из узкой щели в своде солнечный луч, похожий на лезвие небесного меча, Аснерд встал и, не зная, чем еще помочь страдальцу, сдвинул края ткани.

Вернулся Вяземайт, встретился взглядом с Аснердом, кивнул.

– Ну что? – прошептал Аснерд.

– Я же говорю, – ответил Вяземайт тоже шепотом, – сегодня может решиться... жить ему или умереть!

– А как же твое колдовство?

Вяземайт подошел к спящему Придону, взгляд верховного волхва стал цепким, деловым, прикидывающим.

– Я не обещал колдовства, – огрызнулся он тихо. – Я обещал встречу...

– С кем?

– Кто может указать дорогу.

Аснерд сердито стиснул кулаки. Снова загадки! Нет чтобы какой-нибудь отвар или настой, чтобы и рану на спине, и душу излечили. Деревенские колдуны и то чудеса творят этими отварами. Нежить замораживают, оборотников выявляют, а через черту, что проводят вокруг деревни, ни один вурдалак не перескочит! Даже тучи отгоняют, а вот никто не видел, чтобы Вяземайт хотя бы щепочку своим волховством передвинул!

Вяземайт присел на корточки, Придон лежит лицом вверх, руки раскинуты, но грудь не вздымается, застыл, как могильная плита. Вяземайту почудилось, что Придон уже не дышит, торопливо потрогал, потряс, сдвинул толстыми пальцами такие хрупкие исхудавшие плечи.

Красные веки медленно поднялись, но Придон даже не посмотрел на волхва. Невидящие глаза уставились в шелковый свод, грудь начала подниматься, но очень медленно, с неторопливостью морского прибоя. Был он смертельно бледен, скулы еще туже натянули сухую кожу.

– Придон, – сказал Вяземайт горько, – что ты творишь? Ведь от этого... умирают.

– Я хочу умереть, – прошептал Придон. – Мне настолько горько, что во мне все кипит, горит, плавится, как железо в огне... Скажи, неужели нет лекарств?

– Есть, – ответил Вяземайт. – Даже много. Очень много. Только надежных нет...

– Давай любые!

– Бесполезно, Придон, – сказал Вяземайт. – Все бесполезно. Лечит только время, да и то не всех.

Глаза его устремились в пространство, сейчас он тоже смотрел сквозь тонкий шелк шатра. Придон застонал, ударил кулаком по земле.

– Я испробовал все лекарства!.. Я умираю, Вяземайт. Я знаю, что умираю.

– Крепись, – сказал Вяземайт и сам ощутил, насколько беспомощно это прозвучало. – Я советовался со звездами, слушал волчий вой, а вчера видел хвостатую звезду, что пронеслась в сторону Куявии... Грядет великая война!

– Что мне война, – безучастно ответил Придон. – Я уже сражен. Она держит меня в плену, я чувствую на себе ее цепи. Когда дернет цепь, я поднимаюсь и куда-то иду, когда перестает натягивать цепь, я могу лечь, как вот сейчас, и предаваться отчаянию. Я все время слышу ее голос, вижу ее огромные глаза, я чувствую запах ее тела... чувствовал ли я его раньше? Нет, но теперь чувствую. Я даже ощущал кончиками пальцев нежность ее кожи, когда однажды мысленно дерзнул прикоснуться к ней. Это наполнило меня страхом, смятением и восторгом, и я неделю ходил по облакам и говорил с небожителями!

Он приподнялся, прорычал от резкой боли, но сел, опираясь руками позади себя. Под сухой кожей вздулись очень рельефные желваки. Взгляд был затравленным, но в то же время и решительным, как у загнанного зверя. Вяземайт отодвинулся, в глазах появилось радостное изумление, но он поспешил погасить огни в глазах.

– Посиди, – сказал он торопливо. – Я сейчас принесу настой плакун-корня. У нас есть о чем поговорить!

Он поспешно вышел, почти выбежал. Придон равнодушно смотрел ему вслед, перевел взгляд на Аснерда. Старый воин посматривал пытливо, настороженно. Придон спросил раздраженно:

– Что-то случилось?

– Со мной? – удивился Аснерд. – Что со мной может? А вот с тобой... Придон, с тобой ничего не стряслось? Там, в Степи?

Придон помедлил, говорить про разговор с богом не хотелось, но Аснерд смотрит в упор маленькими медвежьими глазками, лицо настороженное, как у хищного зверя, который охотится на других, но знает, что могут сохотить и его самого.

– Кое-что было, – ответил Придон медленно, – но ты, похоже, уже знаешь... Откуда?

Аснерд тоже помедлил, глаза быстро зыркнули по сторонам, ответил, понизив голос:

– Когда ты ушел, мне тоже был глас...

– Тебе? – переспросил Придон с недоверием.

Аснерд криво улыбнулся.

– Не верится? Я тоже не поверил. Да и туг я на ухо, почти ничего не понял. Со мной надо говорить проще и громче. И не этими... как их, иносказаниями.

Придон спросил жадно:

– И что ты услышал?

– Не понял, – ответил Аснерд откровенно. – Твое исцеление якобы зависит от... Нет, боюсь даже выговорить. Но это возможно, Придон, возможно! Я не все понял, ты ж знаешь, как боги говорят, мы для этого целое стадо волхвов держим, чтобы толковали их речи, знаки, знамения... Я так и не понял, словно боги не боги, а какие-то олени, все непонятно... Словом, хорошо бы тебе излечиться, как я понял, но лучше бы этого и не делать!.. Ну, это совсем непонятно.

Придон спросил сдавленным голосом:

– Насчет раны?

– И насчет раны, – повторил Аснерд сердито. – Я не понял!.. От чего-то предостерегали. Я больше слышал гул, понимаешь, а в нем только отдельные слова... да и то эти слова я сам придумывал, а боги говорили, как они всегда говорят, не словами, а...

Он умолк и в затруднении пошевелил пальцами.

– Да-да, – сказал Придон торопливо, – словами они говорят уже через нас. А с нами вот так, ты прав, – гулом крови в жилах, горячечными снами, криком или щебетом птиц, шелестом ветра в листе... Но что ты еще понял? Что увидел?

– Великую радость, – ответил Аснерд глухо, – и великое горе. Взлеты выше гор и падения ниже болот. Я видел счастье в твоих глазах... и великую боль, перед которой нынешняя – ничто... И вот сейчас сижу, старый дурак, стараюсь понять вечное: к добру или к худу?

Полог распахнулся, вошел Вяземайт, за ним отрок держал на подносе кувшин и три медные чары. Вяземайт повернулся, взял кувшин и чары, отрок поклонился с достоинством урожденного артанина и опустил за собой полог. Оставшись втроем, Вяземайт быстро разлил по чарам холодный настой. Тонкий и одновременно острый аромат наполнил пространство шатра.

– Держи, – сказал он и протянул Придону. – Пей!.. На этот раз поможет. Пусть не так, как ты ждешь, но... поможет. Аснерд, держи свой. Похоже, скоро нам снова седлать коней.

Аснерд взял чару, глаза воеводы были задумчивые. Пить не стал, осторожно подвигал в пальцах, стараясь не разлить бодрящий напиток, любовался затейливой чеканкой по ободку, спросил неторопливо:

– Ты уверен... в своих видениях?

Вяземайт вскинул чару, взгляд верховного волхва был тверд и жесток.

– Уверен, – отрезал он. – Это нужно не только Придону.

– А кому?

– Артании, – отрезал Вяземайт.

– Ого!

– Ты не понимаешь, – сказал Вяземайт. – Не понимаешь, воевода... Судьба Придона и всей Артании сплетена настолько хитро, что сами боги их не разделят. Излечивая Придона, мы излечим и всю Артанию.

Аснерд покачал головой:

– Что-то ты не то говоришь, волхв. Совсем в своих умствованиях заблудился? Да Артания никогда еще не была настолько могучей!

Вяземайт сдвинул с ним чару, темный настой колыхнулся, пара капель сползли по медному боку и сорвались вниз, как доля и жертва богам. Аснерд хмурился, не нравилось даже то, что Вяземайт принес не кубки, как пристало бы воинам, а чары, что привычнее волхвам, колдунам и прочим чародеям, но сейчас уже не переиграть, вздохнул и выпил до дна. Горло обожгло, холод превратился в огонь, по жилам пробежало тепло, впиталось в кости.

Придон не выпил, а выцедил сквозь зубы, так брезгливый конь пьет из лужи, но все же до дна. Вяземайт просветлел и, вставая, хлопнул Придона по плечу, внимательно следя за лицом. Тот почти не дрогнул, хотя незаживающая рана на спине должна отзываться. Хороший признак, Придон вспомнил, что артанин всегда владеет лицом. У него и сейчас все раны заживают как на собаке, да куда там собаке – в полночь остается только шрам, а к утру лишь белесый след от шрама – дар неведомых союзников в его последних скитаниях, но рана на спине... не простая рана.

Аснерд поймал многозначительный взгляд волхва, поднялся, закрихтев для приличия, ведь уже внуки и правнуки водят отряды, пора бы и на покой.

– Отдыхай, Придон, – сказал он. – Чую, недолго тебе отдыхать. Пойдем, Вяземайт.

В небе медленно и беспокойно двигались серые дождевые облака, синева давно уступила цвету старого лезвия боевого топора, облака неотвратимо лиловеют, слабо сверкнуло, но пока без грома. Под ногами взвилось облачко пыли, испугалось двух суровых людей и припало, как впервые выбежавший на улицу щенок, к земле.

Вокруг зеленая степь, весна, молодая трава, и далеко-далеко на горизонте видна блестящая под солнцем крыша с острым шпилем. Там Арса, впервые Придон остановился в скитаниях так близко к Блестке и Ютлану.

Когда шатер остался далеко позади, Вяземайт огляделся по сторонам, сказал, понизив голос:

– Дивные видения меня посещали!.. Я зрел хвостатые звезды, что указывали в сторону Куявии. Я видел в ночи зарево пожаров, что охватило там леса и горы. Горела сама земля, а ветер разносил пепел, что оставался от городов и весей... Я зрел красных коней, исполинских, как горы, что пронесли по Куявии и всю обратили в прах!.. Аснерд, это были неподкованные кони.

Аснерд слушал набычившись, маленькие глазки внимательно следили за взволнованным лицом верховного волхва.

– И все?

Вяземайт сказал раздраженно, но все еще вдохновенным голосом:

– Нет, ибо самое дивное, я видел, как под копытами этих красных коней рушится несокрушимая стена Куябы!.. И наши кони победно врываются в стольный град, с небес доносятся голоса наших отцов и дедов, что славят наши подвиги... Я слышал довольные крики богов!..

Голос его становился все тише, Аснерд выждал, когда Вяземайт умолк, крикнул, сказал досадливо:

– Ладно, а теперь вспомни, что не перед толпой народа. Мне пыль в глаза не бросай, не бросай!.. Ишь, видения узрел. Это младшие волхвы зрят видения, а потом толкуют. Ты – жук хитрый. Может быть, даже мудрый... в чем-то. С краю. Так что на видения не ссылайся, это для... гм... простых. Мне можешь говорить правду.

Вяземайт мгновение смотрел ошалело, поспешно провел ладонью по лицу, сморщился, сказал виноватым голосом:

– Прости. В самом деле... Чего мы так? Таким старым зубрам не к лицу хитрить друг с другом.

– То-то, – сказал Аснерд. – Если и мы станем дурить друг друга, что в мире станется? Так что давай не крути.

Вяземайт вздохнул, снова огляделся по сторонам. Шатер далеко, у костра двое отроков жарят мясо, еще один у ручья купает коней. Все посматривают на небо, торопятся.

– Все знамения... – начал он, спохватился, поправился: – Все говорит о том, что мы должны начать войну. Потому я и поддерживаю поход Придона.

Аснерд удивился, медвежьи глазки, и без того маленькие, стали совсем узкими, настороженными.

– Поход? Какой поход?

– Какой он предпримет, – ответил Вяземайт. – Поход на Куявию.

– Ого, – сказал Аснерд саркастически. – Что-то я слышу об этом впервые. А ведь я – походный вождь! Мне вести войска. Что-то говоришь не то, Вяземайт.

Вяземайт поморщился, развел руками.

– Аснерд, прости... Я слишком далеко забежал мыслью. Поход необходим. Даже большой поход.

– Почему? Молодая сила требует выхода?

Волхв вяло отмахнулся. С толстого браслета на запястье сорвался красный луч, кольнул глаза и ушел в сторону востока.

– С чего бы я стал считаться с молодыми головами, в которых мозгов меньше, чем в копытах моего коня?..

– Так в чем же?

– В сохранении артанскости, – ответил Вяземайт просто и буднично.

Теперь Аснерд поморщился, напомнил мрачно:

– Повторяю, ты не перед войском. И не перед орущей толпой. Я – старый зубр. Говори как есть, без этой сверкающей пыли.

Вяземайт помолчал, обвел взглядом широкую степь, проследил взглядом за взлетевшим из травы перепелом.

– А ты не задумывался, – поинтересовался он мирно, – в чем отличие артан от других народов?.. Конечно же, нет, у тебя заботы поважнее: украсить бляхами уздечку, сменить попону, починить седло. Ладно, не злись, это ж правда. Но мы – волхвы. Должны зреть дальше. Боги дали народам разные пути. Куявы живут богато, оседло. Живут в тесных городах, в тесных домах. Потому у них детей рождается мало, с ними нянчатся, всех выхаживают. Даже больных. У нас, артан, – бескрайние просторы, потому наши женщины рожают каждый год, а боги отбирают для жизни только самых здоровых и сильных. Но и так у нас детей рождается вдесятеро больше, чем в Куявии!.. Мальчики становятся воинами, а девочки – женщинами, способными рожать. Но земля переполнилась бы артанами, если бы те не выполняли свято свое предназначение. Предназначение быть воинами, совершать воинские подвиги, сражаться с врагом, а если нет врага, то и друг с другом, ибо артанская стать мужает в кровавых схватках, артанская отвага выковывается в постоянных боях. Это и есть артанскость!

Аснерд нахмурился, волхв говорил правду. В этом суровая и красивая жизнь артан. Даже все песни только о кровавых битвах, о набегах, о богатой добыче, о захваченных пленных, что делают всю грязную работу, и о пленных куявках, что покорно ублажают повелителей по ночам.

– Значит, – сказал он со вздохом, – войны не миновать?

– Да, – ответил Вяземайт трезвым до жути голосом. – Да. Я просто не вижу другого выхода. На этом – Артаня. Откажись мы от постоянного натиска на соседей, что, надо отдать им должное, неплохо перемалывают наши войска, мы рухнули бы сами...

– Ого!

– Да, Аснерд. Артанами быть перестали бы, а куявами, к примеру, стать не можем. Да и не хотим, у нас этот подлый народ презирают все от мала до велика. Разве не так?

Они все дальше отходили от стана, Аснерд насторожился, от Арсы в их сторону быстро приближалось пыльное облачко. Вяземайт еще не видел, он в воде видит лучше рыбы, а ему видно не только облачко, но и поблескивающие в нем искры, отблески солнца на металле. Кто-то мчится в их сторону, мчится очень быстро, а владельцев таких быстрых коней можно пересчитать по пальцам.

Всадник несется, похоже, легкий, как птица, Аснерд убрал ладонь с рукояти боевого топора. И хотя их стоянка всего в одном конном переходе от Арсы, но слишком долго пробыл на всяких кордонах, в каждом скачущем навстречу всаднике прежде всего зришь противника.

Вяземайт уловил настороженность старого воеводы, сам начал всматриваться, металлический обруч на голове, что вроде бы только прижимает волосы, неуловимо изменил цвет.

Конь незнакомца мчался почти неслышно, Аснерд не уловил стука копыт, пока конь не приблизился, красивый и очень дорогой, благородных кровей, быстрый и выносливый. Из пыльного облачка вынырнуло бледное личико, раньше всегда веселое и смеющееся, но последнее полгода почти такое же измученное, как и у Придона.

Аснерд раскинул руки, Блестка соскользнула в его объятия, он поцеловал ее в макушку, да и то пришлось нагибаться, спросил сурово:

– Ты чего исхудала так? Совсем червяк, а не женщина! Зачем?.. Ох, Блестка, Блестка...

Она с большой неохотой высвободилась из его рук, таких больших, уютных и надежных, вскинула голову. Ее большие прекрасные глаза сразу начали наполняться слезами.

– Здравствуйте, дядя Аснерд! Здравствуйте, Вяземайт!.. Как он?

Аснерд сказал натужно бодрым голосом:

– Пошел на поправку!

– Ох, неправда...

– Правда, – заверил Аснерд громко. – В самом деле, Блестка! Вот посмотри на волхва... Вяземайт, кивни! Видишь, кивнул. Мы тут долго его трясли и раскачивали, у него чуть уши не оторвались, тормозили по-всякому, все думали, как бы... Правда, Блестка!

Она сказала с печалью:

– Пойду к нему...

Аснерд придержал ее в кольце рук.

– Блестка, надо ли? Он же всякий раз, чтобы не видеть твоих слез, снимается с места. Здесь только неделю...

Она покачала головой, слезы переполнили плотины нижних век, побежали по щекам, чистые, крупные, прозрачные.

– Значит, все так же?

– Да лучше, лучше, – сказал Аснерд с досадой. – В самом деле! Но пока такой же бледный червяк, как и ты. Исхудал, как... не знаю кто. Ладно, иди. Увидишь.

Она понеслась, легкая, как облачко, к далекому шатру, Аснерд и Вяземайт проводили ее взглядами. Вяземайт проронил невесело:

– Сам страдает понятно за что? Но зачем мучиться близким?

Аснерд кивнул.

– А еще Ютлан... Что-то пропадать начал невесть где. Через год-другой посвящение в воины, готовиться бы, а его не застать. Даже в Арсе... А то, возможно, и в Артании!

Вяземайт смолчал, но в глазах промелькнуло нечто, от чего по каменной спине Аснерда пробежали мурашки.

Глава 4

Во все стороны помчались вестники, созывая на пир. Аснерд велел сообщить, что Придон, великий герой, начинает поправляться от жестоких ран. Придон морщился, перехватил озабоченный взгляд старого воеводы, тот все еще смотрит как на смертельно больного, а на пир собирает как будто для того, чтобы успеть...

Уже на следующий день начали прибывать знатные герои, известные воины. Придон с удивлением увидел и старых военачальников, с которыми не знал, не общался, тем более – не был в дружбе.

Вяземайт объяснил, что прибыли и незнакомые, потому что сидеть за одним столом с Придоном – честь для любого. Дома будут рассказывать домашним, женам и дочерям, что видели того самого, о ком по всей Артании грезят молодые девушки, плачут в подушки и завидуют куявской принцессе. Вообще о безумии среднего сына Осеннего Ветра идут слухи один другого причудливее, один другого печальнее.

Последним примчался Скилл, за ним неслась сотня героев охраны. У Придона сердце слегка взыграло, ибо даже присутствие старшего брата наполняет силой, от него веет уверенностью, готовностью сокрушить все преграды и, конечно же, защитить младших братьев и единственную сестренку.

Скилл вырвался вперед, могучий белый жеребец на скаку красиво встряхивал гривой, любовался собой, сверкал огненными глазами, даже подпрыгивал от избытка силы и бодрости, а остановившись, поднялся на дыбы и постучал по воздуху передними копытами, хвастаясь широкой грудью, подтянутым животом и мускулистыми задними ногами.

Скилл соскочил. Небрежно забросил повод на седло, бросив властно: «Стоять!», – и конь замер, а Скилл обнял брата, широкие твердые ладони, привыкшие к рукояти боевого топора, плечи сжали бережно, опасаясь повредить.

Глаза с любовью и нежностью смотрели в измученное лицо. Во взгляде Скилла Придон прочел глубокое сочувствие и понимание.

– Держись, Придон...

Придон кивнул, отвел глаза. Что может сказать брат, если не какую-нибудь глупость вроде: забудь, она же куявка... Сам в священном безумии любви не мог разделить ложе ни с одной из женщин, пока снова не встретил ту, свою единственную. Замужнюю... нет, уже вдову. К тому же куявку.

Аснерд прогудел довольным медвежьим басом:

– Столы накрыты!.. У нас здесь нет дворцов, но есть ли на свете свод лучше, чем расшитое звездами небо? Есть ли стены шире, чем виднokrай?

Однако Придон видел, он окинул стоянку не только придирчивым взглядом, но и горделивым. Хоть и не Арса, но его и Вяземайта стараниями уже не простое кочевье: всех сумели разместить за настоящими столами на широких лавках с деревянными спинками. А на столах посуда не из глины, а медная, бронзовая, даже серебряная. Кубки и чаши подали золотые, а чары так и вовсе с мелкими самоцветами по краю.

Молодые воины, которым пока рано сидеть за столами рядом с именитыми героями, очень быстро, как будто в походе, развернули телеги, в середине каждого боевого квадрата повесили большие котлы на треножниках. Запылали костры, в котлах знаменитый походный кулеш, на камнях и железных листах мясо, рядом пекли хлебные лепешки. Поодаль от шатра Придона зацвели шатры гостей: у кого из простого полотна, у кого из цветного шелка, все украшены родовыми знаками, у входа щиты, даже по ним легко узнать, что этот шатер принадлежит прославленному Вологу, что водил малый отряд на Вантит, а вернулся с добычей, какой не брало и большое войско; в этом шатре неустрашимый Плеск, он в горе и ярости, видя

раненого брата, бросился на целую сотню славов и заставил их отступить, а брата вынес на плечах; рядом шатры Белозерца и Щецина, неразлучных военачальников, когда они вместе, то их не опрокинуть и огромному войску; за ними шатры Волина, Ральсвика, Меклена – прославленных героев, что могут водить и малые отряды, и большие войска, сражаться пешими и конными, на суше и на воде, знают много военных хитростей, умелые и опытные военачальники, что все еще первыми вступают в бой, последними из него выходят.

Счастливые отроки, им повезло увидеть сразу столько героев, сбивались с ног, таская на столы снедь, заставляя кувшинами, кубками, а от котлов уже повеяло ароматом душистого кулеша, полевой каши артанских воинов.

Многие из героев не виделись годами, сейчас обнимались, вспоминали прошлые походы, созывали друзей, разбивались на группки. Пир начался сам по себе, без начала, без присмотра, ибо Вяземайт куда-то исчез, Придон смотрит поверх голов, почти ничего не слышит, губы шевелятся, разговаривает с богами.

Пришли певцы и музыканты, громко и вразнобой задудели на дудках, сопилках, пищалках. Немолодой певец, но с хорошим сильным голосом красиво спел о подвигах Придона, что сумел добыть волшебный меч. Скилл посматривал на певцов строго, однажды даже погрозил пальцем.

Аснерд сел рядом с Придоном, могучая рука воеводы звучно шлепнула по его спине.

– Ох, прости... Но зря Скилл так уж осторожничают, зря...

– В чем?

– Он велел, чтобы пели все, что угодно, но только не твои песни.

Придон вяло пожал плечами.

– И что? Пусть поют, что хотят.

– Песни песням рознь, – сказал Аснерд наставительно. – Когда хорошие песни, их слушают с удовольствием. Послушав, говорят, что песня хорошая. Или что певец в голосе. А вот те песни, что ты сложил...

– Ну?

– Они вроде бы и не песни вовсе, – ответил Аснерд после паузы. – После них человек не понимает, хорошие это песни или плохие. Он вообще не понимает, что слушал песни. Он начинает либо рыдать, либо хохотать, хватается за топор, куда-то бежит кого-то спасать... Опасные у тебя песни.

Придон слышал воеводу, как будто тот находился за толстой стеной. Пальцы вылавливали куски сочного мяса, зубы послушно жевали, он чувствовал, как по пищеводу двигается к желудку ком, но не ощущал ни нежного мяса молодого жеребенка, ни мяса барашка, вымоченного в соке редких горных ягод, ни вкуса даже жгучей и воспаляющей кровь жги-травы.

Легкий ветерок закрутил запахи жгутом и бросил в лицо смесь из ароматов горящего березового дерева, жареного мяса, пахучих трав.

– Не знаю, – ответил он вяло, – это не я их складываю.

– А кто?

– Во мне складывает.

– Кто? – повторил Аснерд.

– Не знаю, – ответил Придон тоскливо. – Мне кажется, в каждом из нас живет еще один человек. Спит, ест, снова спит... Иногда просыпается. Совсем редко. И тогда человек, которого мы знаем, начинает вести себя как-то странно. Мы говорим ему: ты не в себе, пойдешь отдохнешь... Или: ты сегодня сам не свой... тебя не узнать, что с тобой?... Эх, Аснерд, лучше бы я не будил этого, который внутри меня!.. Он чересчур силен. Он намного сильнее меня. И песни складывает он... Неужели я похож на человека, который складывает песни?

Аснерд окинул взглядом его изможденное лицо с сухими потрескавшимися губами.

– Ты ешь-ешь, а то в самом деле похож.

Придон усмехнулся:

– А тот, который внутри меня, стал похож на меня внешнего?

Рука Аснерда дрогнула, он задержал кубок, в глубоко посаженных глазах мелькнул тревожный огонек.

– Может быть, – ответил он медленно, – если это так... то я понимаю, на что рассчитывает Вяземайт!

Он огляделся по сторонам, брови сдвинулись над переносицей. Тревога в глазах росла. Придон спросил вяло:

– Что не так?

– Вяземайт, – повторил Аснерд глухо. – Куда делся Вяземайт?

– Да его вроде бы и не было...

– Не странно?

– Наверное, в капище, – ответил Придон вяло.

– Когда такой пир? – удивился Аснерд. – Это ты изменился, но не Вяземайт.

Уже и другие гости начали оглядываться, ибо верховный волхв был прежде всего арта-нином: на коня вскакивал, не касаясь стремян, топор метал на скаку в полено с сорока шагов, а за столом мог рассказать поучительный случай или вставить шутку, что взвеселяет сердца.

Пир был в разгаре, когда вдали взвилось желтое облачко пыли, такое яркое на синем безоблачном небе. Вынырнули трое скачущих всадников на вороных конях. Впереди несясь, пригнувшись к конской гриве, Вяземайт. От серебряных волос верховного волхва струился чистый свет, а когда поднял голову, глаза сверкнули, как яркие звезды в ночи. За ним покачивались в седлах двое молодых волхвов, крепкие и молчаливые помощники, что вполне могли бы стать в первые ряды сильнейших воинов.

Навстречу выбежали отроки, Вяземайт тяжело спрыгнул, коня ухватили и увели. От столов приветствующе закричали, Скилл вышел навстречу и обнял старого наставника. Вяземайт высвободился, глаза все еще сверкают неземным светом, серебряные волосы растрепались, он был красив и страшен разом. Голоса за столом начали умолкать.

Вяземайт тяжелыми шагами направился к столу, где сидели Придон, Аснерд и еще пятеро из знатнейших военачальников. Глаза смотрели в упор, но казалось, он видит нечто незримое, доступное только богам и тем, кто получил от них дар видеть это незримое.

Скилл догнал, обнял за плечи, усадил, подал знак отроку, чтобы перво-наперво наполнил кубок, а потом принес еды. Вяземайт отодвинул кубок, ему тут же с виноватостью придвинули чару.

– Что ты узрел, мудрый? – спросил Скилл нетерпеливо.

Вяземайт с трудом разомкнул пересохшие губы. Придон заметил, что сильный жар иссушил губы так, что полопались, в трещинках застыли темные сгустки крови. Дрожащими пальцами ухватил чару, поднес рывком ко рту. Красные струи потекли с обеих сторон подбородка.

– Я даже не знаю, – ответил он, оторвавшись на миг, – даже не знаю...

Он допил до дна, лицо слегка ожило, с трудом перевел дыхание. Скилл спросил нетерпеливо:

– Что ты зрел?

– Даже не знаю, – повторил Вяземайт, – могу ли я рассказать...

Скилл закусил губу, но на них смотрят от всех столов, он повторил вынужденно:

– Что ты зрел?

– Великие Знамена, – ответил он и умолк, оглянувшись в сторону отроков. – Да, это в самом деле Великие!

Ему поднесли кувшин с охлажденным кумысом. Он жадно припал к нему, все в молчании ждали, когда волхв оторвется и заговорит, но тот все держал кувшин обеими руками, задира л кверху дном больше и больше, но ни капли не пролилось на грудь. Волхв пил жадно и бережно,

наконец кувшин поднялся дном к небу, но и тогда сильные руки не отпустили сосуд, а красный, как огонь, язык ловил последние капли.

– Здоров, – прошептал кто-то в благоговении. – Как же его скрутило...

Скилл спросил нетерпеливо:

– Что ты видел, мудрый?

Вяземайт передал кувшин младшему волхву. Тыльной стороной ладони вытер капли с губ, и Придон отметил, что губы волхва снова чистые, без трещин и ранок, лицо помолодело, в нем снова жизнь и сила. Золотой обруч на лбу заблестел ярче, камень налился чистым радостным цветом.

Вяземайт осмотрелся, всюду десятки пар глаз смотрят в ожидании. Развел руками.

– Лучше бы мне вообще смолчать... Но если и скажу, то пока только самому тцару. А уж он, если изволит.

Из толпы вскрикнули встревоженно:

– Да что за видение? Какой боги подали знак?

Вяземайт посмотрел на Скилла. Тот нахмурился, сказал осторожно и предостерегающе:

– Великий волхв мудр. Он не скажет лишнего.

– Не скажу, – согласился Вяземайт. Он оглядел лица пирующих, все смотрят с ожиданием, с трудом растянул губы в улыбке: – Боги сказали, что и в этом году не будет ни засухи, ни сильных морозов. Если горы не сдвинутся с мест, а море не выйдет из берегов, то коровы принесут по два теленка за раз, по всей Артании – ни одного падежа скота, саранчи этим летом не будет, а всех нас снова ждет небывалый урожай пшеницы, ржи и гречки!.. Так возблагодарим же богов за любовь к нам!

Он взял чару, к нему потянулись со своими кубками, кто-то все же спросил:

– Но почему у тебя была такая морда... невеселая?

Вяземайт отмахнулся:

– Это я заглянул дальше. От любого нашего шажка множество дорожек. И тропок. Я прошел было по одной... ужаснулся и едва сумел назад... Но нам по ней идти не обязательно.

– Но мы пойдем, – сказал Аснерд негромко.

Его никто не услышал, только Вяземайт взглянул остро, его чаша и кубок Аснерда сдвинулись с мягким звоном благородного металла. Не расцепляя взглядов, они залпом выпили холодный кумыс, что взбадривает тело и очищает мозг.

Пир не прерывался, хотя из-за стола исчезли Скилл и Аснерд, ушел Вяземайт, но это привычно, сейчас ушли, потом придут, не прерывать же из-за этого хорошую песню или славный рассказ о подвигах, о дальних странах, о чудесных сокровищах и красивых женщинах, что живут в море и показываются только перед бурей!

За это время Скиллу поставили отдельный шатер, телохранители пока что за столами, а когда в небе выступят звезды, то разожгут костры и улягутся вокруг шатра прямо на землю, подложив под голову седла.

Скилл в нетерпении расхаживал по шатру, задевая или натыкаясь на шест, наконец полог откинулся, Вяземайт вошел собранный, быстро зыркнул по сторонам. Скилл сказал успокаивающе:

– Я поставил охрану, никто не подойдет.

– А стражи?

– Не болтливы.

Вяземайт сел за легкий походный столик. Стул затрещал под могучим телом, слегка раздался в стороны, но устоял.

– Я не стал говорить, – сказал он тяжелым голосом, – потому что видение было... слишком грозное.

– Теперь говори все, – сказал Скилл. Он набычился, смотрел исподлобья, требовательно, глаза сверкали строго. – Я пойму.

– Скилл, я скажу, что я узрел... ну, когда чуть прошелся по той дорожке... Я зрел огонь и дым, слышал грохот и лязг железа. Земля дрожит и стонет под тяжестью скачущих конников... Артанские всадники несутся через города и села, оставляя за собой огонь и смерть... Облака черны от дыма, это горят куявские города...

Скилл переспросил с недоверием:

– Куявские?

– Да.

– Не ошибся?

– Разве города куявов спутаешь с нашими шатрами? – спросил волхв. – Города горят, а наши герои проносятся как тени... но за ними трупы, трупы, трупы...

Скилл спросил настороженно:

– Почему такое видение?..

Вяземайт ответил хриплым голосом:

– Видения посылают боги... Мы не вольны видеть то, что хотим. Мы видим только то, что дано. Что позволено. Но нам, людям, решать, как истолковать. Решать, что делать, тут боги бессильны. Или не хотят. Они могут только показывать или подсказывать, но решаем только мы.

Скилл долго молчал, складки на лбу стали глубже. Вяземайт помалкивал, молодой тцар не по годам мудр и заглядывает вперед очень далеко.

– Пока никому не рассказывай, – обронил наконец Скилл. – У нас слишком много горячих голов... Да и урожаи, черт бы их побрал! – в самом деле столько лет ни одного падежа скота, уже некуда ссыпать пшеницу. Коней кормим отборной пшеницей, продаем на вывоз, а меньше не становится, хоть жги...

Вяземайт сочувствующе смолчал, поднялся.

– Думай, – сказал он. – Я пойду отдохну. Это непросто... смотреть в такое!

Придон ощутил, что словно завис в падении. Его могучего здоровья хватило, чтобы продержаться эти полгода, с осени, когда мчался навстречу ветру, а в спину ударил горестный вскрик. Прошла зима, сейчас весна, он медленно умирает, но с той странной встречи в ночи, когда неведомый бог говорил с ним о похищении молодых женщин, что принесло спасение целому городу, он остановился на дороге к небытию... однако ступить на тропку, ведущую к жизни, все еще недостает сил.

В измученной душе то и дело вспыхивают яркие картины того похищения, когда похитители женщин расхватали насильно, но те потом сами не захотели возвращаться к родителям. Что-то в этой картине начинает казаться все более правильным и... доступным.

Он шел к своему коню, снова бы в Степь, чтобы только молодая трава и синее небо, как вдруг на плечо легла крепкая рука. Раньше бы вздрогнул, но теперь прошла целая вечность, прежде чем сообразил, что его встряхнули, еще раз, а потом дернули так, что лязгнули зубы.

На него в упор смотрел Щецин, немолодой, даже очень немолодой, но крепкий, как железо, воин. Он ходил в походы еще с его отцом и даже дедом, а сейчас гордился своими сыновьями, Кроком и Вереном, несравненными стрелками, что луки себе заказали выковать из особой стали, а наконечники для их стрел ковали гномы. Он готовил сынов к походам со Скиллом и ворчал, что вот уже который год артане сидят, как женщины или куявы, на пороге домов и лузгают горох да орехи.

– Щецин, – сказал Придон слабо, – здравствуй, Щецин...

– Придон, – резко сказал Щецин, – пора в седла!

– В седла, – повторил Придон как во сне, – зачем? Если в набег, то Скилл...

– Я пойду за тобой, Придон, – прервал Щецин, – и другие пойдут. Не за Скиллом даже, а за тобой! Пойдем и за Скиллом, если поведет в поход, но за тобой... пойдем дальше. И охотнее.

Придон спросил вяло:

– Смеешься? Я игрался под столом, когда ты водил полки на Куявию! Ты громил славов, ты жег города в Вантите... Я перед тобой щенок.

Щецин покачал головой:

– Ты сильнее меня. Ты сильнее всех нас. Сильнее всех властителей мира.

Придон чувствовал свою жалкую улыбку, недостойную воина, но не мог ее согнать.

– Щецин, ты не то говоришь...

– Придон, – сказал Щецин настойчиво, – ты знаешь, что Тхор схватил меня и пытал жестоко. Раны мои никогда не заживут... Как на теле, так и в душе. Он убил моих братьев, убил родителей, убил любимую жену... и посадил на кол моего старшего сына! Я все это видел. Я скрежетал зубами, я проклинал его и клялся отомстить. Он жег меня железом, резал из спины ремни... Я смеялся ему в лицо!.. Это тебе подтвердят многие, меня пытали при всем его народе. Никто и никогда не мог выжать из меня слезу. Но почему же сейчас, когда ты поешь, у меня мороз по спине, почему меня бросает то в жар, то в холод, я цепенею то в страхе, то в отчаянии... и почему лицо мое мокрое от слез?.. Почему я задыхаюсь от рыданий?

Придон сказал тупо:

– Прости, но это не я. Это что-то во мне. Мне оно не подчиняется.

Щецин сказал резко, с напором:

– В тебе говорят боги. Я хочу идти за человеком, в котором звучит голос бога!

– За мной некуда идти, – тоскливо ответил Придон. – Я в тупике.

– Для человека, который бог, – сказал Щецин жестко, – нет тупиковых дорог. Ты прой-
дешь везде. А мы – за тобой!

– Мы?

– Конечно, – ответил Щецин, в глазах вспыхнули огоньки. – Знаешь, сколько готовы пойти за тобой только потому, что это – ты? Я даю тебе Крока и Верена, своих сыновей, они будут твоими первыми воинами! Я сам возьму боевой топор. Я пойду за тобой, Придон! Только позови.

Придон молча обнял старого воина, в глазах защипало. Некоторое время стояли так, потом Придон резко освободился и, не сказав ни слова, пошел в шатер Скилла.

Глава 5

Он только успел обняться со старшим братом, ощутить идущую от него молчаливую поддержку, когда торопливо заглянул оруженосец, сообщил, что к светлому тцару жрец Воды Уболот по важному делу. Скилл сделал небрежный приглашающий жест. Аснерд и Вяземайт сидели за столом. Вяземайт задумчиво рассматривал длинные костлявые руки. Суставы на пальцах вздулись, короткие серебряные волосы на руках мелко поблескивали.

Вошел низенький, широкий мужчина с одутловатым лицом, рыхлый, с толстыми складками на боках. Но был он бледен, хотя раньше все видели его только румяным и краснорожим. Сейчас лицо вытянулось, в глазах страх, но во всем облике странно проступала тожественность, значимость великого момента.

Придон насторожился, спина сама по себе выпрямилась, грудные мышцы раздвинулись и застыли, заново пытаясь научиться отвердевать, как камни.

Жрец бросил быстрый взгляд на Вяземайта. Придону показалось, что Вяземайт чуть-чуть наклонил голову, и ободренный жрец заговорил быстро и торопливо:

– Светлый тцар... Светлый тцар!.. Боги посылают нам великое испытание, но это всего лишь испытание...

Скилл не заметил молчаливого разговора волхва и жреца, поинтересовался с легкостью человека, который не ждет ничего важного:

– Что они рекли?

– Мы принесли великие жертвы, – ответил Уболот. – Мы советовались со жрецами культа Огня, культа Воздуха и культа Земли. И все, тоже принеся жертвы, подтвердили, великий тцар...

– Что? – повторил Скилл уже нетерпеливее.

– Они рекли великие слова...

Жрец снова умолк, взглянул на Вяземайта. Скилл спросил раздраженно:

– Что они сказали?

– Они рекли, что если Артания вторгнется в земли Куявии...

Он замолчал, на бледном лице проступили красные пятна. В глазах появилась неуверенность. Скилл насторожился, глаза быстро бросили взгляды по сторонам. Придону почудилось, что старший брат вдруг пожалел, что так легкомысленно позволил жрецу войти и при всех раскрыть рот.

Аснерд рыкнул могучим голосом:

– Говори!

Жрец вздрогнул, сказал скороговоркой:

– Если вторгнемся, то Куявия будет разгромлена! Я видел... и жрецы Огня видели, а потом и другие, мы все видели всадников Артании на улицах Куябы!.. Видел, как скачут, размахивая топорами, убивают куявов, врываются в дома, несут награбленное!.. на лицах радость, это час нашей великой славы!..

Придону показалось, что Скилл сейчас с удовольствием разорвал бы жреца на части или хотя бы заткнул ему пасть и сбросил с высокой скалы. Но все смотрели уже на него, тцара, и Скилл покачал головой.

– Ты прав, – сказал он медленно, – боги посылают испытание. Это ложное видение. Никто и никогда еще не брал Куябу ни приступом, ни осадой.

Жрец сказал суховато, с тенью обиды в голосе:

– Я не сказал, что видение истинно. Я сказал только, что видение было. И все видели. Люди к старости становятся осторожными, тцар! А я уже стар, я привык, что мне верят. Потому

я не сказал тебе сразу, а сам сперва проверил и перепроверил. Потом – с помощниками, а еще попросил посмотреть жрецов других богов. Я говорю только, что таково видение было!..

Скилл поморщился, кивнул.

– Не спорю. Наше дело – правильно истолковать. Верно?

Жрец ответил с поклоном:

– Ты всегда говоришь дело, тцар. Хоть ты и тцар.

Скилл приподнял бровь, Придон видел острый взгляд брата, Скилл показал, что уловил и оценил укол, но продолжил тем же ровным голосом:

– А толковать мы должны в интересах Артании, так? Чтобы правильно толковать, надо сперва знать интересы самой Артании. В чем ее интересы?

Придон все рвался сказать, в чем ее интересы, но Скилл явно обращался к жрецу. Тот подумал, пожал плечами.

– Ты будешь удивлен, тцар... и назовешь это трусостью, но я бы ничего не стал менять. И наши войска в сердце Куявии... лишнее.

Придон едва не задохнулся от такого чудовищного предательства, однако Скилл не вскочил, не ударил кулаком по столу. Лишь брови сдвинулись на переносице да голос стал суше.

– Если такие ясные знамения в нашу пользу, то почему не показать зубы? Не двинуть огромное войско и не разорить пару пограничных деревень?.. Куявия перед угрозой вторжения, как всегда, постарается откупиться!.. А если их жрецы тоже увидят такие же небесные предзнаменования, то куявы дадут выкуп впятеро больше!.. А то и вдсятеро. Так что...

Он умолк, не закончив фразы. Могучие руки лежали на столе, неподвижные, как бревна. Жрец вздохнул, как показалось Придону, с облегчением.

– Да, – проговорил он, – это, пожалуй, самое расчетливое решение. Скилл, ты – великий правитель!

Придон не выдержал, вскочил.

– Что здесь великого, если он говорит так, как говорил бы... прости, брат!.. презренный торгош куяв? Разве мы не должны красиво и с огнем, с горящими взорами и пламенными топорами?.. Брат, ответь! Почему, если боги ясно показывают, что... как же... как ты можешь отказываться? Если сами боги... чтобы мы войска на Куявию, проклятую Куябу в кучу щебня...

Аснерд и Вяземайт переглянулись. Аснерд слегка наклонил голову, пряча довольную усмешку, Вяземайт же, напротив, приподнял голову, лицо просветленное, истовое, в глазах блеск, словно каменный свод расступился, и свет звезд отражается в зрачках.

Скилл покосился на них, вздулись желваки, поднял руку ладонью вперед.

– Погоди. Погоди, брат мой, пока ты не сказал слишком... Боги не сказали, что мы должны захватить Куябу. Верно я понял, Уболот?.. Видишь, верно. Они сказали только, что можем вторгнуться в Куявию и здорово ее пограбить. Даже захватить стольный град и сжечь его дотла. Можем! А вот должны или не должны – это решать нам.

Придон вскипел, вскрикнул:

– Но как же!.. Если можем, то почему... Брат, я не понимаю!

Аснерд подмигнул Вяземайту. Скилл все видел, все замечал, мрачнел, а жрец молча отводил глаза. Придон вскочил, смотрел на брата отчаянными глазами. Он не замечал даже, что его раскачивает, как головку цветка на ветру. Скилл вздохнул, сказал печально:

– Да, безрассудство любви – прекрасно...

Придон задохнулся, перед глазами потемнело. Почти вслепую он шагнул к выходу, бросил с порога резко:

– Ты научился говорить мудро. Так прими же и от меня: протоптанная тропа – самая опасная!

Слухи, один другого причудливее, поползли по Артании. Раньше они неслись со скоростью самых быстрых коней, а сейчас двигались с неохотой, надолго застывали на местах, не в силах выползти из кочевья. Слухи тяжелые, недобрые, даже постыдные для артанина, потому их никто и не спешил нести на быстроногих конях.

Так уж случилось, что жрец Воды рассказал о видениях в присутствии Аснерда, Придона и Вяземайта. Им рот не заткнешь, да и не узнаешь, кто проговорился. На следующий день увеличился спрос на оружие, поднялись цены на топоры из хорошей закаленной стали. В города из глубин степей пригоняли табуны коней. Отцы кричали, но доставали припрятанные золотые монеты и покупали подросткам сыновьям самых быстрых, самых крепких, самых надежных коней. От коня зависит слишком многое, чтобы не стараться выбрать самого лучшего: конь не должен пасть на трудной дороге, а раненого обязан вынести из гущи боя и принести к своим.

Придон часто уезжал в Степь, а когда вокруг оставалась только зеленая трава, а сверху – синее небо, падал в траву. Только кузнечики да бабочки видели его слезы да слышали рыдания. Еще он вылавливал из глухого гула в череде жгучие слова, раскаленные до крика, что могут растопить ее застывшую душу, бережно складывал, переставлял местами, да они сами переставлялись, он только следил за их причудливым полетом, изгибами, видел, как они то наливаются цветом, то истончаются до шепота, становятся тверже стали и нежнее лепестка, взлетают, обдавая его дивными ароматами, бросая то в жар, то в холод...

Аснерд ехал по следам, молодая трава бурно шла в рост, влажно шелестела под копытами. Конь на ходу срывал верхушки, смачно хрустел, потом вдруг остановился, вытянул шею. Аснерд увидел, что конь осторожно обнюхивает исхудавшее костлявое тело, что распласталось в траве лицом вверх и раскинув худые руки.

Придон дунул в нежные подрагивающие ноздри. Конь отпрянул, оскалил зубы по-волчьи, глаза стали удивленные, как у ошалелого ребенка.

– Придон, – прорычал Аснерд с отвращением, – твоим именем творится такое... а ты здесь на цветочках гадаешь?

Придон заслонился ладонью, глядя снизу вверх на болезненно мигающего на фоне ослепительного неба гиганта.

– А что... творится?

Аснерд покачал головой.

– Да, вот уж поистине... Твоим именем начинается война, а ты...

– Война?

Аснерд поморщился:

– Если даже не война, то уж очень большой набег. Очень!..

– Я не думал ни о каком набеге, – сказал Придон защищаясь. – Аснерд, ты же знаешь... Какие набег, я едва в седле держусь. Мне плохо, Аснерд. Оставь меня. Дай мне... просто лежать.

Аснерд оглядел его с головы до ног.

– Думаешь, хоть кто-то не заметил, что тебе хреново? От тебя один скелет, кое-как обтянутый кожей. Да и кожа желтая, как у покойника. Придон, ты помрешь...

– Я знаю, – ответил Придон просто. – Езжай, Аснерд, а? Езжай, куда едешь.

– Я приехал за тобой, – отрубил Аснерд. – Вставай, Придон. Ты... нужен. А здесь ты просто помрешь. Я знаю... Я видел, как от... от этого умирали. От смертельных ран выздоравливали, а от... от этого умирали. И ты умрешь.

Придон тихо прошептал:

– Нет жизни без Куябы.

Аснерд прорычал, нависая над ним, как огромная грозовая туча, где уже зло блещут зарницы и рокочет гром:

– Так пойд и возьми ее!

– Кого? – испугался Придон. Он чувствовал себя зайцем, бегущим по бескрайней степи от этой тучи, когда нет ни дерева, под которым укрыться, ни норки, куда улизнуть. – Кого взять?

– Куябу, – отрезал Аснерд зло. – Куябу, если это твое лекарство. И тех, кто в Куябе, – возьми! Другие уже седлают коней. Топоры наточили, седла сменили, доспехи на всех новенькие. Все готовы идти за тобой! Да-да, везде прокатился слух, что ты собираешь народ в поход. Вставай, Придон! Вставай сам, иначе я слезу и привезу тебя поперек седла.

Придон с трудом приподнялся, сел, упираясь руками позади себя. Руки заметно вздрагивали. Он вобрал голову в плечи.

– Я? Зачем это мне?

– Взять силой то, – сказал Аснерд твердо, – чего тебя лишили. Тебе должны были отдать Итанию!.. То была просто подлая уловка, чтобы ты отказался! Тебя обманули, Придон. У тебя и меч отняли, и награду не дали. Вся Артания кипит, везде сверкают клинки. Куявские купцы уже убралась в страхе, они видят, что натворил их неумный тцар. Вставай, Придон!

Рык его напоминал гром, что приближается с каждой минутой. Придон с трудом поднялся. Аснерд свистнул, конь Придона нехотя пришел на зов грозного чужака, которому лучше все-таки подчиниться.

Придон взялся одной рукой за луку седла, другой провел по лицу.

– Какой обман? Какой меч? Тцар Тулей настаивал, чтобы я взял тот проклятый меч!.. Я сам отказался. Сам!

– Знаю, – буркнул Аснерд.

– Откуда?

– Тебя знаю, – ответил Аснерд с отвращением, – этого достаточно. Да и Тулей, как ни подл, не стал бы подличать так... мелко. У тцаров и подлости тцарские. Нет, каждый поступал... правильно. Правильно и честно. Именно потому и запылают куявские города и села, заплачут вдовы, а наши кони будут пастись на их полях. И прольются ручьи горячей крови, что сольются в реки.

Придон вернулся один, Аснерд по дороге свернул к Щечину. Свою стоянку Придон не узнал, уже не временное пристанище одинокого воина, а настоящий воинский стан. Народу всего за сутки стало вдвое больше. Молодые, крепкоплечие, пышущие силой и здоровьем, на него смотрят с почтительным обожанием. Он ощутил себя вором, что присвоил себе тцарский плащ, и вспомнил, какой там тцарский плащ, он в рубашке простолюдина-землепашца, выглядит как живой скелет, туго обтянутый нездоровой желтой кожей.

Из шатра вышел Вяземайт, обнял, на лице укоризна.

– Опять донимает? – спросил он участливо. – Зачем не позвал?.. Я бы напоил чем-нибудь. У меня знаешь какие отвары? Быка с ног валят. И боль бы утихла, и спал бы, как эти горы. Да и заживало бы как на собаке.

Молодые воины перехватили коня Придона, увели. Придон пошел вслед за Вяземайтом в шатер, уже там запоздало огрызнулся:

– На собаке!.. На мне заживало, как на... да, как на божье! Какие бы раны я ни получал, оставалось дотерпеть до середины ночи. В полночь все раны затягивались, я спал до утра как бревно.

Вяземайт усадил его за стол, пощупал браслет на левой руке героя. Старая медь оставалась такой же холодной, хотя рука Придона горячая, будто только что вытащили из кипятка. Выпуклые завитушки отозвались тем же привычным легким звоном.

– Тогда это не наши отвары, – сказал он. – Не наши отвары тебя лечили...

Придон рыкнул озлобленно:

– А что же?

– Не знаю. Но мы тут с волхвами как-то спорили...

Он запнулся. Придон спросил подозрительно:

– О чем?

– Да все о том же, – ответил Вяземайт. Он отвел глаза в сторону, голос стал тише. – Твоя природа вызывает разговоры... Вообще у костров любят поговорить о необычном. О чем еще говорить, если подумать? А ты после той первой поездки в Куявию вернулся другим. С тобой произошло нечто... да нечто такое, что преображает человека. Да, ты стал настолько другим, что твои дела и поступки многим стали непонятными, отчего слухи и вымыслы понеслись по Степи, как табун в сто тысяч голов. Говорили, что ты и сам можешь преобразить человека до неузнаваемости!.. Дурость вроде бы, мы все тебя знаем с детства, никто тебя не менял и не подменял, но я сам был свидетелем, как один, наслушавшись твоих песен, стал...

В шатер зашел Стригун, оруженосец Аснерда, поставил на стол широкий поднос с жареным мясом и желтым кругом свежего овечьего сыра. Вяземайт молча достал нож, быстро и умело распластал мясо на тонкие ровные ломти. Стригун ушел, бросив на Придона восторженный и почтительный взгляд. Вяземайт взял ломоть сыра, положил в рот, глаза прикрылись, смаковал.

Придон терпеливо ждал продолжения, но волхв вместе с сыром как язык проглотил, а глаза не отрывались от ломтей мяса.

– Кем он стал? – спросил Придон. – Кем?

– Он, – проговорил Вяземайт с усилием, – стал другим человеком. Да ты ешь, ешь! А то совсем слабый.

– Как он стал другим?

– Его перестали узнавать, – ответил Вяземайт с еще большим усилием, и Придон понял, что набитый рот ни при чем, волхв всегда ест меньше воробья. – А это не во власти человека вообще, будь он тцаром, героем или даже магом. Это доступно только богу. Да и то....

Придон спросил раздраженно, но даже себе не признался бы, что стало страшно:

– Что?

– Даже богам это не всегда, – ответил Вяземайт. – И не каждому... Слушай, Придон, а как ты полагаешь, слухи насчет большой войны с Куявией только слухи?

Придон огрызнулся:

– У меня своя война. Внутри меня. Чуется мне, все там истребят друг друга... А последняя кишка сама повесится. На ребрах.

Вяземайт сказал сочувственно:

– Придон, ты страдаешь. Но я мог бы тебе помочь.

Губы Придона раздвинулись в грустной усмешке:

– Можешь? Так почему не сделал до сих пор?

Вяземайт медленно и в задумчивости резал мясо на тончайшие ломтики, но жевать перестал, глаза смотрели сквозь столешницу.

– Это было не просто, Придон. Я давно разослал гонцов во все страны... Сегодня прибыл последний, привез смолу из гнезда птицы Феникс. Мне только ее доставало, чтобы изготовить целебный... если можно так назвать, напиток. Нет-нет, это не в моей власти добыть тебе любимую женщину! Но теперь в моей власти заставить ее забыть.

Придон ответил горячо, не задумываясь:

– Сделай это. Сделай! Мне как будто ведро горящих... и несгорающих углей высыпали в грудь. Я уже криком кричу от этой муки. Сделай сейчас же!

Вяземайт сказал сочувственно:

– Сейчас не могу... этим травам нужна полночь, чтобы звезды... Словом, к утру подготовлю все. Если не передумаешь.

Придон выкрикнул:

– Я? Который ничего, кроме боли, не получил?

– Приходи утром, – сказал Вяземайт коротко. – Клянусь, после глотка этого напитка ты навсегда забудешь Итанию.

Глава 6

Сердце стучало часто, истончившиеся ребра жалко задевали друг о друга в неплотном мешке из кожи. Жадное нетерпение жгло внутренности, он не знал, куда себя деть, Вяземайт пошел готовить травы, но солнце едва-едва перевалило на западную сторону. День жаркий, несмотря на апрель, дожждаться бы ночи, и тогда могучая рука волхва снимет это проклятие, это наваждение, эту муку, из-за которой он беззвучно кричит все время, из-за которой тают кости, как уже стаяло мясо, растаяли жилы, а кожа истончилась, как паутина.

Он оседлал коня, отъехал в низину и рухнул в траву. От земли шли пряные ароматы, воздух влажный, в нем запах подземных вод. Здесь дожждаться ночи, а утром спасение, свобода, освобождение...

Бездумно лежал в траве, незрячие глаза рассматривали небо. Там в синеве облака, но все равно это ее лицо, ее глаза, слышен даже ее смех, ее чарующий голос, веселый и беспечный, а потом вдруг – плач, крик, мольба... Так почудилось ли ему, или она в самом деле закричала ему: вернись, возьми мое сердце?.. Нет, почудилось, не могла такое сказать, она – куявская принцесса.

Послышался конский топот, пахнуло потом, рядом загарцевало нечто коричневое. На грудь и руки полетели комья сырой земли, он ощутил пряный и чистый запах корней травы.

– Придон, – раздался сверху нетерпеливый голос. – Придон, очнись! Тебя хочет видеть Скилл.

– Да? – спросил Придон вяло.

Он собрался с силами, мутное пятно кое-как собралось в трех конных всадников. Двое соскочили, Придон ощутил их крепкие горячие руки. Его подняли, он дал себя отвести к своему коню и усадить в седло. Повод его коня ухватил третий, так и понеслись лихим галопом: двое мчались по бокам Придона, готовые подхватить его в любой момент, если вздумает свалиться.

Вечернее солнце било им в спину, и оттого особенно страшно и грозно заблистали навстречу дома Арсы, стольного града Артании. Особенно сверкал под золотыми лучами великолепный дворец тцаров, из белого камня, окруженный деревьями, а вокруг него, на почти-тельном отдалении, дворцы знатнейших семей Артании, глав племен и родов.

Широко распахнутые ворота привычно налетели, как порыв ветра, и кони, не сбавляя скачки, прогрохотали копытами по уложенной камнями земле: вокруг дворца тцаров широкая площадь, по мраморным ступеням навстречу сбежали проворные слуги.

И, обгоняя всех, выметнулась легкая, почти прозрачная фигурка, слетела по ступеням, не касаясь ногами, черная коса с голубой лентой вытянулась стрелой.

– Блестка, – выдохнул Придон обреченно. – Ну зачем...

Он едва успел слезть, сам, без посторонней помощи, как она бросилась на шею, но не подпрыгнула и не повисла, как делала раньше, Придон ощутил болезненный укол, все знают о его слабости, все жалеют, как уродца.

Ее горячие губы жадно нацеловывали его глаза, щеки, ухватила крепче и пригнула голову, чтобы чмокнуть в лоб, и, не выпуская, спросила со слезами в голосе:

– Почему? Придон, почему?

Он сказал осипшим голосом:

– Не хочу, чтобы видела таким.

– Но это я, – воскликнула она, – это я!.. Мне можно любым. Я не Ютлан, который смотрит на вас обоих как на героев. Я на вас только как на братьев, которым бывает плохо... И не только тебе, но и Скиллу, я же вижу!

Он поцеловал ее, отстранил, передавая в руки приехавших с ним воинов, и снова без чужой помощи, даже без поддержки поднялся со всеми на второй этаж. Старший сопровождающий распахнул дверь в покои Скилла, все трое остались в коридоре, а Придон перешагнул порог, дверь за спиной закрылась с глухим плотным звуком.

Скилл стоял у окна, повернулся резко. Придон увидел бешенство на лице брата, но, когда тот быстро шагнул к нему, лицо стало прежним, а в глазах снова засветились любовь и сочувствие.

– Что ты с собой делаешь? – сказал он с упреком. – На тебе лица нет, а сам – кожа да кости!.. Придон, ты хоть знаешь, что делается твоим именем?

– Нет, – ответил Придон честно.

Скилл усадил за стол, рука все еще обнимала его худые костлявые плечи. Придон чувствовал сильные пальцы брата, тот время от времени сжимал их, словно не веря, что могучие мышцы растаяли, исчезли, а торчат только кости, кое-как обвитые сухими жилами.

– Знаю, – выдохнул он. – Знаю, что не знаешь. Придон, но твоим именем уже творится черт знает что!

– Что?

Скилл грохнул кулаком по столу.

– Собираются отряды! Все точат топоры, ножи, острят копья. Каждый грезит вторжением в Куявию. Уже делят добычу, которую еще надо завоевать. Жрец по дурости разболтал, что узрел в видениях, а простой народ... ох этот простой народ!.. ненавижу дураков... сделал свои выводы!

– Разве жрец соврал? – спросил Придон осторожно.

Скилл фыркнул:

– Придон, плюнь на все эти предзнаменования! Будь... будь сыном тцара. Будь! И ты все увидишь ясно и четко, без всяких советов со жрецами.

Придон взглянул с недоверием.

– Ты хочешь сказать, что тцарская власть дает... видение грядущих времен?

По губам Скилла пробежала грустная усмешка.

– Я сказал, что тцарской власти устаиваются те, кто может видеть будущее. Сами, без советов с колдунами. Спрашивать у колдунов – удел простых людей, простолюдыя. Я тебе скажу, что вижу я, тцар: сколько лет подряд по всей Артании не было ни одной засухи. Наши посевы щадил саранча. Это знают все, ты тоже знаешь. Кобылы в наших табунах на такой сочной траве приносят каждый год по двое жеребят, и все выживают. То же самое и с людьми. Пусть не по двое младенцев, и выживают почти все. Но вот уже много лет нет даже мелких войн с соседями. Нет войн внутри Артании!.. Ну, те крохотные набеги, что ты совершал, – не в счет. Гибли единицы, а рождаются десятки тысяч. Чуть ли не последнее, когда погиб Горицвет, но теперь уже и внутри Артании нет врагов! Ты еще не понял?

Говорил он холодно, четко, даже загибал пальцы. Придон послушно кивал. Теперь, когда старший брат все разъяснил так подробно, он и сам видел, что молодых и яростных, изнывающих от бездействия воинов становится все больше.

– Нет, – ответил он честно.

Скилл хлопнул в ладоши. Звук получился резкий, словно сшиблись бортами два боевых корабля. Приоткрылась дверь, в щель просунулась голова с вопрошающими глазами. Скилл нетерпеливо указал на стол.

Вскоре принесли кувшин с холодной родниковой водой и второй – с настоем не то жгитравы, не то плакун-корня, Придон не уловил по сильному и острому запаху, скорее всего – смесь.

– Промочи горло, – велел Скилл. – Сейчас там внизу на кухне жарят, по-моему, целого быка. Я сам начну тебя кормить долго и... насильно, если понадобится!.. Эх, Придон, пора тебе понимать такие вещи. Именно в них и разница между тцаром и... просто человеком.

Придон осторожно налил себе в чашу, Скиллу в кубок. Рука дрожала, с трудом удерживая наполненный кувшин, но Скилл смотрел Придону в глаза и не замечал, очень старательно не замечал, что рука брата напряглась так, будто держит гору.

– В чем?

Холодный напиток ожег горло, но тут же в черепе словно пронесся свежий ветер, выдувая сырость и гнилой туман, мысли пошли живее, а взор прояснился.

– Мы никогда так долго не жили без войны, – сказал Скилл настойчиво, в его словах странно уживались гордость и горечь. – Везде сами собой собираются отряды, готовые в набег. Куда угодно: на Куявию, на Славию, на Вантит, да вообще просто к краю света! Горячая кровь бурлит, требует выхода. Ты сам это видишь. И после этого будешь ссылаться на никчемные видения волхвов?

Придон поежился. Волхвы всегда пользовались грозной и таинственной славой, и сейчас он сказал осторожно:

– Ну почему никчемные...

– А потому, что увидели то, что давно и ясно вижу я! Сейчас все предзнаменования указывают на близость войны. Как же – сколько лет без войны! Да как это артане столько протерпели?

Придон сказал пугливо:

– Брат, но видения посылают боги! Почему не пьешь? Я никогда такого настоя не пил!

Скилл отмахнулся:

– Значит, оживаешь. Вкус жизни ощутил. Дело не в видениях. Придон, я не воин сейчас. Я – тцар. Я, конечно, могу поднять огромное войско и двинуть на Куявию. Там, как доносят купцы и странники, вечная свара и грызня достигли предела. Так что видения, которые послали жрецам боги, я могу видеть... да простят мне боги!.. и без их помощи. В Куявии беры и беричи дерутся за власть, за влияние, и, если вторгнемся сейчас, дальние будут злорадно наблюдать, как бьем тех, кто на дороге, помощи им не пришлют... Мы в самом деле можем прорваться глубоко. Однако сама по себе Куявия сильна, брат. Очень сильна. Там многочисленный народ. И они не трусы, как мы привыкли считать. Да, они уступают нам в отваге и мужестве, но это лишь потому, что живут в роскоши. Они изнежены, это верно. Но отними у них эту изнеженность, покажи, что вторгаемся в их дома, они будут защищаться храбро. Ну, возможно, будут. Если боги дают нам благоприятные знамения, мы должны воспользоваться ими... Это значит, что мы придвинем войска к пограничной реке и потребуем большей уплаты за... мир. Куявы не любят воевать, ибо живут богаче. Они предпочитают откупаться, это устраивает обе стороны.

Он говорил и говорил, но сердце Придона стучало все громче, внезапный жар потек по телу, и травяной отвар ни при чем, это вскипела его собственная кровь. Скилл говорит все верно, все правильно, но в голосе признание, что артане в самом деле могут вторгнуться, в самом деле могут потребовать... да что там золото, могут потребовать Итанию!

– Брат, – сказал он внезапно охрипшим голосом, – а как же наша честь? Ты говоришь, как... как куяв! Ты готов торговаться, а не противно ли это мужскому достоинству?

Скилл поморщился.

– Брат, – напомнил он, – я же теперь тцар!

– А тцар, он кто?

– Он тцар, – ответил Скилл с печальной гордостью.

– Он уже не воин?

– Нет, – ответил Скилл после паузы.

Придон отшатнулся, кипящая кровь с силой била в виски, а в груди плескался котел, наполненный расплавленным металлом.

Он спросил с нажимом:

– И даже не мужчина?

Скилл смотрел с печалью, как смотрит на неразумного ребенка мудрый взрослый, ответил с теплом и печалью в голосе:

– Тебя это оскорбляет, понимаю. Придон, я люблю тебя! Люблю за искренность, за честность, за прямоту. Но все же пойми, брат мой... тцар не должен быть... как бы это сказать, Вяземайта бы сюда, ведь я, как и ты, лучше умею топором, чем словами... Тцар – это не только не воин, прости, но даже – не мужчина! Ибо тцар – это и мужчины Артании, и женщины, и дети, и старики, и даже весь наш скот, наши кони, наши степи, леса и поля. Я должен заботиться о своей стране, и если для этого надо умалить или возвысить одну часть, то я обязан это сделать. А наше войско – это не вся Артания, как тебе кажется! Это часть, Придон. К тому же не самая важная... Да-да, без армии прожить можно, без землепашцев – нельзя.

Придон сказал резко:

– Ты сам сказал, у нас подряд столько небывало урожайных лет! Мужчины застоялись, они требуют войны!.. Тьфу, я тоже начинаю разговаривать как...

Скилл тихонько засмеялся. В глазах появилась нежность, а суровое лицо растаяло, смягчилось.

– Потому что ты – мой брат. Потому что ты – сын тцара, и еще потому, что тебе... если со мной что случится, придется взять на свои плечи эту нелегкую ношу. И ты уже начинаешь разговаривать и мыслить как будущий тцар.

– Нет, – сказал Придон, – с тобой ничего не случится, ибо ты – неуязвимый. Я никогда не буду тцаром, это не по мне. Ты уже сейчас мудр... но в одном ты не прав.

– В чем?

Придон выкрикнул яростно:

– Мы должны ударить на Куявию!

– Почему? – воскликнул Скилл. – Потому, что в тебе все еще живет обида?

– Не потому!

– Знаю, – ответил Скилл уже другим голосом. – Ты все еще любишь ее. Твое сердце тоскует, потому ты так исхудал, брат мой, потому измучен. Но, Придон!.. Нельзя идти на Куявию... Тем более нельзя ее разрушить... да и, надеюсь, боги до этого не допустят...

Придон воскликнул яростно:

– Наши боги сильнее!

– Дурашка, – шепнул Скилл, – наши как раз и не допустят... ибо Куявия нужна нам самим! Мы сильнее, как страна героев, они же сильнее, как страна ремесленников и магов. Откуда у нас все красивые вещи, самое лучшее оружие?.. Даже топоры, что невозможно затупить? Откуда дорогое вино, что мы везем в Вантит, а там платят чистым золотом? Да, виноградники у нас лучше, и молодое вино лучше, но мы не можем... у нас не хватает терпения настаивать его по многу лет. А в Куявии есть вина, которым по сто лет. Это дивные вина, из нашего винограда... Откуда мы везем самые красивые одеяния для наших женщин? Золотые серьги, кольца, украшения? Из Куявии... Брат, если мы захватили бы Куявию, а боги этого не допустят – наши боги! – то мы бы все это потеряли, ибо среди развалин их городов паслись бы наши великолепные табуны, наши бесчисленные отары овец... но не было бы... Словом, слишком многое исчезнет с лица земли, Придон... Много великой красоты исчезнет!

Придон смотрел молча, исподлобья. Скилл прав, жестокая истина говорит его устами. Но зато, возразило сердце, Итания будет твоей, а разве это не важнее?

Он кивнул, с большим усилием замыкая в себе жар, не давая выплеснуться наружу и сжечь весь мир, сказал очень сдержанно:

– Я подумаю над твоими словами, Скилл.

Костер горел жарко, жадно поглощая хворост. Купол молочно-белого от звезд неба накрыл весь мир, погасил дневной жар, убрал крики дурных птиц, наполнил мир мудрой тишиной. Сегодня звезд особенно, а молочный след через все небо, что оставила небесная кобылица, мать всех артанских коней, вообще горит серебром. Вернувшись от Скилла, Придон сразу сел к костру, не заходя в шатер, ел быстро и жадно, над его плечами и головой страшная звездная бездна, что всегда пугала Вяземайта, он видел в ней страшную, непонятную и совершенно ненужную красоту, что осталась от прежних миров, а людям неизвестно, как пользоваться, а вот Аснерд на звезды не смотрел, он наблюдал с огромным удовольствием, как Придон ест. И сам подкладывал ему на блюдо лучшие куски.

Придон хватал обеими руками жареные ломти мяса, засовывал в рот и проглатывал, почти не пережевывая, как голодный волк, чтобы потом в логове неспешно переваривать. Наконец и Вяземайт оторвал взгляд от неба, его длинные руки начали вслед за Аснердом заботливо подсовывать Придону головки сыра, ломти оленины, жареную птицу, кивнул отроку, дабы принес холодного отвара плакун-травы.

Улучив момент, когда Придон их не видел, Аснерд кивнул на быстро пустеющее блюдо. Вяземайт спрятал торжествующую усмешку. После разговора с братом Придон вернулся взвинченный, с горящими глазами. Руки тряслись, губы прыгали, а в глазах впервые заблестал огонек лютого голода, который сейчас утоляет так поспешно.

– Я уже собрал людей рода Щецина, – сообщил Аснерд, – и почти всех мужчин племени Свобы. К нам прислал героев род Избора, из племени Афея прибыло четыреста таких удальцов, что хоть в преисподнюю их: самому Ящеру хвост узлом завяжут. Даже шулеи прислали десяток сорвиголов, а еще пообещали, что дадут две сотни. Как тебе наше войско?

Костер уже затухал, бревна рассыпались на крупные, с кулак, пурпурные угли, багровый трепещущий свет играл на руках Придона, что наконец-то ухватили кувшин, эти худые руки поднесли край кувшина к губам, бледным даже при свете костра, Вяземайт с жалостью покачивал головой.

Придон пил долго и жадно, словно застигнутый засухой в безводной степи, кадык дергался часто, крупные капли сползли с уголков губ и повисли на подбородке, но это было все, что он потерял из содержимого кувшина.

– Войско? – повторил он, отдышавшись. – Войско прекрасно, но его хватит только для набега...

– Слух пошел по всей Артании, – возразил Аснерд, – герои только начали собираться! Скоро их будет столько, сколько вон звезд на небе!

Вяземайт добавил неторопливо:

– Волхвы говорят, что во всех племенах сейчас спешно точат топоры, седлают коней. Одни только ждут, когда свистнешь, другие уже выехали, не дожидаясь... Ты ешь-ешь! Попробуй это мясо. Стригуну не в оруженосцы бы, а в повара, так готовит!

Аснерд хохотнул.

– Боятся опоздать! От болотников к нам ехать две недели. Если бы в самом деле в набег, то уже уехали бы без них. Ты ешь, ешь!.. Кожа да кости, тебе надо набирать силу.

Он добродушно хлопнул Придона по спине, тот застыл на миг, рука с куском мяса дрогнула, и Аснерд перехватил укоризненный взгляд Вяземайта. К незаживающей ране на спине Придона настолько привыкли, что стали о ней забывать. Правда, даже эта рана идет на пользу походу: во всей Артании проклинают куявских колдунов, что не только отобрали меч и не дали обещанной награды, но и тяжело ранили их героя, оскорбив всю Артанию.

– Он наберет, – сказал Вяземайт. – Молодость свое возьмет.

– Набирай быстрее, – посоветовал Аснерд. – Войску нужен вожак.

Придон быстро проглотил огромный кусок и, прежде чем заглотить следующий, возразил:

– Скилл сам поведет войска!

– Поведет, – согласился Аснерд. – Но Скилл – тцар. А тцар он... понимаешь, у нас Артания, а не какая-нибудь свинская Куявия. В Артании, по крайней мере в войске, – перестает быть почитаемым человек, который и хозяйством, и коровами, и обустройством плотин. Войскам нужен чистый герой!.. Герой-воин. Хотя Скилл и посильнее тебя как воин...

Вяземайт кашлянул, заметил спокойно:

– Не сомневаешься?

Аснерд подумал, посмотрел на Придона.

– Не уверен, – признался он. – Придон за последний год здорово набрал мощи... Но в любом случае Придон – лучше, понятнее войску. Да к тому же он – герой-страдалец. Сердца всех молокососов кипят мщением. Тебя обидели, Придон, все это знают.

– Все в это верят, – поправил Вяземайт. Он скупно улыбнулся. – Это очень важно, во что верят. Сильная вера в свою правоту – это все! С верой любое войско непобедимо.

Придон слушал их речи вполуха, ибо в тело с каждым куском мяса в самом деле вливается грозная сила, он с радостным изумлением чувствовал, как быстро наполняется мощью его истощенная плоть, как вздуваются мышцы, а вскипевшая при разговоре со Скиллом кровь не думает остывать.

– Мы пойдем, – сказал он дрожащим от нетерпения голосом. – Мы войдем в Куябу! Я возьму Итанию.

Холодный лунный свет дробился на плечах, все еще угловатых, костлявых, высвечивал ямки, впадинки, складки, но снизу подсвечивали пурпурные угли, Придон выглядел погруженным до пояса не то в горящее зарево заката, не то в кипящее море свежепролитой крови.

Вяземайт промолчал, Аснерд же сказал веско:

– Мы – возьмем! Ты возьмешь ее в жены, но она будет принадлежать всей Артании. Весь мир будет знать, что самая красивая женщина мира – в Артании, как в Вантите – бык с золотыми рогами, а в Славии – жар-птица и дерево с молодильными яблоками!

Вяземайт молча и с великим облегчением перевел дух. Придон даже не упомянул о волшебном напитке забвения.

По Артании словно пронесся свежий чистый ветер. Все поднимали головы, прислушались. Как бы сам по себе катился слух, что грядет большая война. Если раньше в таких случаях еще не знали, на кого будет поход, то на этот раз все слышали о великой обиде, что нанес тцар Куявии доблестному Придону, сыну тцара Артании. Певцы уже успели сочинить песни о великом мече, который юный герой отыскал, добыл и принес к тцарю, где и сложил у его ног. За этого он просил всего лишь отдать ему обещанное: его дочь. Но подлый куяв, все они подлые, обманул артанина, ибо это всего лишь артанин, и выгнал его из дворца без своей дочери и без меча...

Сердца молодых кипели от ярости, они выскакивали из шатров, прыгали в седла, ветер в лицо, бешеная скачка чуть охлаждала кипящую кровь, но, вернувшись, снова вспоминали тягчайшее оскорбление, что тцар Куявии нанес всем артанам. Оскорбление, которое можно смыть только кровью куявов, их сожженными домами, изнасилованными женами и дочерьми.

Табунщики неохотно угоняли коней далеко в горные долины. Там трава слаже, но зато оттуда долго добираться, можно не успеть на войну. От одной стоянки к другой постоянно носились всадники, однако новости обгоняли их. Песни Придона пели всюду, и у каждого, кто слушал их рвущий сердце стон, в глазах закипали злые слезы, а руки дергались к рукояткам боевых топоров. Дети играли в новые игры, где добывали зачарованный меч, но теперь возвращались с этим мечом и убивали подлого тцара Куявии.

Вяземайт сам начал засылать купцов в Куявию, чтобы собирали сведения о расположении войск, о настроениях берегов. А в Куявию, по рассказам купцов, приходили тяжелые вести из Артании. Тулей от таких вестей темнел лицом, запирался в покоях, много пил, предавался скорби. Все куявские купцы и торговцы, побывавшие в Артании, рассказывали, что Придон собирает большое войско, намереваясь отомстить за все обиды, которые нанес ему куявский тцар. В числе этих обид обязательно был подлый обман героя, ведь Тулей с самого начала задумал гнусность и не собирался отдавать свою дочь артанину. А когда артанин ценой невероятных подвигов добыл заветный меч и принес куявскому тцару, тот взял меч, а артанина с позором выгнал... Об этом слагали песни, и, когда Тулей услышал одну, он сам преисполнился к себе отвращением.

Что делать, в самом деле песня на три четверти говорила правду. Он в самом деле так задумал, в самом деле хотел поступить именно так: забрать меч, а варвара прогнать. Никто этого не знает, песенники просто учуяли, у них сердца как у собак носы, но даже они не знают, что, когда артанин явился с добытым мечом, он уже так не думал и с чистым сердцем отдавал артанину дочь. Скорее всего песняры и это учуяли, но эти сволочи поют не обо всем, что чувствуют, а выбирают то, чем можно всколыхнуть сердца, выжать слезу, наполнить грудь жаждой мести. Им важнее сделать прекрасную песню, чем провозгласить истину. И не думают, что их песни натворят с людьми, что бросят одного на другого с мечами и топорами в руках.

Торговцы сходились не только ко двору тцара. Вскоре тяжелая тревога, липкий страх поползли по всей Куявии. И хотя все знали чудовищную мощь своей страны, знали несокрушимость башен магов, но страх рос и ширился. Это был страх благополучных людей, что живут в тепле и довольстве, страх перед резней, перед сражениями, когда даже победителям достаются раны, боль, они спят на земле, едят конину, падают с разбитыми головами и гибнут сотнями, когда из темноты враг выпускает в сторону костров тучи стрел.

В Куябе появилось множество богатых женщин. Это владельцы роскошных поместий на близких к Артании землях поспешили отослать жен и дочерей в безопасное место, а сами укрепляли дома и крепости. Местные жители злорадствовали, видя страх хозяев, нарочито распускали слухи, что уже видели шныряющие в окрестностях артанские отряды.

Однако даже в сопредельных с Артанией землях не понимали, что на этот раз собирается не совсем гроза. В другое время артане уже напали бы: долго ли вскочить в седла и с разбега одолеть мелкую речонку? Но пока еще никто не напал, ни один артанин не перешел кордон, а воздух становился все тяжелее, дыхание затруднилось, многие жаловались на удушье, на боли в голове.

Глава 7

Аснерд, Вяземайт, Щецин и ряд других старейших военачальников совещались долго, на общий суд не выносили, а потом втихую кое-что перестроили в создающемся войске. Правда, совсем уж втихую не удалось, но недовольным быстро заткнули пасти кому лестью, кому дали под начало больше людей, а кого и припугнули страшным обещанием оставить дома. Первое, что хотели примучить, – это в создающемся войске никаких родов и племен, а только десятки, сотни и тысячи. Второе, десятник отвечает за свой десяток, сотник – за сотню, а тысячник – за тысячу. Труднее всего десятнику: он лучше всех знает свой десяток. Потому должен подбирать только тех, за кого ручается головой. Если окажется, что кого-то недостает, десятник лишается головы.

– Кто тогда пойдет в десятники? – спросил Придон.

– Десятнику, – сказал Аснерд, – половина добычи всего десятка!.. И – слава. С него начинается военачальник. А что сотник уже отвечает не головой... так у сотника другие задачи.

– Я – за, – сказал Вяземайт. – Осточертело, когда половина войска вдруг разбегается грабить. Право войны, видите ли... У нас же не набег, а... иное.

Аснерд кивнул, в глазах было сомнение.

– Никто не знает, – сказал он, – как это назвать. Но уже не набег, это точно.

В десятки приписали даже самых знатных и престарелых, которые хотели принять участие в походе. С утра до вечера Аснерд сам в одном из десятков сгонял жир с воинов, заставляя разом метать топоры, закрываться щитами, разом бросаться в атаку и разом по команде отступать. Тех, кто ворчал и пробовал не подчиняться, Аснерд предупреждал лично, что еще одна такая выходка – и останется дома. В походе самовольщики не нужны. Это действовало, создающееся войско на глазах превращалось в мощную боевую машину.

Душой будущего похода был Вяземайт, мозгом – Аснерд, Придон, дожидаясь похода, по-прежнему пропадали в Степи, а когда возвращался к воинскому стану, воины останавливались и смотрели с глубоким сочувствием. Ехал он обычно понурившись, черные волосы не развеваются, как при скачке, простая холщовая рубашка землепашца свободно висит на широких костлявых плечах, лишь изредка надувается пузырем при ветре.

Однажды Вяземайт остановил его прямо посреди стана, когда он вот так ехал мимо упражняющихся воинов. Вид у волхва был торжественный, он стал выше ростом, серебряные волосы вспыхнули дивным огнем. Глаза засияли, как утренние звезды.

– Придон, – сказал он звонким, почти молодым голосом, – ты не должен скрывать то, чем любой мужчина гордился бы!

Придон насторожился.

– Чем?

– Сними рубашку, – попросил Вяземайт. – Нет-нет, седла не покидай!..

Придон заколебался, вокруг собрались воины, смотрели молча, ожидая, взгляды перебегали с верховного волхва на Придона и обратно. Аснерд переглянулся с Щечином, прогудел, как из подвала:

– Он прав. Время снять.

Придон нехотя снял через голову рубашку. За его спиной кто-то охнул, кто-то ругнулся, он услышал сопение, скрежет зубов, лязгнули выдвижные из ножен длинные охотничьи ножи.

– Это не твой позор, – сказал Вяземайт громко, – это позор Куявии!.. Вот чем отплатили герою! Да наполнятся наши сердца и души мщением! Да прольется кровь куявов, да запыхают их города и села, да заплачут их вдовы!.. Да будет проклята земля, на которой сотворили такое беззаконие... такое...

Он не договорил, яростный рев заглушил его слова. В воздух взлетели зажатые в кулаках ножи и топоры. Всюду Придон видел яростные перекошенные дикой злобой лица, горящие глаза, слышал проклятия, ругань, обещания не щадить ни старых, ни малых, ибо такой народ не имеет права быть на земле, он – оскорбление для богов.

Придон, оглушенный и растерянный, поворачивался в седле, окруженный жаркой сочувствующей толпой, потянулся к рубашке, лучше бы надеть снова, но Вяземайт властно отобрал, сказал негромко:

– Ты должен ехать так. Солнце скорее залечит твою рану, если будет ее видеть!

Аснерд сказал негромко с другой стороны:

– Да и рубашка натирает. Открой спину солнцу.

Лишь на закате измученные люди и кони получали право на отдых, расплзались к кострам. Аснерд и Вяземайт возвращались к шатрам, долго ждали возвращения из Степи Придона. Он все еще искал уединения, но на ночь в Степи уже не оставался. Его сильное молодое тело быстро обрастало мышцами, а те требовали действия.

Воины с того дня, как он снял рубашку, а они увидели его незаживающую рану, упражнялись неистовее, учились стрелять дальше и точнее, топоры метали с такой силой, будто видели вместо чурбана из толстого дерева проклятого Тулея.

Сегодня Аснерд еще издали услышал идущий со стороны их шатра запах жареного мяса, вскинул брови. Вяземайт сказал радостным шепотом:

– Неужели... Придон?

– Похоже, – прогудел Аснерд, – на этот раз он вернулся раньше нас.

С той стороны шатра горел костер, над багровыми углями жарилась освежеванная туша молодого оленя. Аснерд по дороге сразу же деловито повернул вертел, подставляя непрожаренный бок, этот уже зарумянился, оруженосцы увели коней, Вяземайт отбросил полог.

Придон стоял спиной к ним, взгляд Вяземайта сразу прикипел к кровоточащей ране, однако и ширину плеч не скрыть, как и то, что за последние дни Придон снова набирает на кости тугое жилистое мясо. Не замечая Вяземайта, он резал широкими ломтями жареного сайгака, на длинном блюде уже коричневела высокая вкусно пахнущая горка.

Аснерд вошел, отпихнув Вяземайта, ноздри крупного носа хищно подергивались.

– Слова не есть дела, – сказал он довольно. – Деянье – это плоть! Слова же – только тени. Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить, но если не нырнешь...

Придон обернулся, глубоко запавшие глаза блестели жизнью.

– Привет, Аснерд! Здравствуй, Вяземайт. Что это Аснерд заговорил таким странным языком? От тебя научился?

– Скорее от тебя, – ответил Вяземайт ворчливо. Он обнял Придона, стараясь не коснуться раны. – Твои слова, Придон, гудят, как растревоженные пчелы, в голове каждого, кто хоть раз тебя услышал.

Аснерд снял и бросил в угол широкую перевязь с боевым топором.

– Это потому, – сказал он значительно, – что Придон умеет придумывать новые слова!

Вяземайт возразил:

– Сила его не в том, что сказал что-то новое... что новое можно о любви?... зато нашел такие слова, что как будто сказано впервые, как будто никто и никогда не говорил о любви, не знал ее, не испытывал! А любовь, ты же знаешь, как хмелит души и кружит головы!

Аснерд не ответил, прислушивался. За стеной шатра привычно потрескивал костер, слышались голоса, но послышался и далекий стук копыт. Придон выглянул из шатра, приложил ладонь козырьком к глазам. В их сторону быстро приближалось облачко пыли, частый стук копыт стал громче.

– Это Скилл, – сказал он.

– Уверен? – спросил Аснерд.

– Его белый жеребец.

Аснерд и Вяземайт переглянулись. Вяземайт кивнул, быстро вышел и растворился в тени за шатрами. Из пыли вынырнули всадники, впереди неся Скилл, по бокам мчались Винул и Овсерд, несокрушимые герои, дети Перей-Тучи, который в одиночку прошел Заклятое Плато, спускался в преисподнюю и даже вывел оттуда своего побратима Мунгу Бронзовый Кулак.

Скилл спрыгнул на землю, мальчишка перехватил повод, а Скилл быстро шагнул навстречу Придону. Лицо его потемнело, в глазах блистали грозные молнии. Брови гневно сдвинулись, суровая складка пролегла на лбу.

– Что вы здесь творите? – прорычал он, как разъяренный лев. – Что за войско начали готовить?

Жар охватил Придона, сердце застучало чаще.

– Скилл, – сказал он, – ты же сам говорил, что соберем войска и двинем к границе с Куявией.

– Да, – рыкнул Скилл, – да!.. Но я не говорил, что будет вторжение!

Придон открыл рот, но Аснерд положил ему руку на плечо и предостерегающе сжал.

– Скилл, – прогудел он благодушно, – умерь свой гнев. Ты – тцар, ты сам понимаешь, что никакое войско на границе вот так просто не удержать. К тому же такое... ну, большое. И очень-очень злое.

Скилл потемнел еще больше. Аснерд смотрит бестрепетно, для него Скилл по-прежнему сын его друга, а не великий тцар, но в голосе старого военачальника ясно звучит предостережение. – Я – тцар, – сказал Скилл с нажимом. – И я знаю, что нам войны с Куявией не нужно. По крайней мере, сейчас. Я даже понимаю, почему вы убедили Придона снять рубашку.

Аснерд кивнул.

– Сейчас, – повторил он. – Ага, сейчас... Верно, значит, говорят, что ты уже послал людей за той куявкой... Ты решил взять ее в жены?

Скилл запнулся, голос осел, но прозвучал достаточно твердо:

– Я очень долго ее ждал.

– Ты тцар, – произнес Аснерд многозначительно.

– Да, – сказал Скилл с вызовом.

– А что позволено простолюдину, – произнес Аснерд еще значительнее, – того нельзя тцару. Ты – лицо всей страны! Если берешь в жены куявку, то что остается простым артанам? Тцар должен быть чист перед народом и нашими богами. Это значит, что тцар Артании должен быть прежде всего... артанином.

Придон видел, что Скиллу нанесен жестокий удар. Ниже пояса... нет, это прямой удар, Аснерд не позволит себе ударить бесчестно. Скилл должен быть артанином больше, чем любой другой артанин.

Скилл стиснул челюсти, желваки заходили тяжелые, а в глазах разгорелось пламя. Винул и Овсерд подошли ближе, их ладони опустились на рукояти топоров. Глаза прицельно всматривались в Аснерда, Придона. Придон слышал, как со стороны его воинов зазвенело оружие, за спиной послышалось тяжелое дыхание. Краем глаза он заметил блестящие от пота сильные тела, топоры у всех в руках.

– Войско, – сказал Скилл резко, – распустить! Это – приказ. Я признаю, что ваша задумка насчет десятков и сотен – хороша, но ее ввести должен я. И введу. Есть только одна армия, команду ею я. Все!

Он резко повернулся, Винул и Овсерд не сводили с Придона глаз. Придон дышал часто, кровь вскипела и бросилась в голову, он чувствовал, как в бешенстве стучат зубы, а пальцы безуспешно шарят по широкому поясу. За его спиной ворчали воины.

Скилл вспрыгнул на коня, тот гневно заржал. Винул и Овсерд разом отступили на пару шагов, лишь тогда повернулись и быстро пошли к своим коням. Земля загрохотала под копытами, взвилась пыль, ветерок тут же смахнул, но всадники уже исчезали за горизонтом.

Аснерд задумчиво смотрел вслед.

– Как он хотел избежать драки, – сказал он медленно. – Он очень любит тебя, Придон.

Из-за шатров появился Вяземайт. Камешек в обруче на лбу загадочно поблескивал. Приложив ко лбу ладонь козырьком, верховный волхв долго смотрел вслед молодому тцару.

– И боится, – добавил он холодным голосом.

В воинском стане расположились отряды из племен лемков, двогеричей, печенгов, а также множество удальцов, что прибыли в гордом одиночестве или с одним-двумя друзьями. Аснерд, Вяземайт и Придон на рысях въехали в середину стана. За прошедшие сутки воинов снова стало больше почти впятеро, а Вяземайт обещал, что с каждым днем будет приходить все больше и больше, ведь новость о большом походе только-только докатывается до самых дальних краев Артании.

Аснерд сопел, хмурился, наконец придержал Вяземайта за локоть.

– И что будем делать? Скилл запретил. Хотя ты и волхв, но истолковать иначе не сможешь.

– И не буду, – буркнул Вяземайт. Он понизил голос, ибо Придон начал оглядываться. – Сейчас я отберу пару сот крепких ребят...

– И что?

– Попробую переубедить Скилла, – ответил Вяземайт уклончиво. – Ты же видел, он кипел от ярости!

– Он готов был порубить нас, – произнес Аснерд почти весело. – Злой волчонок! Уважаю. Я уж начал было думать, что он совсем размяк.

– Он жесткий тцар, – подтвердил Вяземайт угрюмо. – Он очень силен. Но война необходима, Аснерд! Иначе взорвемся, как пересохший стручок.

– Бери тысячу, – предложил Аснерд. – Постарайся убедить. Постарайся! Пусть видит, что за нами не только правда, но и... сила.

Придон видел, как Вяземайт и Аснерд обнялись, потом Вяземайт подозвал к себе троих сотников, что-то объяснил им и повернул коня обратно.

Аснерд с одобрением поглядывал на воинов, что коротали время у костров, замечал жадное нетерпение в их глазах. На вертелах жарили ободранные туши забитых на охоте сайгаков, слышался здоровый смех, песни, задорные выкрики. Их с Придоном приветствовали веселыми воплями и ударами топоров в щиты.

Придон улыбался принужденно, глаза смотрели поверх голов, спросил Аснерда невпопад:

– А может, Скилл прав?

– Ты чего вдруг? – удивился Аснерд.

– Не знаю, – признался Придон. – Но Скилл всегда был прав. Он всегда защищал меня, он всегда поступал правильно. А вот сейчас...

– А вот сейчас ты вырос, – сказал Аснерд серьезно. – И перерос старшего брата. Да, перерос. Он остановился, а ты пошел дальше. Может быть, потому, что тебе выпало бед и страданий больше? Развивается тот, кто страдает. У Скилла все шло слишком хорошо...

Придон подумал про ту женщину в Куябе, к которой Скилл ездил тайком последний год, о его детях от куявки, но смолчал. У Скилла все налаживается, он уже забирает куявку и своих сыновей в Арсу.

От костров спрашивали, когда же поход. Аснерд обещал, что вот-вот, как только подтянется больше народу. Придон снова помрачнел, покачал головой:

– Мы не можем позволить себе такое. Скилл запретил!

– А мы отпретим.

Придон нахмурился:

– Если сделаем по-своему, Скилл потеряет лицо.

– Но не Артания, – ответил Аснерд серьезно. Он добавил с сочувствием: – Придон, пора тебе вспомнить, что ты не только младший брат Скилла. Ты и сам что-то значишь!

– Брат лучше меня, – ответил Придон убежденно. – Во всем.

Сотники сбивались с ног, стараясь блеснуть перед Аснердом, героем всех прошлых войн. Всадники придерживали коней, головы в одну линию, все разбиты по десяткам, все состязаются друг с другом в доблести, в отваге, в воинском умении.

Когда появился Придон, все дружно рывкнули: «Слава!» От вопля тысячи могучих глоток дрогнула земля. Придон чувствовал себя неловко, не его это дело – вести войска, скорее бы явился Скилл, принял все это. А принять должен, видно же, что это не его, Придона, причуда: все рвутся отомстить богатой и сытой Куявии за свои обиды.

Аснерд ехал рядом, он все время старался приотстать на полкорпуса, подчеркивая, что главный – Придон. Ему вести это войско, он – знамя всего похода, он – песня, что у каждого в сердце, он – кипящая кровь похода и всей Артании. Теперь «Слава!» кричали по десяткам, стараясь, чтобы это было как можно более яростно и вызывающе.

Сердце Придона начало стучать громче, кровь разогревалась все сильнее и сильнее. Кости затрещали, спина выпрямилась, а плечи раздвинулись, он глубоко вздохнул, грудь высоко поднялась, воздух хлынул в те недра, куда не проникал уже с полгода.

– Мы пройдем! – прокричал Аснерд громовым голосом.

– Мы...

– Мы...

Вдруг Аснерд остановил коня. Придон сперва не понял, проехал, но внезапно обрушилась мертвая тишина. Он повернулся, лицо Аснерда медленно суровело. Глаза тревожно блеснули, Придону показалось, что воевода словно окаменел.

– Что-то случилось? – спросил Придон.

Аснерд, не отвечая, кивком подозвал десятника. К удивлению Придона, это оказался Щецин, тот самый Щецин, что первым пообещал идти за ним, а теперь еще привел и двух героев-сыновей.

– Сколько в твоём десятке?

Щецин оглянулся, Придон видел, как он вздрогнул. Его воины тревожно переговаривались. Теперь уже и Придон видел, что в его маленьком отряде всего девять человек. Девять человек вместе с Щечином.

Щецин снова и снова пересчитывал, лицо из смущенного стало испуганным.

– Ничего не понимаю, – прошептал он. – Все здесь...

– Разве у тебя было не десять человек? – спросил Аснерд.

– Десять, – пробормотал Щецин. – Но я готов поклясться... головой поклясться, что никто не ушел! Все здесь!

Аснерд пересчитал людей Щецина, в грудь каждого тыкал пальцем. Придон считал вместе с ним, считали все, лица тревожные, в глазах стыд, друга на друга старались не смотреть.

– И это перед вторжением, – сказал Аснерд горько. – Щецин, ты знаешь нашу клятву. Мы все ее давали. – Знаю, – ответил Щецин суровым голосом.

Придон ничего не понимал, но один из конников соскочил, в руке оказался топор. Еще двое быстро подкатали деревянную колоду. Щецин встал перед нею на колени и положил голову на дерево. Глаза его смотрели на Придона. Придон наконец понял, что сейчас произойдет, ахнул, закричал:

– Вы что, с ума сошли?

Аснерд сказал резко:

– Придон, мы скоро выступим. В походе необходима строгость. Даже, если хочешь, жестокость.

– Но это же Щецин!

– Да, – ответил Аснерд. – И он, как никто, знает необходимость...

Щецин сказал спокойным голосом:

– Придон, он прав. Я допустил ошибку, за которую другого бы приговорил к смерти. Значит, должен поплатиться головой я сам.

– Да что за чепуха! – закричал Придон. – Нельзя же так!.. Ты не мог так ошибиться!.. Может быть, тебе в десятку засчитали всего девятих?

Аснерд тоже с надеждой смотрел на Щецина.

– Нет, – ответил Щецин честно. – Я хорошо помню, что было десять имен. В то же время я готов поклясться, что все здесь.

Кто-то из молодых выкрикнул убежденно:

– Колдовство!

Другие хватались за амулеты, делали отгоняющие злых духов жесты. Щецин сказал глухо:

– Это отговорка слабых. Закон одинаков для всех.

Придон закусил губу. Ни один из воинов не брался за топор, даже тот, первый, спрятал топор за спину. Наконец вперед вышел жрец Воды Уболот, в его руках нехорошо поблескивал топор с широким лезвием. Он остановился над Щечином, его вопросительный взгляд отыскал Придона. Придон снова прокричал:

– Да погодите же! Это же какая-то чушь! Ну не мог кто-то уйти тайком из десятка Щецина! Под его рукой каждый счастлив сразиться с врагом, каждый готов... Куда мог уйти десятый? Мы не на кувявской земле, чтобы бросился грабить и все забыл!

Уболот медленно опустил топор, не отрывая от него глаз, повернулся к Аснерду. Тот, сам довольный задержкой, тем не менее нахмурился, прогудел с горечью:

– Только никаких уловок!.. Все рушится с первого же исключения из правил. Закон должен быть строг ко всем... Ушел бы кто-то из моего десятка, я сам бы настаивал, чтобы...

– Ты не командуешь десятком, – сказал Придон горячо и тут же сказал торопливо, видя, как страдальчески изменилось лицо Аснерда: – Прости, прости!.. Но тут какое-то недоразумение... Кстати, а сам я в каком десятке?

Аснерд смотрел на него непонимающими глазами. А Щецин, напротив, встал с колен, отряхнулся. Смех его прозвучал горько, но с насмешкой к себе и другим:

– Придон, ты спас не только мою голову, но и честь!..

Аснерд округлил глаза.

– Он в твоём?

– В том все и дело, – ответил Щецин с досадой. – Ну что я за дурак? В самом деле такую голову надо с плеч... Придон в моем десятке, но он был слаб, его на учения не требовали. Постепенно я привык видеть только восемь рыл, но помнил, что у меня их девять!

Придон прыгнул с коня, обнял Щецина. Обнял его и Аснерд, а в их десятке и в соседних ликующе орали, смеялись и кричали, что голову Щецина надо все равно на шест, ухитрился самого Придона в своем десятке не заметить, так видно, какие у него орлы, что Придон бегаёт у них под ногами, как цыпленок!

Глава 8

Вяземайт не ограничился пятью сотнями: по дороге в Арсу встретили огромный отряд Прия, спешивший в их воинский стан, и Вяземайт с ходу взял их с собой. Земля гремела под копытами их коней, на въезде в Арсу женщины провожали игривыми взглядами. Всадники все как на подбор: статные, горящие отвагой и неистраченной силой, молодые и яростные, такие привезут в дом много добычи, рабов, а дети от них пойдут красивые, сильные и здоровые.

На воротах забеспокоились, целое войско врывается в город, но Вяземайта знали, и тот со всем отрядом проскакал до самой площади перед дворцом.

– Ждите, – велел строго. – Если понадобится, вы знаете, что делать!

– Что? – спросил побледневший Прий.

– Увидите, – ответил Вяземайт загадочно. – Изгонник, Шепель, Громаль, Шулика и ты, Кобец, со мной!

Герои соскочили с коней, их провожали завистливыми взглядами.

Вяземайт прошел через два зала, убранных с артанской простотой: оружие на стенах, а в самих залах лишь пара длинных столов с лавками по обе стороны. Во внутреннем дворе упражнялись дворцовые воины, уже немолодые, но Скилл никому не давал обрастать жирком на спокойной службе.

Скилл, стоя спиной к Вяземайту, беседовал с управителем, тот умолк, указал Скиллу за его спину. Скилл быстро развернулся, Вяземайт удивился сразу вспыхнувшему гневу в глазах молодого тцара.

– Что скажешь? – сказал он гневно. – Я уже знаю, что вы не прекратили...

– Вот и хорошо, – ответил Вяземайт, – не придется сообщать новости. Во-первых, здравствуй, Скилл! Мы ведь не враги, чтоб вот так, без «здравствуй». Во-вторых, большинство... да что там большинство, почти все в Артании требуют возмездия. Твоего брата оскорбили, унизили, а это позор на всю Артанию. Ты терпишь? Мы – нет.

Глаза Скилла понимающе сузились. Вяземайт говорит громко, значительно, красиво и с трагическим придыханием. Речь адресована не ему, это для всех, кто слушает. И, если взглянуть по сторонам, видно, что даже самые преданные ему, Скиллу, считают правым волхва.

– Это война, – отрезал Скилл. – Она будет губительной для моей страны! Пока я тцар, ее не будет!

– Тогда ты не будешь тцаром, – сказал Вяземайт просто. В голосе старого волхва звучало сочувствие. – Ты не прав, Скилл. Властью, данной мне богами и войском, я лишаю тебя тцарского венца.

Скилл задохнулся, все происходило слишком неожиданно. За его спиной зашумели воины, хватались за рукояти мечей, выдергивали до половины и со стуком бросали обратно. На волхва смотрели с недоверием, раздались крики, что Скилл – тцар, и никто другой...

Скилл спросил резко:

– Да, это право волхвов – избирать или отвергать тцаров. Но не одного волхва, а всего Совета.

– Я глава Совета, – напомнил Вяземайт.

– Все равно у тебя ничего не выйдет, – ответил Скилл. – Остальные волхвы тебя не поддержат... Впрочем, сейчас это неважно. Кого наметили в тцары?

– Ты знаешь, – ответил Вяземайт. – Сейчас в воинском стане, где собрались настоящие герои, тцаром провозглашают доблестного Придона. Гордись, Скилл! У тебя такой брат... Он уже свершил великие подвиги, но подлинного величия Артания достигнет под его тцарской дланью.

Скилл сжал зубы. По гомону за спиной ощутил, что Вяземайт выиграл. Слава Придона как героя прокатилась по всей Артании, а когда стало известно, как подло обманул его куявский властелин, даже старики скрежетали зубами и пытались поднять тяжелый топор, а мальчишки так и вовсе в своих горячечных грезах жгут и топчут Куявию от моря и до моря.

– Придон, – сказал он и ощутил, что слова упадут в пустоту, – не тцар... Мало быть героем, чтобы стать тцаром. Нет, герой может стать тцаром, но стать и быть – не одно и то же...

– Не всегда, – ответил Вяземайт, – не всегда. Если у отважного тцара мудрые правители – это самое лучшее сочетание.

Скилл пристально всматривался в его лицо с непроницаемыми глазами.

– Вяземайт... ты хоть понимаешь, что толкаешь моего брата на гибель? Он же погибнет, понимаешь?... И все вы погибнете!

– Но Артания будет жить, – ответил Вяземайт громко и четко.

Он видел блестящие глаза воинов, их воспламененные лица. Они слушали его, ловили каждое слово, он говорит на их языке, а Скилла не слушали, это понимал и сам Скилл, злая боль стиснула сердце, а кровь застыла в жилах. Он ощутил смертельный холод и тяжесть в груди, словно огромное сердце превратилось в глыбу льда.

Вяземайт повернулся к воинам, он был величав и значителен. Серебряные волосы красиво падали на плечи, глаза сверкали, как звезды, а голос прозвучал звучно и властно:

– Вы слышите слово верховного волхва! Я говорю от имени артанских богов, от всего войска. Через меня к вам обращается вся Артания. Повелеваю оседлать коней и – в воинский стан к тцару Придону. Он сейчас принимает присягу верности.

Скилл закричал в бешенстве:

– Нет!.. Я должен сперва поговорить с Придоном!

Вяземайт отступил, Изгонник, Шепель, Громаль, Шулика и Кобец, все герои старых битв встали стеной между волхвом и тцаром. В глазах Вяземайта Скилл прочел, как ему показалось, злое торжество. Бешенство перешло в слепую нерассуждающую ярость.

Вяземайт отступил еще, вскрикнул:

– Опомнись, Скилл!

– Я – тцар! – закричал Скилл страшным голосом. – Ко мне, кто верен!.. Нельзя, нельзя так...

В его руке очутился длинный красивый меч. Изгонник и другие герои, что прибыли с Вяземайтом, разом подняли топоры. Скилл успел прочесть в их глазах презрение к оружию куявов и осуждение ему, тцару, взявшему для своей дружины оружие врага.

– Остановитесь! – вскричал Вяземайт, и все замерли. – Остановитесь!.. Да свершится, что свершилось! Нельзя мешать тому, что начертано богами!

– Боги – это мы! – прокричал Скилл страшно, жилы на лбу надулись, его трясло от напряжения. – Я должен поговорить с Придоном!

– Нет, – отрезал Вяземайт.

В глазах волхва Скилл прочел все, что хотел прочесть. Ничего не знает Придон о том, что его именем творится, лишь мечется, обезумевший от своей безнадежной любви, и если с ним переговорить...

– Прочь! – заорал он и взмахнул мечом.

В воздухе заблистала сталь. Кобец и Шулика первыми встретили удар, Скилл умело парировал, а его меч блистал как молния, распарывающая ночь. Кобец упал, покачнулся и рухнул вниз лицом Шулика, у Изгонника вдруг подломились ноги. Вяземайт отступил еще, подал знак воинам, с ним не одна сотня, на Скилла бросились со всех сторон. Он вертелся, как угорь, парировал и наносил удары, сталь блестела и звенела, воины падали, как скошенные, а Скилл начал продвигаться вперед.

Вяземайт отступил, кивнул, и в сторону низложенного тцара двинулись, как стадо туров, могучие и грозные люди Прия. К Скиллу, однако, подбежали его воины, верные клятве. Во дворе словно заревело, зазвенело железом и завьюло сторукое и стоголовое чудище. Со Скиллом оказалось народу вдесятеро меньше, но он сам пошел во главе, не останавливался, двигался хоть и медленно, но все время продвигался, его меч косил человеческие тела, как коса подрезает стебли сочной травы.

В него пробовали даже бросать топоры, но герой отшвыривал их легким касанием меча. Вяземайт отступал все дальше, зыркал по сторонам. Если осатаневшего героя не остановить, в самом деле способен прорубиться к коновязи и помчаться разыскивать Придона...

– Скилл! – прокричал он. – Опомнись!.. Это же твои артане!

На миг накал сечи словно бы стих, все с надеждой ждали, что ответит тцар. Скилл двумя бешеными ударами срубил двух воинов, загораживающих путь, крикнул так громко, что разнеслось по всему дворцу, по всем помещениям и даже вылетело на городскую площадь:

– Лучше сто артан сейчас, чем тысячи погибших завтра!

Вяземайт отступил еще и еще. Между ним и Скиллом с его людьми еще около двух сотен отважных бойцов, но Скилл с его десятком перемалывает их, как жернова превращают зерна в белую муку.

– Остановите его, – велел волхв своим громко. – Наш тцар – Придон! Завтра мы отправимся на Куявию!

Воины с восторгом ринулись в сечу. Вяземайт поднялся по ступеням, в обоих залах пусто, быстро пересек дворец и выглянул через распахнутые двери на городскую площадь. Там уже собрался народ, жестикулируют, идут споры, кто-то размахивает кулаками, началась драка...

Он сжал кулаки, сердце стучит часто, накопленная за годы мощь раскачивала тело. Сзади донесся звон, гул, топот, крики. Он знал, что это, но ждал, надеялся, закрывал глаза и зывал к богам, однако звон железа и крики становились все громче.

Когда открыл глаза в очередной раз, в зал со стороны внутреннего двора вдвинулась спиной вперед толпа. Ее словно бы теснило нечто огромное, и вскоре Вяземайт с тоской увидел, что это: Скилл, невредимый, только забрызганный кровью, со страшной скоростью рубит, колет, крушит, повергает, с ним остались только трое, израненные, едва держатся на ногах, ибо люди Вяземайта, отчаявшись сразить Скилла лицом к лицу, уже давно стараются поразить его в спину, швыряют издали дротики.

– Да свершится, – прошептал Вяземайт. Его трясло, он облизнул пересыхающие губы, сказал торопливо: – Земля, к тебе взывает твой служитель с просьбой о помощи!.. Никогда ты еще не получала столь великой и достойной жертвы!.. Прими ее... и помоги мне!

Он взмахнул руками, вызвал перед мысленным взором образ грозного и могущественнейшего бога. Под ногами глухо заворчал. Послышался треск, Вяземайту почудилось, что несокрушимые стены дворца качнулись. Земля дрогнула сильнее. Из глубин донесся тяжелый грохот.

– Помоги, – повторил он уже шепотом и бегом бросился к выходу на площадь.

Люди перестали спорить, все обернулись и смотрели в сторону дворца. Вяземайт выскочил, успел увидеть, как все показывают наверх, где на крыше острый шпиль с флажком в руке деревянного всадника. Мраморные ступени под ногами вздрагивали так сильно, что он поскальзывался, как на льду, кое-как сбежал и, не останавливаясь, врезался в толпу.

Дворец раскачивало, как будто не огромное здание из гранитных глыб, а шалаш из сухой соломы, на которую дохнуло сильным ветром. С грохотом повалилась башенка с крыши, с треском вылетели железные решетки из окон. Лопнула дверь, стены рушились, камни падали с тяжелым грохотом, земля непрерывно дрожала, из-под ног неслась непрерывный гул.

Очертания дворца наконец изменились, он весь, казалось, превратился в кучу песка. С замедленным тяжелым грохотом опускался, башни разваливались. Снизу поднялось серое

жаркое облако, разрослось. Каменная громада опускалась, опускалась, пока не исчезла. Земля вздрогнула еще пару раз в затихающих конвульсиях, грохот медленно ушел обратно в глубины.

– Что это было? – вскрикнул кто-то в жуткой тиши.

– Это был знак богов, – ответил Вяземайт.

– Что он значит?

– Боги избрали другого тцара.

Он выбрался из толпы, взял из рук оруженосца повод, рядом мелькали красиво обнаженные до пояса мускулистые тела воинов, люди поспешно прыгали в седла. Вяземайт повернул коня и помчался из стольного града.

Земля грохотала под копытами, обезумевший Придон неся на быстром, как птица, коне, проклиная его черепашую скорость. Следом торопились Аснерд и Вяземайт, но быстро отстали на своих тяжелых конях. С ними мчалось около тысячи удалцов, что в тот миг оказались в седлах.

Арса выросла стремительно, дома распахнулись, словно раздернутый в стороны полог шатра. Они ворвались, как брошенные баллистой камни, Аснерд ахнул, Вяземайт ощутил, как и его тряхнуло. Отсюда всегда открывался вид на городскую площадь, а дальше взгляд с разлета ударялся о суровость гранитных стен могучего дворца тцаров Арсы. От этого дворца всегда веяло несокрушимостью, но сейчас взгляд свободно скользнул дальше, пока не достиг мелких домишек на дальнем холме. Да еще, если опустить взор, ветерок колышет пыль над грудой обломков, изломанных каменных глыб, расколотых, разбитых, едва ли не растертых в щебень неведомой и страшной силой.

По этим камням ходили и ползали на четвереньках люди, ложились, пытались заглянуть в щели, совали туда руки.

Придона сорвало с коня будто сильным ветром. В следующий миг он был уже на развалинах, хватал огромные камни и с нечеловеческой силой швырял в сторону площади, кричал, звал брата.

Аснерд и его воины оставили коней, со всех ног бросились на помощь. Вяземайт покачал головой, на душе было гадко. Перед глазами все тот же счастливый смеющийся мальчишка, каким больше всего запомнил Скилла. Еще хорошо помнил младенца, его тоже держал на руках и передавал матери, что пыталась тайком от мужа совершить тайный обряд, сделать Скилла неуязвимым для любого оружия и всего-всего на свете, а даже дать ему полное бессмертие...

Он тогда помешал довести этот обряд до конца, вызвав Осеннего Ветра, ибо что-то смертельно пугало его, мудрого и заглядывающего далеко вперед волхва. Он всегда покрывался холодным потом, представляя появление среди людей абсолютно неуязвимого человека, и вот только сейчас до холодной дрожи во всем теле ощутил, насколько тогда был прав. Скилл, как он видел, успел стать неуязвимым. Его не брало никакое оружие, ведь у него на глазах в обнаженную спину тцара-героя швыряли дротики, ножи, пытались всадить острые копыя...

От развалин донесся ликующий крик, его снова прошибло холодным потом: перед глазами встала страшная картина: неуязвимый и без единой царапины Скилл поднимается из развалин, он в ярости, отдает жуткие приказы, и никто уже не в силах спорить с бессмертным...

Радостный крик затих, человек, которого вытащили из развалин, умер, не приходя в сознание. Придон с удвоенной силой расшвыривал камни, по рукам текла кровь, ногти уже сорвал, щеки блестели от слез, он рыдал в голос, лицо кривилось. Аснерд сочувственно сопел и старался перехватить самые тяжелые глыбы.

Каменный холм удалось разобрать только к утру следующего дня. Придон, с сорванной на руках кожей, измученный и полуослепший от слез, приподнял гранитную глыбу и увидел кончик пурпурного плаща. Он закричал сквозь рыдания:

– Скилл!.. Я здесь!.. Не умирай, я уже здесь...

Как безумный, он расшвырял камни, не заботясь, на кого упадут, убрал последнюю плиту. Скилл лежал вниз лицом, Придон торопливо перевернул его на спину, секунду всматривался в неподвижное лицо, поднял голову и закричал нечеловеческим голосом.

На Скилле по-прежнему ни царапины. Если бы не почерневшее от удушья лицо, можно бы подумать, что он просто заснул. Люди вокруг него раздавлены в лепешки, все вокруг пропиталось кровью, но неуязвимый Скилл просто... задохнулся.

Придон схватил Скилла, прижал к груди. В глазах было отчаяние, он вскинул взгляд к небу. Даже каменный Аснерд вздрогнул от страшного крика:

– Боги!.. Возьмите мою жизнь, верните ему!..

Вяземайт сказал с осторожной строгостью:

– Не кошунствуй. Боги сами знают, что делать.

– Но он – лучший! – прокричал Придон. – Как смогу я смотреть в глаза его жене?

Вяземайт удивился:

– Куявке?.. да, конечно, она его жена, если ее избрал Скилл... Однако же, гм...

– Что?

– Да так... Придон, разожми руки. Отпусти... нет, дай его нам! Скилла надо омыть и облачить в тцарские одежды. Он был великий и достойный тцар... и похороны его ждут самые... величественные.

Придон вскрикнул сквозь рыдания:

– Я не пойду! Я не смогу быть на его тризне...

– Почему? – Потому что я... я – убийца!

Аснерд сказал строго:

– Несчастный случай!.. Землю иногда трясет. Редко, но такое бывает, спроси у стариков.

– Несчастный? – вскричал Придон. – Но это я, я его убил!.. Я его начал убивать, еще раньше, когда я...

Он запнулся, теперь показалось, что убивать родного брата начал раньше, еще раньше. Еще когда бросил обидные слова там, в Куябе, у дома той женщины... или даже раньше, когда дерзил, когда спорил, когда не слушался старшего, мудрого не по годам и в то же время отважного брата. Боль вошла в него, как огромный нож входит в тело мелкой рыбы. Он задохнулся, закричал, слезы брызнули из глаз. Он ухватился за голову, и целые пряди волос остались в скрюченных пальцах, когда поднес кулаки к лицу.

Прибежала Блестка, вместе с Аснердом подхватили с двух сторон, увели. Придон не сознавал, куда ведут, тело сотрясала дрожь. Он чувствовал огромный, как льдина, холодный нож, распарывающий его внутренности, кричал, и воины на конский переход в округе цепели, слыша этот нечеловеческий крик.

Аснерд впервые пожалел, что в Артании запрет на вино, сейчас бы одурманить Придону голову, пока не умер от горя. Лицо почернело, словно и его давит удушье, он хрипел, горло раздулось и посинело, глаза смотрят незряче, а сам лежит, отвернувшись к стене шатра, оглохший и ослепший к этому миру.

Вяземайт исчез, словно страхась вспышек гнева страдающего героя. Аснерд, напротив, почти не покидал шатер, а отлучаться начал, когда прискакал Олекса. Олекса день и ночь сидел у ложа Придона, отгонял лекарей, ибо горечь в душе не излечишь травами да настояями.

Придон все глубже и глубже погружался в серый бесцветный туман, вязкий и сначала теплый, затем все холоднее и холоднее. Тело остывало, сердце замедлило удары настолько, что

почти не слышал, мысли и образы текли вяло, тускнели, теряли краски. Он в полном безразличии понимал, что уже скоро наступит забвение. Он очнется в другом мире, где Скилл обнимет его, как младшего неразумного братца, поймет и простит, он же сильный, великодушный и все понимает...

Совсем в другом мире иногда звучали голоса. Сперва узнавал, потом перестал в полнейшем безразличии даже слышать. Это все останется здесь, а он скоро увидится с братом, погибшим по его вине.

Однажды все-таки услышал и узнал голос, чересчур громкий, поморщился: Олекса спорит с кем-то, защищая его, Придона. А тот, кто кричит на Олексу... это же Аснерд, отец Олексы... И еще он ощутил, что сильные безжалостные руки тормозят, трясут, выдирают из спасительного забытья. Придон зарычал в злобе, в том подернутом красноватой дымкой мире он снова скачет на лихом коне рядом с веселым и заботливым Скиллом, могучие руки старшего брата подхватывают и сажают на коня, сердце замирает от страха и восторга, а над ним звучит мощный заботливый голос: не бойся, я всегда рядом...

– Придон!.. Вставай, Придон!

Он зарычал снова, ласковый теплый мир поблек, сквозь него проступили угловатые черты этого, жестокого и несправедливого. Сверху нависало крупное лицо, похожее на грубо обработанную молотом скалу.

– Придон!

Стон вырвался из груди, ладони метнулись к лицу, но Аснерд перехватил, отнял и прямо посмотрел в глаза.

– Придон, в Степи беда. Только ты можешь что-то сделать, остановить, спасти! Вставай, побыстрее вставай...

Его подняли на ноги, он с трудом сделал несколько шагов, поддерживаемый под руки. Яркий свет ударил в глаза, ослепил. Придон застонал, закрыл ладонями лицо и попятился. Аснерд недовольно крикнул, как мог забыть, что Придон уже неделю лежит с закрытыми глазами в шатре, где полог закрыт постоянно, чуть ли не зашит, удержал за плечи, прогудел в ухо:

– Скоро пройдет. Смотри пока под ноги. Не спеши...

– А что в Степи?

– Начинается смута. Канивец и Шульган уже объявили, что не признают тебя тцаром. За ними увел своих людей и Норник. Придон, надо действовать быстро.

Послышался конский топот. Из-за шатров выметнулся жеребец в яблоках, всадник увидел их и резко повернул коня к ним. В ярком солнце блеснули длинные серебряные волосы, такие редкие среди черноголовых.

Он, как услышал последние слова Аснерда, прокричал еще издали:

– Придон, надо все быстро... и решительно!

Придон ответил со стоном:

– Вяземайт... Да пусть все оно... я брата убил! Брата убил, которого любил больше всего на свете... Меня отвергла женщина, за которую я готов отдать душу. Мир рухнул, а вы о чем?

– Артания, – сказал Аснерд просто. – На твоих плечах Артания.

Вяземайт кивнул и сказал коротко:

– Артания.

Из холодного оцепенения Придона бросило в жар. Он чувствовал себя, как заледенелый камень, пролежавший тысячи лет, который выдрали изо льда и швырнули на горящие угли. Взвыл, ухватился за волосы и с криком выдрал целые пряди.

– За что?

– Придон, – сказал Аснерд с мягкой требовательностью, – мы бы пошли за другим, был бы... кто-то сильнее. Но с любым другим – смута. А с тобой это смятение продлится недолго.

Твое место в седле! Вскинь боевой топор. Да будет покаран тот, кто не принесет тебе присягу верности быстро и без колебаний!

Вяземайт сказал сурово:

– Да будет покаран!..

– Поднимайся, – сказал Аснерд. – Ты уже не Придон...

– А кто же?

Аснерд молча повел рукой. Военный стан за эти дни стал просто огромным, шатры и шалаши уходили, казалось, за горизонт, но еще больше костров, возле которых на голой земле спали воины. Сейчас они поднялись и молча смотрели на него. С ожиданием.

– Ты не Придон, – ответил Аснерд с мрачной гордостью. – Ты сейчас – Артания. В тебе она сейчас вся. Твое слово – и она прыгнет в седло. Кивни – и у каждого в руке заблестит боевой топор. Поверни голову – и земля задрожит под тяжестью конницы... Заплачут женщины Куявии, закричат осиротевшие дети берегов, вспыхнут жарким пламенем их дома!

Придон поднял голову, слезы все еще сползают по щекам, блестят мокрые дорожки, но в глазах возник свой жаркий свет, начал разгораться, швырнул яркий зайчик навстречу солнцу.

– Не знаю, – вырвалось у него, – почему же мне кажется, что больше теряю, чем обретаю?

Аснерд не понял, переспросил:

– Теряешь, принимая корону тцара?

Зато Вяземайт понял сразу, сказал мягко:

– Да, сейчас ты, певец, принимая тцарскую власть, опускаешься до простого смертного. Из властелина песен становишься властелином людей... Однако же, как сказал наш прямой Аснерд, деяния правителей заметнее, а бывает, что и нужнее. Ты как тцар сейчас нужен Артании даже больше, чем бог, кем ты был доньше. Мы должны двинуть войска на Куявию, должны! Иначе мы как народ можем исчезнуть. Это не тебя оскорбили, Придон! Это всю Артанию оскорбили, унизили, втоптали в грязь, насмеялись!.. Сердца всех артан кипят мщением. Если не дать гневу дорогу, он сожжет нас внутри, артане превратятся в пустые оболочки, в просто тела, которым все равно: существует ли честь, достоинство, верность, любовь...

Аснерд крикнул:

– Честь, достоинство... а любовь при чем? Не она двигает войсками.

– Поскреби честь, достоинство, – посоветовал Вяземайт мягко, – что обнаружишь?

Придон выслушал волхва с растущим непониманием. От массы собравшихся, нахлынувших запахов пота, кожи, степных трав, от резкого свежего воздуха кровь быстро вскипала, заставляла сердце стучать часто и сильно, распирая грудную клетку изнутри.

Он воскликнул с болью и яростью:

– Да что ты понимаешь!.. У меня от сердца один пепел, но любовь... что же тогда меня жжет? И что двигает мною, какая сила двигает моими руками и ногами, говорит моим голосом? Это ведь не я говорю, а та сила... что во мне или вне меня – не знаю!

Вяземайт в затруднении развел руками. Широкие браслеты, больше похожие на боевые, чем на волхвы, блеснули холодным предостерегающим огнем.

– Прости, тцар. Я сказал, что сказал. Дела любви темны даже для самой светлой, как и для темной, магии. Могу сказать, что сейчас твоя любовь не столь... светлая?

Придон с яростным недоумением воззрелся на волхва. Тот стоял против солнца, лицо оставалось темным, только запылали серебряные волосы да глаза вдруг засветились, как звезды.

– Что ты... Разве любовь может быть светлой или темной?

– Раньше и я думал, – ответил Вяземайт, – что не может. Да, тцар, я так думал.

Глава 9

Ветер трепал волосы, камень в обруче на лбу горит красным недобрым огнем войны и пожаров. Конь от избытка сил и молодости встал на дыбы, ржанул весело и задорно. Верховный волхв, как заметил Аснерд, смотрел вслед Придону с любовью и тревогой. Если за эти полгода, пока скитался по всей Артании, терзая свою и чужие души песнями, исхудал, как щепка, то сейчас стремительно наливается мощной гремящей силой. И без того могучий, все-таки кровь гиганта Осеннего Ветра, он стал шире в плечах, от него постоянно веет жаром, словно носит в себе огромное раскаленное сердце, голос стал громче, в нем нетерпение, ярость и жажда разом высвободить из себя то, что накопилось за полгода сумеречной жизни.

Аснерд посматривал скачущему молодому тцару вслед, как смотрит старый, но еще могучий лев вслед львенку. От львенка требуется не так уж и много: будь сильным, здоровым, могучим, чтобы мог настичь любую дичь, а противника повергнуть и заставить подчиниться. Это Вяземайт жаждет чего-то большего...

В небе громадились облака, чистые, пенные, ночью прошел короткий дождик, трава дружно идет в рост, птицы кричат, заывают подруг, выют гнезда в кустах и прямо в траве, солнце ласково прожаривает плечи, у артан кожа должна быть потолще, чем у куявов или славов, они – дети солнца!

– Ты заметил, – сказал Аснерд вполголоса, – он уже не создает песен?

Он сидел на корточках возле костра, на углях пеклась нарезанная тонкими ломтиками конина. Хотя воеводе могли подавать прямо в шатер, но он предпочитал сам, нравилось чувствовать себя все еще воином, что спит у костра, положив под голову седло, а не растолстевшим предводителем. И хотя у костра уже не спит, но конину ест по-прежнему с удовольствием: мясо сухое, ни капли жира, что делает мужчину толстым и ленивым.

Вяземайт стоял, заложив руки за спину. Взор его был устремлен далеко вперед, за горизонт, на челе глубокая задумчивость. Он поправил с тщательностью человека, привыкшего подбирать точные слова для заклинаний:

– Не складывает?

– Не создает, – повторил Аснерд. – С того дня, как начали готовить поход.

Вяземайт сдвинул плечами, серебряные волосы красиво шелохнулись, в них пробежали искорки, похожие на крохотные звездочки.

– Ну и что? Его песни свое сделали. Теперь свое веское слово скажут наши топоры. Нет артанина, что не готов после песен Придона двинуться на Куявию.

Аснерд поморщился, Придон создавал песни вовсе не против куявов, это народ так толкует, даже не сам народ – народ неглуп, а такие вот толкователи, как Вяземайт.

– Не знаю, – ответил он в затруднении, – но мне жаль... И тревожно.

– Чего?

– Чудится, что, оставив песни, Придон что-то потерял...

– Потерял, – согласился Вяземайт легко, – но еще больше нашел. Не для себя, правда, для Артании! Был он нищим бродягой, что скитается по дорогам и жалуется на куявскую принцессу, а теперь стал грозным тцарем. А чтобы утвердиться, любому тцарю нужна победоносная война. Особенно здесь, в Артании.

Аснерд развел руками.

– Я тоже его люблю, – сказал он просто. – И тревожусь. Ведь еще год назад ему бы в голову не пришло, что мне или тебе можно что-то приказывать, велеть... Мы были для него учителя, наставники! А сейчас?

Вяземайт рассмеялся:

– Верно-верно! Орленок ощутил отросшие крылышки. А горячая кровь требует схватки. Мы же, на его взгляд, слишком медлительны. Меня что, а как он велел тебе, старому вояке, поторопиться с катапультами, загрузить их на телеги? Это уже что-то! Это уже действительно тцар, а не просто лихой удалец со вскинутым над головой топором!

Он вздрогнул, нижняя челюсть отвисла, повернулся, одновременно хватаясь за нож на поясе. Аснерд тоже, ощутив присутствие чего-то огромного и зловещего, развернулся быстро и готовый принять удар. Мир был чист, ясен, промыт недавним дождем, небо синее, травка светло-зеленая, но к ним двигался, как сгусток ночи, всадник на черном коне с горящими красным огнем глазами. Рядом с конем бежал массивный хорт, размером с теленка, тугие мышцы перекатывались под блестящей черной кожей с очень короткой шерстью.

На коне мальчишка, обнаженный до пояса, хотя в его возрасте еще носят рубашки, ибо по артанским законам с десяти до двенадцати лет может носить за взрослыми шлем, с двенадцати по четырнадцать – щит, а с четырнадцати уже становится оруженосцем, получает оружие и может принимать участие в сражениях. Однако до четырнадцати лет ему напоминают постоянно, что не только воинской славой знаменита Артания: здесь выращивается лучшая пшеница, ее ждут в Вантите и Славии, здесь, на северном побережье, лучшие корабли, здесь много славного и великого!

Всадник только что был едва ли не на горизонте, но неуловимо быстро придвинулся, огромный конь замер, словно огромная статуя из черного блестящего камня. Мальчишка вскинул руку в приветствии, солнце играет на худых костлявых плечах, крикнул ломким голосом:

– Слава, мудрые! А где Придон?

– Привет, Ютлан, – ответил Аснерд, он покосился на Вяземайта, волхв все не может собраться, руки вздрагивают. – Твой брат уехал в Степь. Попрощаться хочешь?

– Да, – ответил Ютлан. – Как бы я хотел тоже...

– Нельзя, – возразил Аснерд. – Тебе сколько, двенадцать?.. Подожди еще два года. Это скоро, глазом не успеешь моргнуть.

Ютлан кивнул, а конь его, уловив молчаливый наказ, сорвался с места. Аснерду почудилось, что солнечный мир на мгновение померк, когда эта жутковатая троица пронеслась мимо, а засиял, когда пропала вдали. Рядом шумно вздохнул Вяземайт.

– Не трясись, – сказал Аснерд насмешливо. – Не возьмет его Придон, не возьмет! Закон есть закон. Да и он здесь на месте. Никто не посягнет на трон Придона, пока этот звереныш поблизости.

Вяземайт требовал суровых мер к отколовшимся, Аснерд помалкивал, но, по его виду, поддерживал верховного волхва. Придон отмахнулся и, взяв с собой всех, кто был на тот день в воинском стане, безмолвно выступил в поход в сторону Куявии.

Как оказалось, озарение или наитие дает больше, чем мудрость и тщательный расчет: все отколовшиеся и не признающие Придона тут же повернули свои отряды и поспешили следом. Но теперь вступил в дело Аснерд: потребовал полного подчинения, ввел жестокие воинские законы, которые так долго втайне разрабатывали с Вяземайтом.

В другое время они встретили бы яростное сопротивление, могла бы пролиться кровь, но сейчас все жаждали пролить кровь подлых куявов, жечь их села и города, а Придон объявил во всеуслышанье, что пойдут до самой Куябы и возьмут стольный град.

Самые недоверчивые и то заговорили, что даже если и не удастся взять стольный град, то все равно никто еще не вторгнулся с таким огромным войском в земли врага, и уже за это слава Придону, великому тцару, тцару-воителю, тцару-полководцу!

Они двигались к границам Куявии, разделенные на отряды по тысяче всадников. По пути присоединялись еще и еще отряды, даже целые войска, как в реку по всей ее длине вливаются множество мелких ручейков и речек. Когда набралось больше двадцати тысяч, Придон назна-

чил было темниками, десятитысячниками, Аснерда и Краснотала Темная Туча, опытного и умелого военачальника, а потом забрал Аснерда к себе, а вторым темником назначил Бачило, свирепого и могучего полководца, что сам постоянно выходит в бой первым, но и умеет сохранить своих воинов.

Они двигались по бескрайней Степи, уже сухой и выжженной, несмотря на май. Бурьян и ковыль настолько ожелезнились в борьбе за выживание, что даже не колышутся под легким ветерком, торчат из земли, как вбитые в землю стрелы и пики разной величины. Солнце, на диво блеклое, медленно уходило за горизонт, небо темнело, а Степь, как в зеркале, тоже омрачалась, окутывалась призрачным полумраком.

В стороне от дороги возвышался холм, о котором старики говорили, что это не холм, а насыпанный руками старых владык похоронный курган над великим героем. Некоторые знатоки называли даже имя, но имена оказывались разные, начинались споры, а Придону было все равно: холм, курган или рассыпающаяся от старости гора.

На холме чернеют руины каменной крепости. Те же старики говорили, что однажды куявы, донельзя раздраженные постоянными набегами, собрали огромную армию, вторглись в Артанию, сильно оттеснив объединенное войско, и, досыпав курган выше, поставили на нем могучую крепость, куда собрали сильнейших воинов и магов. Эта крепость должна была запираť выход артанам к границам с Куявией, а также выход к морю. Через три года артане взяли крепость, вырезали всех, не пощадив даже тех, кто бросал оружие и сдавался, а крепость разрушили... Ее едва не разметали в пыль, но тогдашний тцар остановил героев, пусть, дескать, руины останутся в напоминание, что злобная Куявия вторгалась в наши земли, это будет постоянно наполнять сердца молодых героев чувством мести за гнусное вторжение.

Свет постепенно слабел, словно в мире догорала последняя лучина. Тоскливо вскрикнула какая-то сонная птица, и снова слышно было только дробный стук копыт.

Высыпали звезды, по ним в бескрайней степи ориентируются так же, как и в море. Из-за края земли поднялась большая холодная луна. Придон сразу ощутил недобрый холодок по коже. Как всякий артанин, он верил только в острую сталь, потому луну не любил и боялся, ибо луна – солнце призраков, теней, вурдалаков, ведьм и всякой нечисти, что днем спит, а ночью просыпается и шляется по дорогам, приходит к кострам, воет в ночи, пугает коней и вгоняет в дрожь сердца отважных воинов.

Он не однажды слышал жуткие рассказы о призраках, что ночью пристраивались к едущему отряду, умело сбивали с пути, по дороге ухитрялись опутать чарами даже самых стойких.

Старики помнят, что здесь раз в поколение проносилась и настоящая война. Сперва земля стонала и жаловалась под тяжестью конницы, когда под грохот копыт несутся тысячи отважных артан со вскинутыми боевыми топорами, затем следом тяжело ползут обозы с тяжелыми катапультами, связками больших стрел, подобных копьям, ими можно пробить насквозь закованного в железные доспехи знатного куява, но никто не станет тратить такие стрелы на мелочь: окутанные горячей паклей, такие стрелы способны забросить огонь в середину города и вызвать там пожары и панику.

Всяк степной зверь уходит с пути, как и всякого рода разбойники, искатели приключений, что нападают на безоружные караваны. Впрочем, они присоединяются к войску и двигаются следом, чтобы добивать раненых и срывать с них кольца и волшебные амулеты.

Это та самая земля, за которую ведут вековечный спор князья древних и могущественных родов Номингов, Артепов и Улеговичей. Сейчас она пуста, но Придон сам не раз мог убедиться, что эта спорная земля кишит жизнью, в реках вода выходит из берегов из-за обилия рыбы, уток, гусей и прочей птицы, кони то и дело выпугивают из травы зайцев, лис, стаи легконогих коз проносятся как призраки...

Он покачивался в седле, слушая перестук копыт, но уши ловили и другие шумы: странные, не человеческие, но и не звериные. Эта земля все еще иногда являла следы дивных наро-

дов, курганы встречаются как недавно насыпанные, так и совсем размытые дождями и ветром, а сколько их, как говорят старики, вообще уже развеяно ветрами? Но там, в глубине, спят тцары-великаны, сжимая зачарованные мечи. В темноте ждут своего часа сундуки, полные золотых монет, драгоценностей, дивных украшений, корон из золота, украшенных самоцветами...

Почти всякий, заночевавший в этой степи, потом рассказывал, вздрагивая и бледнея, о дивных видениях, что являются спящим и даже не спящим, как прямо из ночи выходят тени погибших ранее, просят либо отомстить, либо передать весточку родне... а как ее передать, если с той битвы прошла тысяча лет?.. Иные, говорят, даже указывают на закопанные ими клады, но опять же с условием, чтобы передали половину оставленной дома родне погибшего. И горе тому, кто клад выкопает, а не поделится с теми, на кого указано!

Если бы дракон сумел подняться еще выше, чтобы охватить взором все земли Куявии, то весь обширный край, где куявские пашни соприкасаются с артанскими, показался бы окруженным раскаленной дугой. Все еще вроде бы мир, но мелкие отряды удалцов, что не подчинялись никому, постоянно нападали на куявские селения, грабили, убивали, уводили в неволю. С каждым днем их становилось все больше, набеги становились чаще, смелее.

Куявские дозоры не успевали перехватывать смельчаков. В столицу летели жалобы, но Тулей пребывал в нерешительности. Такие отряды, по мирному договору с Артанией, куявские охранные войска могли перехватывать и поступать с ними по своему усмотрению, ибо те выступали без позволения артанского правителя, это были просто набеги расшалившегося соседа.

С другой стороны, Тулей чувствовал себя чуть ли не виноватым перед артанами, ибо их герой Придон добыл такой ценный для Куявии меч бога Хорса... а сам как будто оказался обманут коварным властителем Куявии. И хотя это не так, но об этом как о хитроумном обмане говорили даже в Куявии. Одни с насмешкой над Тулеем, другие – над артанином, которого их умный и хитрый тцар провел так ловко.

Хуже того, со стороны Артании в небе появлялись грозные знамения, настолько ясные, что даже простые люди толковали с легкостью: облака двигались, как снежная лавина, превращались в жуткие оскаленные морды, а когда рассыпались, на их место надвигались новые, еще более жуткие, как и водится у артан, где на место погибшего дикаря встают трое новых.

Солнце вставало странно мутное, вокруг луны появились круги, а когда круги исчезли, остались рога, что сулило еще большие бедствия. Чаще обычного гремели весенние грозы, реки выходили из берегов и смывали целые деревни, птицы кричали тревожно, были замечены толпы мышей, что двигались из леса, тоже не к добру, знающие люди толковали как великие несчастья, что придут из Степи. Ночью видели большую хвостатую звезду, что двигалась с запада на восток, жрецы спешно приносили жертвы, стараясь правильно истолковать посланное богами для них знамение.

Конное артанское войско в нетерпении ускоряло бег, ибо впереди – проклятая Куявия! Разведчики вовремя отыскали брод через широкую кордонную реку, с ходу перешли на ту сторону, а там пошли уже не плотным ядром, а полукругом, забивая по дороге дичь, дабы было чем прокормиться ночью и на следующий день. Двигались через прикордонную полосу, дивились, что в этих диких краях караванщики проложили дороги.

Раньше здесь был только ковыль, перекатипole да заросли красных маков. Но дальше, уже на следующий день увидели впереди густые рощи, даже леса. По большей части они тянулись по берегам мелких речек, а так как речек здесь множество, то леса сливаются в нечто огромное, дремучее, непроходимое, где образовывались собственные болота, упрятанные от солнечных лучей зелеными кронами.

Часто между речками оставались затопляемые по весне низкие места, где в остальное время растут густые кусты, совсем иногда низенькие звероватые деревья, а на приподнятых

вершинах густая сочная трава, где в изобилии водятся толстые жирные зайцы. Вообще в тех низинах зверя видимо-невидимо, иногда земля, казалось, начинает рябить и двигаться, это шли могучие бородатые туры из одного леса в другой, так же часто проходили стада диких кабанов, даже медведи часто забредают в это безлесье, привлеченные то ягодами на кустах, то пчелиным медом.

Недавно прошли теплые дожди, Степь стала зеленой. Трава за ночь подрастала на ширину ладони, и, когда основное конное войско двинулось к границам, верхушки сочных трав щекотали коням брюхо. Они двигались как по зеленому морю, легкий ветерок гонит навстречу точно такие же волны, в прозрачной зелени кипит жизнь, подобно крохотным ярким и юрким рыбкам снуют жуки, муравьи, ползают неторопливые гусеницы и пугливые палочники, скачут и счастливо верещат кузнечики, птицы поспешно выют гнезда и звонким пением подзывают красоток, а потом сердитыми криками сообщают, что здесь удел уже занят...

Воздух гудел от множества пчел, шмелей, все наперегонки устремлялись в распускающиеся цветы, жадно собирали мед, толкались и пихались, бабочки порхали над травами, дергаясь из стороны в сторону, словно не решались, какой цветок выбрать, из-за чего птицы промахивались, куда проще схватить стрекозу, быструю, но предсказуемую в полете.

Степь гудела от пчел и шмелей, звенела от птичьих криков, со всех сторон вспархивали из кустов и травы птицы, выскакивали зайцы и мелкие козы. Запах стоял весенний, свежий, еще не медовый, как пахнет в разгаре лета, но Придон чувствовал, что голова начинает кружиться от счастья.

Вяземайт молча указал в небо. Два орла застыли в небе, широко раскинув крылья, словно начертанные на тверди небосвода темные знаки.

– И что это значит? – спросил Придон.

– Победа, – ответил коротко Вяземайт.

Он коротко взглянул в глаза Придону, сдержанно улыбнулся.

– Прекрасный волхв, – сказал Придон язвительно. – На что ни укажешь, что ни попросишь истолковать, у него один ответ: победа. Победа над проклятой Куявией!

Вяземайт кивнул, губы все еще улыбались, но глаза стали серьезными.

– Вот видишь, Придон, – сказал он мягко, но печаль прозвучала в его словах. – Ты уже говоришь и думаешь... или хотя бы понимаешь, как тцар. Как тцар Артании! Нам предначертано ворваться в Куявию и разнести ее вдребезги. Не страдай и не терзайся. Мы всего лишь выполняем предначертание свыше. Мы не виноваты. За нас в ответе бог.

Солнце еще пряталось за краем земли, только в небе вспыхнуло первое облачко, когда основное конное войско перешло вброд реку и двинулось по степи, что ничем не отличалась от степи по эту сторону, но это уже проклятая Куявия, страна изнеженных мужчин, роскошных женщин и проклятых колдунов.

Всадники мчались, пригнувшись к конским шеям, неслись настолько тесно, словно гигантская саранча двигается по земле, пожирая все, истребляя, затаптывая, набирая мощь, но уже скоро отрастут крылья, и пешая саранча взметнется в воздух, станет еще страшнее, ужаснее.

На расстоянии конного перехода к ним присоединилось войско Норника. Он перешел реку малыми отрядами, похватал всех встречных и поперечных, чтобы обеспечить неожиданность вторжения, а в виду основного войска выстроил всех такими ровными рядами, что залюбовались и Придон, и все военачальники.

Не успели перевести дух, как слева показались отряды Канивца. В свое время он отказался признавать Придона тцаром, но с началом похода ловил каждое его слово, выполнял ревностно. Поговаривали, что Придона признал только походным тцаром, а когда, мол, поход

будет закончен, тогда и посмотрим, годится ли такой герой на трон, где, помимо отваги, нужны мудрость и осмотрительность.

С Канивцем пришли двенадцать тысяч закаленных в боях воинов, каждый уже успел отличиться в битвах и сражениях, вооружены с головы до ног, и хотя грудь каждого открыта, но на плечах стальные латы, на головах шлемы, спины защищают щиты, которые одним движением легко перебросить на локоть левой руки, а слева у седла боевой топор, булава и лук со стрелами.

При виде Придона войско грянуло приветственными кличами. Сам Канивец выехал вперед и отсалютовал на виду всего войска, показывая, что признает Придона вожаком похода и подчиняется ему во всех воинских делах.

Придон вскинул руку.

– Слава доблестным канивцам!

– Слава! – прогремел ответный клич из тысяч здоровых глоток. – Слава Придону!

– Смерть куявам! – крикнул кто-то, его тут же поддержали еще громче и охотнее:

– Смерть!

– Смерть!...

– Пожар и смерть!

– Огонь и пепел...

Аснерд не орал вместе со всеми, дело воеводы крикнуть первым, теперь посматривал зорко по сторонам, отметил горящие глаза Вяземайт, его бледное лицо и дрожащие губы. Толкнул в бок.

– Ну что? Получил свое?

– Даже больше, – выдохнул Вяземайт. – Я не ожидал такой мощи. Именем Придона можно свернуть горы. Он... велик!

– У великого человека, – напомнил Аснерд, – два сердца: одно истекает кровью, другое – терпит.

Вяземайт покачал головой:

– Величие – это тот же пожар. Блещет столько же, сколько и пожирает, превращает в пепел. Мы должны пройти огненным дождем по Куявии! В этом наше величие.

Аснерд сказал предостерегающе:

– Ни один человек, желавший достичь величия, его не достигал.

Первые конные отряды и все основное войско перешли реку, даже двинулись вглубь, но Придон все еще не решался переправить на тот берег огромный обоз с баллистами, катапультами и осадными орудиями. Вовсе не от страха перед мощью куявов, артанина гибель в бою не страшит, страшит смерть в постели, просто чудилось что-то неправильное в этом нападении с такой мощью на страну, с которой совсем недавно договорились о дружбе и торговле. В то же время в Артании говорят об этой войне как о неизбежной и уже начавшейся, даже в Куявии уже знают от мала до велика о неизбежности кровавой мести и расплаты. Знают, что грозные тучи собираются на границе, вот-вот заблещут молнии на лезвиях топоров, прогремит тяжелый гром копыт и прольется на землю красный дождь из разрубленных артанскими топорами тел...

Торговцы доносили, что прославленный герой прошлых войн, куявский князь Брун, могучий и удачливый полководец, мог бы возглавить общее войско и преградить дорогу артанам, однако он чувствовал себя обиженным Тулеем, обделенным при дележе власти и влияния, и сейчас держится в стороне, злорадствует, что остальные полководцы суетятся, как муравьи в растревоженном муравейнике.

Но не он один мечтал возвысить свой род, многие знатные и знатнейшие в этой богатой и развитой стране в своих мечтаниях и даже планах уже видели себя самостоятельными володарями своих обширных земель. И так уже у каждого свои крепости и свое войско с собственным знаменем. Но теперь уже мечтали и вовсе не платить Куябе налоги. Не потому, что трудно, для

таких богатых земель это не в тягость, а уже, подобно наглым артанам, начали чувствовать, что это зазорно. Платить налоги – это прежде всего признавать власть того, кому платишь, а этого как раз уже не хочется, когда в своих землях чувствуешь себя могучим властелином.

Те же торговцы доносили, что в это тревожное время в Куявии расплодилось немало разбойников, среди которых часто попадаются и обнищавшие отпрыски знатных семей, которых обидами да утеснениями согнали с земель более богатые и могущественные соседи. За оружие брались все, как мирные, так и не очень, и все брали только для защиты, однако железо звенело о железо во всех уголках страны.

Глава 10

Наконец уже все артанское войско вступило в пределы Куявии и захватывало ее богатые земли. Все больше куявов убеждалось, что это не простой набег, пусть и очень большого войска: за конными артанами двигались тяжелые обозы со стенобитными орудиями, катапультами. Если раньше артане довольствовались тем, что удавалось захватить на месте, сейчас в обозе везли множество походных кузниц, на ходу чинили топоры, щиты, доспехи.

Артане продвигались в глубь Куявии неспешно, с давящей уверенностью. Вокруг крепостей выжигали постройки и с ужасающей деловитостью, так не свойственной артанам, ставили катапульты и сооружали осадные башни, в то время как основная масса продвигалась, как саранча, оставляя за собой пепелище и дымящиеся руины.

Доблестный бер Ясинец, известный своими постройками засечной полосы на границе с Артанией, отступал под натиском конного войска, постоянно оставляя небольшие отряды, что задерживали степных витязей, давал им бой при каждой возможности. В другое время он был бы уже разбит, но сейчас артане поневоле придерживали горячих коней, за ними тянулся огромный обоз, ведь куявы, по слухам, могут на драконах перебросить целый отряд в тыл по воздуху.

Точно так же сражался Елинда, прославленный полководец, известный своими победами над горными племенами, что пытались отколоться от Куявии. По городам и весям шел слух, что он даже наносил поражения вторгшимся артанам, но тех слишком много, потому Елинда отступает, но присутствия духа не потерял, под защитой башен чародеев он перегруппирует войско, пополнит и окончательно разобьет дикарей.

И в то же время по всей Куявии все еще шли толки, будет или не будет настоящая война. С одной стороны, Тулей здорово обидел сына артанского тцара, а эти сумасшедшие артане обид почему не прощают, злые они, весь народ злой, с другой стороны – совсем недавно обе страны заключили вечный мир. Да и недавно Артания получила сокрушительный удар, когда Брун разгромил ее армии в сражениях под Вереском, Антскими горами и на берегах Холодного Озера. Если уж у артан кровь кипит, а руки тянутся к топорам, то им проще испытать силу на славах и вантйцах, там что-то может получиться, а о твердыни Куявии всякий раз обламывали зубы.

Да и то сказать, если и удавалось артанам продвинуться на земли Куявии, то лишь на равнинные области, где нет башен чародеев, где трудно ставить хорошо укрепленные крепости, потому что тяжелые глыбы надо тащить из далеких гор. На этих просторах обычно и формировалась артанская армия, не многие успевали вернуться с богатой добычей в родные степи. С богатой, потому что любая добыча, захваченная в куявских городах, для бедных степняков – сокровище!

Куявия, укрепившись в своей значимости и уверовав в непобедимость, почти не держала лазутчиков, что визнавали бы, что делается в других странах. Другие страны – варвары, а кому варвары интересны? Тулей узнал о вторжении артанского войска, когда оно перешло кордонную реку и разлилось, как половодье, по богатым куявским землям.

Нехотя, скрепя сердце, он наконец велел собирать ополчение. По всей стране прокатилась волна недовольства, это же отрывать людей от дела, правители местных земель и знатные роды начали выделять деньги на нужды своего войска, а уж потом, что оставалось, отсылали в столицу на общекуявское ополчение.

Война пришла совсем некстати, ибо доходили смутные слухи, что Вантит претендует на земли, где расположены малочисленные, но очень воинственные роды гайчан, берсучей и теричан. Это все находилось в горах, там ни сеять, ни жать, зато время от времени проползал

слушок, что в тех горах несметные залежи золота, железа, а также некие тайные пещеры, куда древние колдуны запрятали не просто сокровища, но и дивные волшебные вещи.

Тулей рассылал гонцов во все концы, просил, требовал, грозил, прельщал, но у могущественных беров свои крепости и свои армии, каждый уверен, что разобьет артан с легкостью, стяжает славу еще и воинскую, возвысится. Кроме этих, готовых защищать Куявию, еще больше было тех, кто всегда рад, что артане разорят соседа, унижат тцара, который когда не так посмотрел, когда не одарил, не дал во владение, не упомянул в числе знатнейших людей. Но, конечно, больше всего оставалось тех, кому без разницы и артане, и куявы, и сами они себя не считали ни тем ни другим, а просто хотели жить так, чтобы их никто не трогал, а когда наступала беда, то не защищались, а старались убежать от нашествия, пусть опасность грудью встречают другие, а потом можно вернуться да еще и поживиться во время такой смуты.

Солнце поднималось рано, с башен куявских городов и крепостей было видно, как то там, то здесь в полном безветрии поднимаются к небу желтые столбы пыли. Это двигались многочисленные отряды из земель Верхней Куявии. Их бескрайние поля располагались у подножия гор, война туда никогда не докатывалась, и тамошние вельможи были самыми богатыми и могущественными в стране. Сейчас они первыми откликнулись на призыв Тулея защитить страну, что, по мнению советников тцара, было недобрым признаком. Последние годы верхнекуявы вообще отказывались платить в казну, давать людей в общее войско, а сейчас вдруг двинули такую огромную армию, что она либо захватит по пути Куябу, либо сделает это на обратном пути, когда в пух и прах разнесет артан.

Со стен Куябы смотрели с восхищением на огромное войско, что двигалось тремя дорогами. Конных отрядов немного, большей частью едут на подводах, по-куявски широких и просторных. На таких же телегах огромное количество еды, они ж не дикие артане, что пробавляются охотой, везли в запас добротные доспехи, на случай, если надо будет срочно заменить, а походные оружейники не успеют починить. Конные витязи все как один сверкали начищенными железными шлемами, тяжелыми латами, что надеваются поверх кольчуг, у всех настоящие железные щиты, цельнокованные, подбитые с другой стороны буйволиной кожей, а также дорогие мечи из прекрасной закаленной стали. Только Тулей да его полководцы, состарившиеся в боях, морщились при виде этого блеска. Пограничные князья и беры, что всегда принимали первый удар артан, не блещут такими доспехами, но зато умеют воевать, а эти всегда отсиживались за чужими спинами, своих людей в войско посылать не спешили, а теперь, на вершине славы и могущества, просто захотели намного большего... На их земли никогда не приходил враг, сейчас на встречу с артанами едут те, кто привык нежиться в своих благоустроенных домах, копать в роскошных садах, любит повеселиться, тягот избегает, потому и тащат за собой чуть ли не все кастрюли и пуховые перины...

Тулей и его ближайшие советники наблюдали за прохождением войска с высокой башни, именуемой Тцарской. Да, едут крепкие, по-своему отважные люди, на встречу с врагом двигаются весело, хотя впереди бой, звон мечей, крики, боль и кровавые раны. Не будучи знакомы с войной лично, они не соблюдали строя, в отряды сбивались по родству, военачальников не слушались, даже на войне хотели чувствовать все удобства, потому столько повозок, запасных коней, множество овец мясной породы, предназначенных для забоя, слуги и прочая домашняя челядь, предназначенная для убаживания хозяина.

Тулей покачал головой:

– И это стадо думает разбить артан?

Щажард и Барвник стояли рядом, с одинаково безразличными лицами, хотя во всем остальном разные: тучный приземистый Щажард и высокий худой Барвник, один – управляющий всеми делами тцарства, изворотливый и острый мозг, что держит в памяти все мелочи, все имена и все нити, и верховный маг, что слова не скажет ясно, а все ссылается на волю богов, на расположение звезд, на заветы или запреты древних мастеров.

Даже пахнет от Щажарда крепким вином, хотя на самом деле пьет мало и всегда трезв, а от Барвника – острым ароматом трав и кислот, из-за которых он и лишился правой руки, хотя большим успехом при дворе пользуется рассказ, что Барвник однажды проснулся в постели жены Тулея Иргильды, ее голова на его руке, и он в ужасе сам отгрыз себе руку, чтобы убежать, не разбудив грозную правительницу.

Сейчас на вопрос Тулея они переглянулись, каждый уступал другому ответить первым, наконец Щажард сказал хмуро:

– Пусть идут.

– Погибнут же... – сказал Тулей равнодушно. Тяжелый, грузный, он не наваливался животом, как сухощавый Барвник, на край каменной ограды, стоял неподвижно и величественно, как скала, сам по себе приметный ростом и могучей, хоть и очень располневшей фигурой. – Овцы, вздумавшие затоптать волков!

После схватки с Янкердом и Горасвильдом, за которыми стояло немалое войско, он ухитрился схуднуть, но, едва все вернулось, врагов уничтожили, он растолстел еще больше.

– Не все, – возразил Барвник сухим, как его фигура, голосом. – В другой раз умнее будут. Кроме того, чуточку артан задержат. Да и хоть малость, но крови дикарям пустят.

Щажард заметил с циничной усмешкой:

– Чем больше их побьют артане, тем неопаснее будут для трона. А дальше башен магов никакие артане не пройдут.

– Боюсь, – сказал Тулей, – что эти герои побегут раньше, чем артане их побьют. А сорок тысяч дураков, бегущих в панике, кого угодно в страх вгонят!

Щажард прикинул на глаз длину колонны, посчитал в уме, сказал уважительно:

– Если со вчерашними, то тысяч семьдесят будет... Я не думал, что их столько наберется!

– А сколько их останется, – вздохнул Тулей. – Хоть и одни неприятности от них, но все же это наши, куявы... Семьдесят тысяч? Навстречу идет всего лишь двадцатитысячное артанское войско, но зато все родились в седлах, с конца копыта вскормлены, под звон мечей возвращены... У них железная дисциплина, они не считают, что, подчиняясь менее знатному, ущемляют свое достоинство!

Щажард сказал хмуро:

– Никак вы хотели бы командовать артанами?

– Не в этом случае, – ответил Тулей, не принимая шутки, – но вообще-то я охотно принял бы их всех на службу... Кто собирается командовать этим сбродом?

Щажард скривился, но, против обыкновения, смолчал. Барвник заметил осторожно:

– Они еще и сами не знают.

– Как это?

– Это ведь ополчение, – пояснил Барвник. – Они выступили по вашему призыву, Ваше Величество, а не по вашему приказу. В этом вся разница. Вот придут все на место, поставят лагерь, устроят по этому случаю попойку, начнут мериться родословными, числом слуг, размерами... гм... земель, поить все войско за свой счет, одарять, интриговать, словом, кого-то да выберут. Часть, понятно, обидится, каждый считает себя лучшим, и отведут свои войска. Когда начнется сражение...

Тулей прорычал что-то злое, солнце уже висело над далеким лесом, лицо тцара выглядело золотой маской, холодной и неподвижной. Даже ветерок, колыхнув одежды, не сдвинул ни волоска в косматых бровях.

– Если начнется, – бросил он хмуро.

– Да, – согласился Барвник, – если не разбегутся раньше, то эти отколовшиеся будут наблюдать со стороны, не помогая, а злорадствуя. Ну, а потом артане придут и повяжут их самих.

Тулей буркнул:

– Видать, дела наши совсем плохи, если Барвник заговорил, как управляющий, а мой мудрый Щажард втянул язык в задницу. Неужели все так плохо?

Щажард сказал равнодушно:

– А что толку говорить очевидное? На этих у меня надежды нет. Отогнать артан могут только войска удельных князей и отдаленных береов. Тех самых, которые вот уже годы не платят в казну налоги.

Тудей бросил острый взгляд на мага, сказал почти с завистью:

– Тебе хорошо! Не опускаешься с облаков на заплеванную землю. Магию изучаешь, чистенький...

Барвник ответил с поклоном:

– Ваше Величество, старайтесь прежде быть мудрым, а ученым – когда будет свободное время. Ваше дело – важнее.

Щажард сказал язвительно:

– Ваше Величество, наш ученый маг проглотил много мудрости, но все это попало ему не в то горло. А что влетело в ухо, с огромным свистом вылетает из другого. Потому и натягивает свой дурацкий колпак на самые уши!

– Дурацкий колпак мозгов не портит, – ответил Барвник сухо. – А вообще, где ты ухитрился увидеть на мне колпак? Я колпаков вообще не ношу. Глупые мысли бывают у всякого, только умный их не высказывает. Я достаточно ясно сказал? Или указать пальцем?

Тудей сказал с грустной усмешкой:

– Я люблю вас, друзья! Даже готовы поссориться, только бы меня отвлечь от... от вида этих завтрашних мертвецов. Пойдемте, выпьем хорошего вина! Не хочу видеть такое... но все время перед глазами, что с ними вскоре случится.

– Видеть легко, – сказал Щажард, – трудно предвидеть. Вам это удастся, Ваше Величество.

Тудей выругался, взгляд соскользнул с блистающей доспехами и оружием колонны и уперся в красный зловещий горизонт. Пока жарко полыхают только облака, подожженные восходящим солнцем.

– С какой легкостью, – вырвалось у него. – С какой легкостью чуть ли не вся Артания вскочила в седло!.. Все готовы сворачивать горы... То ли дело у нас в Куявии: если появится кто-то с обещанием свернуть гору, за ним обязательно пойдут другие, чтобы свернуть ему шею.

У входа в свои покои Тудей сделал знак сопровождающим, что отпускает всех, те с поклонами остановились и даже попятнулись. Щажард и Барвник безмолвно отступили, не напоминать же повелителю, что он сам пригласил их на хорошее вино, а теперь будто пожадничал. Стражи распахнули перед тцаром двери и так же бесшумно закрыли следом.

Тудей пошел к ложу, руки на ходу сдирали роскошный плащ, слишком тяжелый для такого летнего дня. Сейчас завалиться бы во весь рост, что-то кости начинают сдавать, а ведь еще не стар, вон Ясинец в полтора раза старше, а еще на коня сам залезает, да и в седле может сутки...

Он вздрогнул, из-за высокой спинки роскошного кресла вышла Итания. Тихая, трепетная, сейчас выглядела очень встревоженной, румяные щеки стали бледными, а в ярко-синих глазах затаилась темная, как ночь, тревога. Даже роскошные золотые волосы утратили ослепляющий блеск, крупные локоны выглядят безжизненно.

– Отец, ты был на стене?

– Какая ты у меня глазастьенькая. – Он обнял ее, усадил рядом на край ложа. – Из окна видела?

– Да. В самом деле война? Не набег?

– Да. Хотя все мы предпочитаем говорить «набег, набег», чтобы не слышать страшное слово «война». Кто бы подумал, тцаром Артании стал Придон! А он как тцар во сто крат опаснее Горицвета или доблестного брата Скилла.

Она прижалась к его плечу, маленькая и беззащитная.

– Почему?

Он обнял ее, усадил рядом. От нее пахло детской свежестью, но уже видно, что это молодая быстро созревающая девушка, полная жизни, несмотря на кажущуюся хрупкость.

– Первое, – сказал он медленно, – ничто так не прибавляет сил противнику, как нанесенная ему обида. А Придон обижен...

Она вздохнула, глаза на миг блеснули яростным огоньком, но тут же стали снова кроткими и печальными.

– Второе, – сказал он медленно, – Скилл был прекрасным тцаром и прекрасным полководцем. Он гораздо лучше бы начал войну... если бы начал. Но на каждого прекрасного артанского полководца у нас есть по десять куявских. И против одной их армии мы в состоянии выставить десять.

Она прошептала, уловив недоговоренность:

– Так что же тебя тревожит?

Он сказал неохотно:

– Придон... не полководец. Он – герой. И еще – создатель песен. Это такая гремучая смесь, что ни один маг... Вся Артания поднялась, как один человек! А со Скиллом пошла бы разве что часть войск. Да и у нас разговоры, что с Придоном поступили не совсем... хорошо. А это плохие разговоры, дочь моя. Они ослабляют и без того невысокий дух наших вояк.

Она прижалась крепче, прошептала, глядя в пол:

– Отец, а может быть, еще не поздно...

– Что?

– ...как-то замирился? Отдать ему меня. Артане почувствуют победу. Ведь победа для них важнее богатств, верно?

Он кивнул, ответил нехотя, тяжелым голосом, морщась от необходимости говорить неприятные вещи:

– Мы не можем вот так простить им вторжение. Жизнь такова, что если не разобьем их, то наша гордость будет втоптана в грязь. Мы не артане, у нас гордость – не высшая ценность, но все же есть, какую-то роль играет. Я бы даже сказал, торговую роль! Да, торговую. Если человек угнетен, он и торгует хуже, и работает, и дома со всеми ругается и скандалит. Прости за неприятные слова, но артане должны быть разгромлены. А вот тогда, когда остатки их войск побегут, можем вступить с ними в переговоры. Так диктуют нам боги! Наши, куявские, самые мудрые и расчетливые боги.

Последние слова сказаны, разговор окончен, оба понимали, но Итания прижималась к нему, как заблудившийся в лесу ребенок, в ее голосе прозвучали закипающие слезы:

– Почему? Почему мы такие разные? Почему разные... настолько? Почему мы все... все в богатстве так несчастны?

Он привлек ее к себе на грудь, поцеловал в темечко, вдохнул запах волос, тоже золотой, еще детский, сказал невесело:

– Слово «счастье» следует произносить с опаской. Наша сила в том, что куявы ничем не хотят рисковать. Но в этом и наша слабость, ибо так рискуем вдвойне. В Куявии дети обожают играть в колдунов, магов, волшебников, даже чародеев... Творят чудеса, добывают несметные клады, заставляют рожь давать зерна с орех, достают со дна моря затонувшие корабли с сокровищами, да еще чтоб на бортах висели дивные и разноцветные чудовища глубин, отгоняют грозовые тучи к заливу, добывают чудесные вещи... Мы ведь и Придона послали добывать меч в нашей куявской манере! Не пойти и перебить где-то кого-то, а добыть и принести, тем

самым увеличив мощь людей и уменьшив силу темных сил. Если бы пошел куяв, он бы все сделал иначе...

– Если бы сумел, – возразила она.

Он удержал ее на груди, Итания даже сделала попытку высвободиться, сказал торопливо:

– Я говорю лишь о разнице! Да, никто бы не сумел добыть меч Хорса, кроме Придона. Я говорю о том, что, будь Придон куявом, он добыл бы меч... добыл бы!.. как-то иначе. Но он все равно добыл. Жестоко, по-артански. Ведь, Итания, это только наши дети играют в магов! А дети артан играют в войну. Но потом война вырастает...

В спину пахнуло свежим ветром, Придон оглянулся, их быстро догоняла градовая туча, уже охватившая полнеба. Там вдаль как будто поднялся густой туман, это между небом и землей протянулись водяные струи, да и не струи, а сплошная, если смотреть отсюда, стена холодной воды с крупными градинами.

Меклен захохотал:

– Наша туча, артанская!

– На Куявию все грозы идут с Артании, – ответил Аснерд.

Пришпорили коней, впереди густая дубовая роща, земля и весь мир внезапно озарились дивным огнем, это из-за туч на минутку выглянуло солнце, все стало четким, резким, будто над миром полыхал незримый гигантский светильник. Но залита огнем только земля, а небо быстро затягивалось тяжелыми, как горы, сизыми тучами.

Кони почти доскакали до изумрудной зелени рощи, как вдруг она превратилась в темно-зеленую, почти черную, в спину ударило ветром, закрутились маленькие вихрики, подняли пыль и бросили в лица. Листва затрепетала, затрещали ветви, пыльное облако вломилось в рощу раньше Придона и Меклена, а следом ударил лютый холодный ливень с крупным, как орех, градом.

Меклен заорал, влетел под деревья, соскочил там и поспешно убежал, утаскивая упирающегося коня под широкий навес из веток. Аснерд подъехал неспешно, струи воды и град отскакивали от его блестящего тела, как будто он в самом деле вытесан из серого гранита. Град бил по роще с такой силой, что листья сыпались, трескали ветки, многие мелкие ломались под ударами холодных градин и летели на головы. Между деревьями в одном месте был просвет, там градины сыпались, как из мешка, отпрыгивали от земли, секли траву и стучали о серую кору, выбивая из нее пыль.

Вдали показались скачущие всадники, призрачные в полосе дождя. Крок несся впереди, блестящий, как будто закованный в сверкающие латы с головы до ног, за ним сотня телохранителей, Крок закричал издали:

– Придон!.. Если будешь вот так вырываться вперед, то зачем мы?..

А Верен, его брат, крикнул рассерженно:

– Я сегодня же возвращаюсь в свой отряд!

– И я, – бросил Крок, огромный и всегда молчаливый гигант, несокрушимый в боях, верный и надежный соратник в любом бою. – Там будем при деле.

Они остановились, блестящие, как рыбы, струи красиво разбивались об их обнаженные плечи. Все смотрели с укором. Аснерд крикнул, пустил коня навстречу.

– Вы правы, – сказал он гроыхающее. – Вы правы. А мы... как ребята! Увлечлись. А это не дело. Мы ж не сотню ведем, за нами идет сорок тысяч!.. Надо вести себя иначе. Все, обещаю при всех, что буду дальше воеводой. А Придон будет вести себя как тцар, а не как...

Все разом озарилось чистым светом, туча ушла, ливень прекратился, как отрезало. Пыль исчезла, все обрело необычайную резкость и четкость, Придон видел насечки на лапах ползающих жуков, листья деревьев не гладкие, а в подушечках, да к тому же все покрыты белесыми волосками...

– Да, – сказал он запоздало, – да... Это уже не набег, нам самим приходится напоминать себе. У нас – армия. А мы – полководцы.

Огромное куявское войско двигалось вдоль реки, высланные вперед конные отряды тут же сожгли мосты, а само войско раскинулось вдоль берега привольным станом, больше похожим на богатую ярмарку, чем на грозное войско. Теперь всюду яркими красками пламенели роскошные шатры, горели костры, везде в изобилии забивали скот и устраивали пиры, благо вина тоже вдоволь, начались песни, пляски, заодно и ссоры, драки, потасовки. Разгорелись первые споры, кому где стоять, кому первому поить коней в реке.

Разведчики доносили, что артанское войско неспешно движется в их сторону. Все конные, быстрые. Могли бы уже завтра оказаться здесь, но почему-то не спешат, едут веселые, на ходу бросают топоры во все встречные деревья, бахвалятся ловкостью, а когда едут по ровному, то подбрасывают в воздух и ловят, не глядя, за рукояти. Для них это не война, не сражения. Недаром это артане придумали сравнивать кровавое сражение с веселым хмельным пиром, а кровь с красным вином, что льется без меры, и хозяева так упаивают гостей, что те засыпают беспробудным сном. Да и сами просыпаются уже в небесных чертогах, где все те же пиры, набеги, горящие крыши, вопящие женщины, которых насилуют прямо на трупах их мужей, – рай!

На берег реки к верхнекуявам прибывали не только отставшие, но также зареченцы, аламасты и долинники. Прибыли даже далекие приморцы, причудливые в своих длинных одеждах, вместо железных доспехов укрытые от макушки до пят в блестящие кольчуги, из-за чего выглядели причудливой стаей диковинных рыб. Эти встали особняком, у них тоже немалый обоз, на телегах полевые кузницы, кухни, не станут же, подобно диким артанам, готовить на кострах, кони крупные, могучие, неторопливые, способные сдвинуть с места горы, хоть и непригодные для скачки.

Меньше всего ожидали зажиточных среднекуявов, но те явились во главе со своим знаменитым князем Долонцем, потомком знатнейшего рода Полота, что ведет род от Яфета и Тараса, могущественнейший властитель обширных земель и угодий. Весь воинский стан куявов с почтением наблюдал прибытие тысячного войска одинаково одетых и вооруженных воинов, что составляли всего лишь его передовую свиту, затем показалась украшенная золотом крытая повозка Долонца, а за ним двигалась еще тысяча отборных воинов его свиты, а по бокам скакали на резвых конях именитые воины, богатыри и знатные люди его несметно богатого края.

В лагере все сразу почувствовали себя еще бодрее, ибо Долонец был огромен ростом, осанист и с громовым голосом. Длинные седые волосы ниспадали на плечи, такая же седая борода укрывала грудь, а мудрые все понимающие глаза смотрели на каждого так, что видели насквозь. С таким пронизательным военачальником победа просто должна была прийти сама собой, он выглядел олицетворением самой мудрости, войско приветствовало его буйным ликованием и криками.

В течение дня прибыл Велигор, могущественный властелин земель Нижних Долин, с ним две тысячи отборных воинов, хорошо вооруженных, с одного взгляда видно, насколько они громадны ростом, с хищно загнутыми носами. Следом приехал в сопровождении многочисленной родни Гвидон с двенадцатью братьями, все как столетние дубы – кряжистые, крепкие, неторопливые, уверенные. С другой стороны лагеря в то же время въезжал с пышной свитой князь Сулима, владетельный хозяин земель Родопья, у которого шесть крепостей, восемнадцать городов и пешее войско в двадцать тысяч человек, прекрасно вооруженных и на великолепных конях.

С такой же торжественностью прибыли Ефанд, Гостол, Ведора – знатные вельможи и владетельные мужи, с каждым отряд, у кого в тысячу человек, у кого в полтысячи, но при всей

пестроте их одежд и вооружения это были люди сытые, дородные, уверенные в себе и своих силах.

Куявы не были бы куявами, если бы, завидя такое сборище народа, сюда сразу же не явились всякого рода торговцы. Первыми прибыли продавцы вина и всяких лакомств. Веселые и распутные женщины на этот раз запоздали, начали появляться только на третий день. С того дня воинский стан опоясался цветными шатрами, начались хмельные песни, повсюду слышались игривые взвизгивания. Торговцы поставили лотки и торговали по большей части вином, хотя пользовалось спросом также оружие, доспехи, одежда.

Помимо походных котлов, дымились и отдельные кухни владетельных особ. Повара щеголяли друг перед другом знанием особо изысканных блюд, а простонародье гордилось, что их господин даже в походе изволит кушать на золоте и золотыми ложками, в то время как у знатнейшего, но обедневшего Ефанда, по слухам, посуда из простого серебра, только сверху позолоченная. Знатные мужи, горделиво подбоченясь, расхаживали группами по бескрайнему лагерю, затевали ссоры, хватались за мечи, но их, конечно же, вовремя разнимали. Все чувствовали себя приподнято, как чувствуют мужчины, у которых на поясах оружие, а куявы этого ополчения горделиво им обвешались так, что походили на деревья воинской славы, где на ветках развешивают захваченные у врага мечи, топоры, кинжалы.

Долонец к вечеру первого же дня по прибытии, отдохнув после тяжелой дороги в недостаточно мягкой повозке и сытно поужинав, вышел к народу. Поговорил со своими, те устроились уже неплохо, и пошел по воинскому стану, всем интересовался, во все мудро и по-отечески вникал, разговаривал с простыми воинами как с равными, что всем очень льстило.

Его жадно расспрашивали, что он думает про эту войну, он мягко улыбался, разводил руками:

– Что сказать? Ясно же, что артан побьем, но мы могли бы побить с меньшей кровью, если бы наш светлый тцар Тулей изволил прислать нам свое войско, что держит в столице...

Один из его людей угодливо крикнул:

– Для кого держит? Или от кого?

Долонец поморщился, вроде бы не одобряет выпады в адрес светлого тцара, но ответил все с той же мягкостью:

– Не нам судить дела и поступки Его Величества... Однако же, правду говоря, судьба сражений решается здесь, а не во дворцах. Вы все, доблестные ратники, спасете Куявию, заслонив ее собственными сердцами, а самые отборные воины, самые сильные и лучше всего вооруженные, собранные во дворец со всех концов Куявии, так и проживут всю жизнь, ни разу не окропив землю ни своей, ни вражеской кровью!

– Да, – заговорили в толпе, – что за жизнь? В тепле да неге, разве это воины?

– Да, братья, только мы – защитники...

– А что же нам, не отломится от пирога?

– Конечно, нет, вокруг Тулея столько лизоблюдов!

– Да, братья, это они станут называть себя спасителями, хотя и носа из дворца не показывали...

– Нет, мы такого безобразья не допустим...

Долонец чувствовал, что взоры с надеждой обращены на него, он ведь не спрятался от артанской угрозы, вместе с ними на поле брани, чтобы оросить его своей и чужой кровью, дабы Куявия была навсегда и вовеки.

– Когда вернемся, – пообещал он, – мы потребуем себе больше вольностей. Не должны истинные защитники пребывать на задворках!

– Правильно! – закричали сразу несколько дюжих голосов. – Пора поменяться! Пусть те, дворцовые, отныне несут тут службу, а мы заслужили мягкие постели во дворце!

Глава 11

Из-за того, что артанское войско двигалось на диво медленно, перед ними, как бесчисленные стада овец, катились толпы беглецов, изнемогая под тяжестью скарба. И невдомек было, почему конные артане не догоняют, не отнимают добро, не вяжут, не грабят, не насилуют, ведь не от доброты же внезапной стали эти дикари такими кроткими?

Артане двигались широким крылом, хотя, конечно, между отрядами оставались полосы земли, куда не ступало копыто артанского коня. Помимо пограничных земель, где куявы жили настороженно и богатств не хранили, уже были захвачены земли дреглян, силчей, бояртов и даже веней. Сейчас тугены и болотичи увязывали узлы и грузили на телеги, а жители Призеголья и Заречья потирали руки в предвкушении, что, когда хлынут к ним эти несчастные, можно будет поднять цены на хлеб и кров.

Правда, беглецов оказалось в несколько раз больше, чем рассчитывали. В городах и селах, куда артанам, похоже, не добраться, ибо с гор эти города прикрывают своей страшной мощью башни чародеев, скопилось великое множество как знатных мужей с семьями, так и простого народа. Только первые недели горожане ликовали, сбывая втридорога хлеб, сыр, мясо, предоставляя кров, но очень скоро города и села стали задыхаться от наплыва бежавших от ужасных артан.

Свободные съестные припасы кончились с ужасающей быстротой, местные уже не могли дать ни крова, ни корма. В таких переполненных местах сперва голодали, даже мерли безропотно, это касалось простолюдинов, но то ли отчаяние виной, то ли слухи о вольных духом артанах, но одни по-прежнему смиренно мерли от голода, другие начали силой отнимать еду. На них смотрели с ужасом, но нашлись и подражатели. Эти выживали, вокруг них начинал собираться народ, глядя со страхом и надеждой. Эти вожаки уже начинали отбирать еду и кров не только для себя, но и для своих людей.

По дорогам все тянулись исхудавшие переселенцы, но быстро подкрался общий голод, неизбежный даже в самой богатой стране, когда начинается война. По ночам в лесах близ дороги горели костры, где грелись несчастные, но нередко утром там находили уже только застывших людей. Даже прямо на дорогах встречались объеденные волками трупы и обглоданные кости коней. Зверья расплодилось невиданно и как-то враз, чуть ли не в один день. Волки по численности возросли вообще чрезвычайно, без страха входили ночами в села, врываются в хлевы, резали скотину. А потом, обнаглев до чрезвычайности, начали приходить и среди бела дня, скреблись в двери и ломались в закрытые ставнями окна.

В городах появились ясновидящие, вокруг которых всегда собирался народ и жадно слушал. Всяк зрел в откровениях, посланных от богов, огонь и великие потрясения, что охватывают всю Куявию. Многим небо посылало видения, что даже башни чародеев рушатся и превращаются в пыль, что вообще-то немыслимое дело, другие пророчествовали о войнах со Славией и Вантитом, им верили, ибо только дурак не воспользуется смутами и раздорами. Еще до нашествия артан страна трещала от распрей между могущественными родами, когда всяк жаждал возвыситься, притесняя другого, когда у каждого знатного мужа свои крепости и свое войско, каждый день стычки на границах своих земель, к Тулею летят жалобы и наветы, но до него далеко, так что меч в крепкой руке – самое надежное дело...

В землях ягеллов, которые лежали перед Придоном, как раз и шла тягчайшая вражда, не раз окропленная кровью пограничных стычек, между ягонцами и ягерцами, древними и могущественными родами, чей род якобы восходил к самому Яфету, но затем терялся в веках, и вот сейчас древняя кровь героев проснулась в потомках. Причем каждый уверял, что только он истинный потомок, а противник – ублюдок от кобылы и шакала, власть и богатство добыл

подлостью и хитростью, тут же оба перечисляли все эти подлости и хитрости, что в обоих случаях было правдой, ибо какая же это подлость, если привела к вершине могущества?

За пять конных переходов, между огромным ополчением, где на должность полководца избрали наконец Долонца, и десять переходов от стольного града Куябы расположился воинский стан Одера, известного полководца, мало привечаемого во дворце, но почитаемого войсками кордонов.

Огромный угольно-черный дракон сделал над этим станом три полных круга, прежде чем там утихомирили насмерть перепуганных коней. С заливка дракона размахивал руками человек с надвинутым на глаза капюшоном. Наконец из пурпурного шатра с прапорцем на вершинке вышли два человека, один из них, массивный гигант с грубым невыразительным лицом, всмотрелся, крикнул изумленно:

– Так это же Иггельд!..

Второй, осанистый мужчина с высокомерным холеным лицом, сказал язвительно:

– Благородный Антланец, вы полагаете, мне это что-то говорит?

– Прошу прощения, благородный Одер, – буркнул Антланец, он посмотрел на «благородного» так, вроде усомнился: позволить ли ему чистить себе сапоги. – Откуда вам, равнинникам, знать наших героев?.. Я имею в виду, настоящих героев? Прикажите своим олухам убрать мечи в ножны. И пусть никто не двигается.

– А что будет?

– Это мой хороший друг. Второй тоже... но прожорливей.

Не дожидаясь ответа от главнокомандующего, он грузно выбежал на открытое место, замахал обеими руками. На фоне чистого синего неба угольно-черный дракон выглядел особенно страшным, даже брюхо отликает металлом, и сразу понятно, что никакие стрелы, мечи или топоры не пробьют эту чешую толщиной с подошву. Когда исполинские кожистые крылья попадали под прямые лучи солнца, они вспыхивали пурпуром, словно свежeproлитая кровь, а когда солнце смещалось, крылья были цвета застывающей крови, и сердца всех внизу сразу начинали сжиматься в страхе при виде такого зловещего предзнаменования и такой несокрушимой мощи над их головами.

Дракон чуть снизился, человек с заливка махнул рукой, что-то указал, дракон пошел косо вниз. Устрашенное войско, не двигаясь – Одер успел подать знак всем застыть, – наблюдало, как ужасающего вида зверь пролетел над землей, выставил вперед крылья, те трещали от натуги, сам дракон откинулся назад, как конь, пропахал землю всеми четырьмя и толстым хвостом.

Наездник торопливо соскользнул с заливка. Навстречу уже бежал Антланец с распахнутыми объятиями. Они обнялись со стуком столкнувшихся бревен, Антланец довольно взреывал, мямл плечи Иггельда, колотил по спине, потом оттолкнул и всмотрелся в смущенное лицо.

– Ты удивил, – проревел он густым басом, – удивил... Вот уж я не ожидал!

– Моего Черныша надо покормить, – сказал Иггельд торопливо. – Как у вас с едой? Лучше всего – сырым мясом. Но ест и копченое. Только солонину не стоит...

– Заболеет? – спросил Антланец деловито. – У нас лекари мертвого поднимают!

– Нет, будет ходить следом и кланяться. Все звери почему-то шалют от соли. Но я не ради еды сюда. Увы, мне сверху хорошо все видно, а лучше бы не видел...

Антланец прервал:

– Погоди-погоди!.. Твой дракоша без тебя часок перебытается? Пойдем в шатер командующего. А то у него такие орлы в лазутчиках, что правую руку от левой отличить не могут. До сих пор не можем понять, где же артане.

Иггельд оглянулся.

– Хорошо. Но сперва накормим Черныша.

– Это святое дело, – сказал Антланец серьезно. – Сперва коней, потом сами, затем пленников...

– Шутишь? Откуда у вас пленники?

– Шучу, шучу, что-то у тебя совсем плохо с юмором. Эй, Гавкало, Третьяк, Цвигун!.. Быстренько собрать свежего мяса. Быстренько, я сказал! А то вас самих скормлю этой птичке. Иггельд, он човеков ест?.. Вот и хорошо, а то я собирался тут парочку уволить...

Последние сто шагов мясо пришлось нести на себе, кони храпели, тряслись, ближе к дракону не приблизились. А он рассматривал их в упор и облизывался. В его пасти пусть не свободно, но все же поместилась бы лошадь. Антланец, если честно, сам покрывался гусиной кожей, близко к морде не подходил, Иггельд свалил огромные куски мяса прямо перед драконом, отряхнул ладони.

– Теперь это его займет надолго.

Антланец с беспокойством оглянулся.

– А потом? Пойдет жрать наших?.. Я почему спрашиваю, мои стоят с того боку. Вот если бы ты сел чуть левее, там этот скотина князь Ежеван со своей родней...

– Не тронет, – успокоил Иггельд. – Думаешь, я бы так его оставил, будь хоть чуть-чуть не уверен?..

Перед шатром уже стоял в ожидании великий князь Одер. Крупный, с удлинённым благородным лицом и благородными седиными, на лице та спесь, что появляется у человека, рожденного, как говорят, повелевать, то есть в удельном княжестве, где не видят более высокого правителя, чем собственный отец, и когда отпрыск уже знает, что следующим правителем будет он, тоже князь и тоже удельный.

Антланец отвесил небрежный поклон, Одер поморщился, но стерпел, ведь Антланец – горец, дикарь, что с него возьмешь. Иггельд, следуя высокородному земляку, тоже поклонился недостаточно почтительно, Одер поморщился снова, но опять же промолчал. Правитель большого войска должен обращать внимание только на важные мелочи.

– Дорогой друг, – сказал Антланец Иггельду, – это вот благородный Одер, ты о нем, конечно же, слышал. Или слыхал. А то и слыхивал. Благородный Одер, позвольте представить вам моего доброго друга Иггельда...

Иггельд вновь поклонился, но Одер видел по глазам этого молодого богатыря, что имя «Одер» ему ничего не говорит, что вообще-то странно, ведь Одер входит в десятку самых могущественных людей Куявии.

– Прошу в шатер, – пригласил Одер. – Я велел накрыть стол...

Иггельд сказал торопливо:

– Пировать некогда, я передам то, что увидел, да мы улетим снова. У нас много дел.

Одер сказал суховато:

– За столом и поговорим, дорогой друг.

Он наконец выбрал форму, как обращаться к этому незнатному, но благодаря дракону достаточно могущественному человеку. По крайней мере, обладающему мощью, хотя, по его виду, он сам еще не понимает своей силы.

Стол в огромном шатре занимал половину площади. Слуги торопливо расставляли изысканные кушанья, дорогие вина, в центре стола появилась ваза с редкими цветами. Одер широким жестом пригласил за стол. Антланец не заставил себя ждать, лавка заскрипела под его тяжелым телом, он вытащил из-за пояса нож и сразу отхватил почти половину жареного гуся.

Одер поморщился, на Иггельда взглянул благосклоннее, тот не решился сесть раньше, чем сел сам Одер, за еду не хватается, вопросительно смотрит на Одера.

– Ешьте, пейте, насыщайтесь, – пригласил Одер радушно. – Дракон накормлен, пришла ваша очередь... Так что вы увидели с высоты? Наверное, это удивительное зрелище...

Антланец фыркнул:

– То же самое, что смотреть с горы. Я из окна своей крепости далеко внизу вижу этих мошек, именуемых людьми! А на драконе... гм... то же самое, как если бы гора подо мной летала.

Иггельд кивнул:

– Да, похоже. Так вот, я два дня тому пролетал над воинским станом наместника Долонца. Все было как обычно, даже готовились к бою. По ту сторону накапливались артане. Их было впятеро меньше, они высматривали брод. Наши войска, судя по всему, готовились запрудить их телами реку.

Одер хмурился, побряхтывал. Долонец успел собрать войска раньше и выступил раньше. Теперь он первый примет бой, и, если разобьет артан, вся слава победителя достанется этому прохвосту. А он, благородный Одер, оказался на второй линии обороны! И все лишь потому, что медленно собирались его вотчинники, обнаглели, слишком отпустил им вожжи.

Антланец проглотил большой кус, просипел:

– Так что, нам возвращаться?.. Не испробовав, как заточили свои мечи?

Иггельд ел мало, скуп, а сейчас вообще опустил на стол гусиное крыло. Лицо помрачнело.

– Не беспокойся, дядя, – сказал он невесело. – Придется испробовать.

– Хорошо, – сказал Антланец довольно.

Одер тоже повеселел, но спросил с настороженностью:

– А что случилось?.. Неужели Долонца разбили? Или оттеснили?

– Хуже, – бросил Иггельд.

Он ошипывал мясо тонкими волокнами, ел вяло. В его светлых глазах гнездилась грусть, такие же светлые волосы почти пепельного цвета на лбу перехвачены простым кожаным шнурком, лоб чистый, но уже со скорбной складкой между бровей. У Одера сложилось впечатление, что этот Иггельд перенес в жизни очень многое, выжил с трудом, но теперь с легкостью перенесет все невзгоды.

– Не томи, – сказал Антланец.

Иггельд тяжело вздохнул:

– Я не томлю. Просто язык не поворачивается. Словом, сегодня там войска нет.

Антланец нахмурился, Одер спросил тяжелым голосом:

– Разбили?

– Хуже, – ответил Иггельд со злостью. – Сунули мечи в ножны и побрели по домам очень довольные, что воевать не придется. Оказывается... знаете, что случилось? Артане пообещали их... не трогать! Я глазам не поверил, когда увидел, как обозы тянутся обратно, а передовые артанские отряды скачут рядом. А то и обгоняют.

– Обозы, – повторил Одер. – А само войско?

Иггельд лишь стиснул челюсти, желваки вздулись и застыли. Антланец махнул рукой:

– Какое войско? Это о той нестройной галдящей толпе, что бахвалилась артан вбить в землю по ноздри?.. Вы же слышали: кто на телегах едет, кто на конях, кто пешком... Войска нет, есть бредущая домой толпа. Все довольны: и на защиту Куявии доблестно выступили – и домой вернулись целы и здоровы!

Одер посерел, лицо мгновенно стало старым и болезненным. Разнылись старые раны. Спыхватился:

– Но как же так? Такого позору еще не было! Измена?

– Это просто... наша натура, – сказал Антланец.

Одер покачал головой:

– Спасибо, что принимаешь и на себя. Но это чересчур благородно. Вы, горные племена, так бы не поступили. Хотя вы уже давно куявы. Дорогой Иггельд, ты сказал, что артанские отряды начали обгонять отступающее войско... даже не войско, а толпу. Значит...

– ...через два дня увидите первых артан, – закончил Иггельд. – Если, конечно, они будут двигаться так же, как сейчас. Но могут сделать рывок, у них быстрые кони. Тогда увидите уже завтра.

Одер хлопнул в ладоши. Появился молодой красивый берич с гладко зачесанными назад волосами.

– Збирањко, – сказал Одер, – немедленно от моего имени удвой стражу, а ночью патрули выдвинь еще дальше. Долонец, мерзавец, сдался, вся надежда Куявии лежит на нас! Если не мы, то Куявию никто не спасет!

Лицо берича сперва отразило недоверие, потом вспыхнуло радостью, он исчез. Одер нахмурился, метнул острый взгляд на Антланца и Иггельда. Заметили, что и здесь все рады поражению соседа?

По слухам, основное войско вел сам Придон, но два десятитысячных отряда под командованием Меклена и Волина он пустил справа и слева от себя.

Западную Куявию потряс страшный удар: туда вторгся с десятью тысячами конников Ральсвик, умелый и жестокий полководец. Правитель Западной Куявии князь Годлав схватился за голову, ибо этот же Ральсвик десять лет назад уже опустошил быстрым набегом эти земли, захватил и разорил его стольный княжеский город, жителей предал огню и мечу, погибло пять тысяч человек, в том числе его единственная дочь Илона. По слухам, ее изнасиловал прямо на ступеньках его летнего дворца сам Ральсвик под хохот своих воинов, а потом всех пленных велел утопить в реке.

В своих покоях он торопливо наставлял Мунгу – полководца:

– Спешите изо всех сил!.. Вся сила артан во внезапности удара. Сами они уже отвыкли... нет, сдачу им еще дают, но никто не осмеливается напасть на артан первыми. Если вам это удастся – сотрете с лица земли.

Лица военачальников оставались мрачными, но возражать не осмелились, поклонились, слуги перед ними распахнули двери. Скоро Годлав услышал из окна удаляющийся звон подков.

– Думаешь, – послышался за спиной равнодушный голос, – у них получится?

Годлав в раздражении оглянулся. Промек, единственный сын, бледный, изнеженный, уже с утра в подпитии, едва на ногах держится, но смотрит нагло, насмешливо.

– Если не остановят артан, – сказал Годлав сухо, – следующее войско поведешь ты!

Промек икнул, сказал с готовностью:

– А чё? Я как раз тот, кто их остановит!.. Я такой...

Годлав отвернулся, в груди гнев, куявам боги мало дают детей, это в Артании у него был бы десяток сыновей, а здесь и одному-двум рады.

Через неделю пришло известие, что Мунгу в самом деле сумел напасть первым. Артане от неожиданности подались назад, еще немного – и дрогнули бы, побежали, но натиска не хватило, и вскоре тяжелое и неповоротливое войско куявов было окружено, как большого жука окружают злые быстрые муравьи. Куявов долго осыпали стрелами, а потом... началось истребление.

По слухам, уцелел только десяток во главе с Мунгу: они сгрудились вокруг прапора, держали оборону стойко, и артане, что прежде всего ценят доблесть, разрешили им уйти с оружием и прапором. Говорят, уходящим даже салютовали и кричали славу.

Мрачный, как грозовая туча, Годлав вызвал Промека, тот явился с кувшином вина, велел резко:

– Время забав кончилось!.. Я за эти две недели собрал всех, кто может держать оружие. Ты поведешь это войско... да-да, это тоже войско!.. навстречу артанам. Задержи, насколько сможешь.

Промек раскрыл рот в великом удивлении:

– Отец... но меня же убьют!

– Нас всех убьют, – отрезал Годлав. – И вся Куявия погибнет, если их не остановить. Или хотя бы не задержать, пока Тулей соберет такую армию, чтоб под тяжестью застонала земля. Выступай немедленно!

Промек попятился, но у выхода Годлав все же догнал, обнял и жарко шепнул в ухо:

– Возвращайся живым!.. Черт с ним, с войском. Туда идут, чтобы всю жизнь получать деньги, а потом хоть когда-то, да рискнуть быть убитыми. Но ты... у меня нет больше сыновей.

Промек сбросил отцовскую руку с плеча.

Глава 12

От обиды на отца Промек пил всю дорогу, большую часть пути его везли на телеге. Только когда передовые отряды заметили приближение артан, он надел доспехи и пересел на коня.

Два войска остановились друг против друга. Промек подозвал Евлана, старого воеводу, сказал тихонько:

– Ты... распоряжайся сам. Я ж понимаю, что воин из меня паршивый. Но если надо, я поведу в бой какой-нибудь отряд. Не очень чтоб большой.

– Посмотрим, – буркнул Евлан, но в глазах неприязни к хозяйскому сыну поубавилось. – Не думаю, что бой будет очень уж долгим... Они уже начали нас окружать, видишь?

Промек в испуге оглянулся. Отец наставлял, чтобы он бросил войско, если то окажется в очень уж большой опасности. Войско можно набрать снова, а сына второго уже вряд ли, староват отец. Да и не захочет вторую жену брать ради рождения сына...

Он взялся за рукоять меча, перевел дыхание, голос прозвучал почти спокойно:

– Пусть окружают. Мы на своей земле.

Артане придвинулись, все на одинаковых гнедых конях, и сами все одинаковые: обнаженные до пояса, мускулистые, здоровенные, с чисто выбритыми подбородками и длинными черными как смоль волосами. Многие, забавляясь, высоко подбрасывают в воздух топоры и ловко хватают за рукояти.

Раздвигая ряды, вперед вырвался один всадник на белом коне, смеющийся, веселый, помчался вперед, размахивая руками.

Рядом с Промеком поднялись луки, но воевода сказал резко:

– Не стрелять!.. Послушаем.

Всадник придержал коня шагах в двадцати, прокричал сильным голосом:

– Походный князь Ральсвик приглашает благородного Промека на пир в честь завтрашнего сражения!

Промек пробормотал:

– А разве сражение будет не сейчас?

Воевода сказал негромко:

– Видимо, ради пира готовы отодвинуть... нам это на руку.

– Еще бы, – поддакнул Промек. – На сутки проживем дольше!

Воевода ожег его презрительным взглядом.

– Дурень, – сказал он ровным голосом, – за нашими спинами срочно собирают войско.

– Тогда нам выбирать нечего, – ответил Промек. Он прокричал громко: – Мы принимаем предложение!.. Но я приду со своим вином.

Всадник крикнул:

– У нас не травят! Но как хочешь.

Промек тронул коня, понуждая идти вперед, вполголоса сказал воеводе:

– Хуже не будет.

Он услышал за спиной горестный вздох, сам вспомнил, что хуже смерти в бою могут быть пытки, зверские издевательства, а потом что-то вроде долгой смерти на колу, но артанин смотрел насмешливо, словно видел его трусливую душу насквозь, и Промек, вспыхнув до корней волос, лишь покрепче стиснул повод.

Князь Годлав был во дворе, когда за воротами закричали, что прибыл гонец с письмом от сына. Он похолодел, в то же время сердце стукнуло радостно: жив, жив!..

Ворота отворились, всадник въехал на шатающемся взмыленном коне. К нему протянулось с десятков рук, но гонец выудил неверными движениями письмо за пазухой, отыскал гла-

зами бегущего к нему князя, все кричали: «Дорогу князю!», – вручил письмо и после того рухнул на руки челяди.

Князь ничего больше не видел, ухватил смятый свиток, пальцы торопливо срывали печати, только его советник, бер Ратник, спросил, кивая на гонца:

– Ранен? Быстро в дом!

Кто-то из поднимающих гонца ответил с облегчением:

– Вроде цел... Но зато в стельку!

Годлав развернул свиток, глаза быстро побежали по строчкам, но прочесть не удавалось ни слова: Промек всегда писал мелко, а у князя глаза уже не те, к тому же как будто писал сидя в седле – буквы наползают одна на другую, сливаются, подпрыгивают, будто с разбегу пробуют перескочить забор, но лишь стукаются лбами и падают, как толстые неповоротливые жуки, на спину, а там вообще ничего не разберешь, видно только дрыгающиеся лапки...

Измучившись, он велел кликнуть Кожастого, этот хоть и старше на два года, но глазами остер, письма Промека читал и раньше, будучи его первым наставником.

С Кожастым набежали все, кто услышал про письмо, сгрудились, жадно дыша и блестя глазами, страхась пропустить хоть слово. Кожастый приосанился, отставил бумагу на вытянутую руку, у него все наоборот, чем дальше, тем видит лучше, начал читать, хоть и с запинками, но читать.

Годлав перевел дух, но ерзал в нетерпении, ибо Промек долго и занудно описывал, как выступили в поход, как он натер задницу в неудобном седле, потому и пересел в повозку, раньше тцары в повозках ездили, да и щас, говорят, в других странах ездют, так что ничего в этом зазорного нету, можно ездить и ему, Промеку, сыну князя Годлава, который ведет свой род...

Кожастый бубнил и бубнил, часто останавливаясь, разбирая каракули и переводя дыхание, Годлав все ждал, когда же наконец войска сойдутся в бою, однако Промек, как издеваясь... а может, и в самом деле издеваясь, начал перечислять, кто из воевод на каком коне ехал и что в самом деле вороны бегают быстрее гневных, буланых и уж тем паче – саврасых.

– Это пропусти, – велел Годлав, не выдержав. – Не слишком, конечно!.. Потом почитаем. А пока ищи самое главное, понял?

Кожастый кивнул, еще дальше отставил письмо и всматривался в него прищуренными глазами, словно коршун рассматривал мелкую мышь.

– Ага, – сказал он, – вот... Нет, не это... ага, вот, ближе: «...и тогда он прислал ко мне приглашение на пир. Я, понятно, собрался отказаться, глупо было бы идти на пир к варвару такому знатному, как я, ведь наш род длится от самого Яфета, несмотря на злые языки, что ведет корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом. А если верить Большероту, которого часто обвиняют в подбострастии перед тцарами, то наш род идет от славного и великого Хорвата, известного великими победами под Липцами, Курлыквой, Прорвой, Великими Мечами и даже Дудравницей, хотя последнюю недобросовестные лстецы иногда склонны в своем преклонении перед артанами отдавать им...»

Годлав поморщился, сказал нетерпеливо:

– Это пропусти!

Кожастый поклонился:

– Как велишь, светлый князь!.. Это в самом деле свинство. Промек верно рек, что это суетное преклонение, и ничто больше. Я бы таких вообще вешал...

Годлав рыкнул:

– Читай дальше!

– «...глупо было бы идти на пир...» нет, это уже читал... «...корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом...», ага, это читал тоже. «...в своем преклонении перед артанами...». Ага, вот!.. «...отдавать им наши победы. Но потом я вспомнил донесения

доблестного Головля, что варвары захватили и разграбили земли Велигора, с его бесчисленными запасами вин. А у нас во дворце ходили слухи, что в подвалах Велигора хранятся драгоценнейшие вина, что хранятся еще со времен Тараса Младшего, им нет цены, только настоящие знатоки, к которым я скромно отношу себя, способны оценить всю прелесть старинных вин...»

Годлав покраснел, тяжелая кровь прилила к лицу, а глаза покраснели, что у него выражало крайнюю степень гнева. Кожастый мямлит, спотыкается на каждом слове, почерк у наследника корявый, пишет – курица лапой царапает ровнее, возвращается и повторяет написанное, откуда такие дураки вокруг трона, других бы набрать, но другие – подлец на подлеще, а эти преданные, честные, верные...

– «...и тогда я велел передать этому дикарю, – Кожастый переползал через слова, словно сытая гусеница через валуны, что всякий раз засыпает, а утром еще и раздумывает: а не повернуть ли обратно, – что я принимаю его недостойное приглашение на пир...»

Годлав вскочил в волнении, поспешно сел, руки стиснулись на посохе. Лицо стало быстро терять буряково-багровый цвет, даже уменьшилось в размерах, нос заострился.

Кожастый поднял от бумаги глаза:

– Князь желает отдохнуть?.. Эй, люди! Кликните плясунов и девок с бубнами.

Годлав прорычал:

– Читай! Читай! Читай, иначе удавлю собственными руками!

Кожастый поклонился:

– Как скажешь, князь-батюшка. Но ты что-то бледен стал... Долг подданных – заботиться о своем благодетеле. Твое здоровье – наше здоровье. Хоть мы и не режем князя каждый год, как у диких гурров, но все-таки князь должен быть бодр, весел и зело здоров! Народ любит, чтобы князь был весел. Тогда и княжество весело...

Годлав привстал, грянул:

– Палач! Где палач?

Кожастый поспешно уткнулся носом в бумагу:

– Да читаю я, читаю!.. «...корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом...» А-а-а, это уже было... «...только настоящие знатоки, к которым я скромно отношу себя...», гм, это я его научил понимать настоящее вино... Ага, вот!.. «...приглашение на пир. С собой я пригласил командиров-тысячников, но все оказались крайне заняты, сумели освободиться только двое: Ельник и Швандя, весьма достойные полководцы...»

Кто-то громко хмыкнул, это было похоже на свинское хрюканье, Кожастый бросил на него строгий взгляд поверх бумаги, тут же потеряв строчку. Вообще-то Ельник и Швандя известны были при княжеском дворе как бабники и пропойцы, их послали в войско лишь потому, что Годлав велел послать всех, кто мог носить оружие, пока соберет настоящее войско. Так что у наследника были весьма достойные если не полководцы – те нашли способы благо-разумно остаться, – то пропойцы и гуляки.

– «...и вот мы прибыли в их полевой стан, – читал Кожастый, – что и полевым станом-то назвать нельзя, ибо все в беспорядке, вожди почти не отличаются от простых бойцов, ибо умелые воины бывают в доспехах получше, чем их командиры...» Надо же, никакого почтения к вождям! Вот у нас князю всегда самое лучшее из добычи: оружие, драгоценности, парчу, рабынь... не отдашь, сам отберет, скотина. Ага, «...командиры. Сам вожак разбойников Ральсвик встретил нас у входа в свой шатер. Мы снова попытались сдать оружие, но этот дикарь отмахнулся: мол, вот когда победит, тогда и заберет, а пока, мол, носите сами, чтоб не потеряли. Я попробовал объяснить, что когда напьюсь, то себя не помню, может быть, я буйный, он захохотал и объяснил любезно, что он сам буйный: чуть что не так, сразу головы рубит. А в хмелю так и без „чуть что“ рубит. А утром вспомнить не может, за что. Кому – вспомнить проще, а вот за что... И советники подсказать не могут, упиваются тоже по-куявски...»

Кожастый крикнул, дважды прочитал, голос в недоумении вздрагивал, брови поползли вверх. Кто-то из толпы слушателей сказал осторожно:

– Надеюсь, наш любезный Промек просто передает слова этого простого грубого дикаря. Так, надеюсь, надо понимать это оскорбление.

Кожастый пробормотал:

– Тут нет значков, что это он передает слова артан... Впрочем, если он писал после пира, то... гм... понятно, он же упился по-артански, только эти свиньи упиваются, как... как...

Кто-то сказал с недоумением:

– Но ведь артане вина не пьют?

– Это истинные не пьют, – объяснил Кожастый.

– А эти какие?

– Не совсем истинные, – объяснил Кожастый старательно. – Хотя на самом деле именно они истинные, ибо раньше артане упивались так, что и нам в зависть, но потом у них появился какой-то пророк, что убедил отказаться от вина... бывает же такая дикость!.. Большая часть артан от вина отказались и стали именоваться чистыми артанами, а всех остальных стали называть нечистыми.

– И много таких?

– Да с десяток племен. Некоторые даже вроде бы вовсе не подчиняются артанскому владыке. Другие подчиняются, но на условиях. Правда, когда началась война, то они все двинулись на нашу Куявию, но все они идут своими родами, дороги выбирают сами. И на кого напасть – тоже. Как вот этот Ральсвик.

Кожастый скривился, похоже, прикидывал, как использовать таких артан против Придона, а Годлав в нетерпении ткнул его посохом в грудь:

– Запнешься еще раз – казню, видят боги! Да где же этот чертов палач?

Кожастый сказал торопливо:

– Да читаю, читаю... Государственные дела поспешательства не терпят. Ваш батюшка не был таким... приткучим. Всегда все решал неспешно, в избирательной рассудительности. Обязательно после сытного обеда, когда мысли рождаются мудрые, неторопливые... Да-да, читаю: «...упиваются по-куявски... На пир подали жареных лебедев, а потом принесли уже печеных гусей. Ну, гусь это тоже почти лебедь, но все-таки гусь, и если бы не дивная гречневая каша, что внутри, да печеные яблоки, то и ваще до лебедев им бы далеко, а так еще и со жгучими травками, да когда жареные перепелочки по бокам...»

Он читал, читал, читал, слушающие начали причмокивать, громко глотать слюни, кто-то не выдержал и побежал на кухню. Годлав, ранее от гнева красный, теперь начал медленно бледнеть. Кожастый бубнил, бубнил, иногда увлекался так, что начинал причмокивать и сладострастно облизываться.

Годлав грянул страшно:

– Палач!.. Если еще раз скажет про еду – руби ему голову! Мне эти жареные кабанчики уже в печенках сидят! Только услышу про жареных кабанчиков – у меня разлитие желчи начинается!

Советники задвигались, загудели. Казидуб, старый и мудрый, скрюченный от многих болезней, ему лекари велели есть только овсяную кашу, да и то не больше двух горшков в день, из-за чего он все остальное ел только по ночам, поддержал подобострастно:

– Истинно рек, князь-батюшка!.. Что ты все о еде и еде?.. Пропусти это все к такой матери!.. Сказано – пропусти, вот и пропусти!.. Давай сразу о вине. Что он там написал о подвалах?.. Правду ли, что у Велигора вина со времен самого славного Тараса Младшего? Или брешут?..

Годлав уже не бледнел, дальше некуда, бледность медленно и страшно сменялась жуткой синевой.

Кожастый уткнулся носом, бормотал, пускал слюни, возвращался и начинал сначала, наконец отыскал место, где Промек описывал подвалы, где бочки в один ряд, кувшины в другой, подвал таков, что половину дворца можно упрятать, но это только первый подвал, а там ниже еще один, и вот уже когда спустились туда...

Тут уже чмокали и роняли слюни все, кроме князя, что стиснул кулаки, стиснул челюсти, стиснул сердце и волю в кулак, стиснулся весь, чтобы не сорваться и не начать крушить, убивать, истреблять это все двуногое скотство, расплодившееся в отсутствие очистительной артанской грозы.

– Ишь ты, – донесся как сквозь вату задумчивый голос одного из воевод за спиной Годлава. – Выходит, не врали старики... Да, ради глотка такого вина можно хоть в ад. А они, бесстыдники, кувшинами хлестали! Никакого уважения к седидам такого напитка.

Кожастый сказал почтительно:

– Говорят, когда подают такое вино, за стол вместе с гостями незримо садятся сами боги. И пируют.

Воевода почесал затылок:

– Да? То-то помню, хорошее вино всегда кончается быстрее...

Годлав выдохнул жар, заставил себя успокоиться, он же князь, а не раб, князь должен уметь держать себя в руках, сказал ровным голосом, хотя великая тоска и безнадежность заползли в измученное сердце:

– И это все?.. Больше ничего не написал?

– Все, – подтвердил Кожастый. – Твой сын, великий князь, совершил настоящий воинский подвиг! Он пошел доблестно к врагу, упоил его вусмерть...

Воевода поддержал:

– И его военачальников. Так что сегодня битвы не будет. У нас еще не меньше суток, чтобы набрать войско.

– А то и больше, – подал голос кто-то сзади. – Молодой Промек хошь слона упоит. Чудюдо рыбу-кит перепьет!.. Там все сейчас лежат покотом, хоть иди и вяжи.

Годлав сидел настолько слабый, что впервые не было сил даже шевельнуться. Мелькнула мысль, что впервые его поднимут под руки, как уже десяток лет водят престарелого Дубинца, препроводят в покои. В покои, на покой. В покойники.

– Нет, – прошептал он. Сделал усилие, напрягся, стараясь, чтобы жалкий шепот перерос в привычный властный рев. – Нет... быть такого не может. Я не люблю сына... И он меня не любит... Но чтобы вот так...

Кожастый с недоумением перевел взгляд на лист, повел носом, вскричал радостно и удивленно:

– Ага!.. Тут после всех этих «Любящий сын» и прочей хреновины... ха-ха, любящий, еще и маленькая приписка. Мелкими буквами, совсем мелкими... Да еще как курица лапой... Слепая курица хромой лапой... Ага, вот: «...я уговорил Ральсвика двинуть войска против нашего соседа князя Огрядного. Двое суток войско отдохнет, приведет себя в порядок...», ага, отдохнет!.. На такую ораву запасов вина в подвалах как раз на двое суток беспробудного... «...в порядок, после чего я вернусь, бодаться с Огрядным мне неинтересно». Ну, еще бы! Мы все знаем, что наследнику интереснее... «...на сем кончаю письмо окончательно, целую еще раз, любящий сын. Кстати, Илона передает привет и тоже тебя любит».

Годлав вздрогнул, безжизненное тело словно пронзило судорогой.

– Что? Что ты прочел?

Кожастый снова повел носом по листу бумаги:

– Тут так написано, князь-батюшка. Правда, коряво, но теперь я Промека не виню. После тех подвалов... он в самом деле свершил подвиг – такое писать.

Воевода скептически хмыкнул:

– Промек?.. Да он лежит под столом в жопу пьяный. Это кто-то из варваров.

На него набросились:

– Варвары – неграмотные! – А варвары не упились?

– Если Промек диктовал – то он, значитца, не пьяный!

Годлав ощутил, что его поднимает неведомая сила. Тело налилось горячей мощью, он проревел страшным голосом:

– Что написано в приписке? Палач! Появился наконец-то палач, вытащил из-за спины длинный меч с широким мясницким лезвием. Помощник палача выкатил на ковер перед троном дубовую колоду.

Кожастый торопливо пробубнил:

– «Илона передает привет и тоже тебя любит». «Илона передает привет и тоже тебя любит». Тут так и написано: «Илона передает тебе привет и тоже тебя любит»!.. Наверное, он хотел сказать, что и на небесах твоя дочь смотрит на тебя с умилением и дочерней любовью, даже там не перестает любить тебя, хотя там ее окружают достойные лю... тьфу, достойные существа, как то боги, пэри и всякие дэвы.

Годлава трясло, челюсти стиснул с такой силой, что зубы погружались в челюсти, как в мокрую глину. Сын никогда не вспоминал о существовании богов или асуров. Если он сказал, что Илона передает привет, то он видел Илону и она в самом деле передавала ему, отцу, привет!.. Но как это может быть?

– Вернирог, – велел он резко. – Вели запрячь самых быстрых коней. Рудник, ты сейчас же отправишься в стан варваров. Узнаешь, что случилось с моим сыном. И вообще... узнаешь все. Ты меня понял?

Рудник поклонился:

– Понял. Как не понять? Когда велишь отправляться?

Годлав гаркнул:

– Сейчас!!! Немедля!!!

Рудника вымело из покоев, как ветром выдувает пух. Советники переглядывались, Кожастый сказал сожалеюще:

– У него желудок больной. Ему вина давно уже нельзя. Это бы Лабунца послать... Быстрее бы почтового голубя оказался там.

Ральсвик в самом деле повернул войско и двинул по восточной дороге, что вела в богатые земли наместника Прилесья князя Огрядного, соперника семейства Годлава вот уже лет тридцать, если не сорок.

Все войско, что привел Промек, двигалось сзади. Сам Промек не просыхал, ибо племя Ральсвика придерживалось закона, что в Артании нужно быть артанином до мозга костей, а попадая в другие земли, допускается пить и есть то, что употребляют местные.

Рудник догнал их, когда артане уже вторглись в Прилесье. Впереди поднималось зарево пожаров, артанские отряды рассыпались по всей земле, шел грабеж богатых домов, а где обнаруживался большой гарнизон, туда мгновенно собирался большой отряд артанских удалцов.

Промек встретил Рудника вяло, уже опух от пьянства, его везли в телеге. Рядом с телегой ехали Мунгу и Евлан, Мунгу с перевязанной головой, а Евлан просто с опухшей рожей настолько, словно его долго били по этой самой роже палицами.

Мунгу широко заулыбался Руднику:

– Беспокоится отец? Еще бы... Мы уж собрались отправляться к праотцам!.. А тут вдруг такая родня!

– Родня? – переспросил Рудник.

– А ты не знал?.. Хо-хо, мы сами не знали. Илона ведь не погибла, ее Ральсвик тогда увез с собой, сделал служанкой. А она возьми и роди ему сына!.. Словом, сейчас у нее уже

четыре сына и две дочери. Хотела тоже ехать, да артанским женщинам нельзя в набеги... Но велела мужу не обижать родню. Вот и двинули они на этого Огрядного, ибо Илона помнит о нашей вражде...

Рудник шумно поскреб затылок крепкими когтями, задумался. С одной стороны, вроде бы нехорошо идти на своего же соотечественника, пусть и следом за артанами, зато с другой... Как говорится, двух ворон одним камнем. И старого врага наконец-то к ногтю, да и самим остаться живыми – разве не мечта любого куява?

– Хорошо, – решил он. – Побьем князя Огрядного, на том и остановимся. Пусть артане идут дальше, а мы на этих землях распорядимся. Здесь столько богатств, что артане за сто лет не вывезут!

Глава 13

Придон часто выезжал впереди войска, вместе с передовым отрядом рыскал в поисках переправ, удобных дорог, складов с продовольствием.

Торговцы и лазутчики то и дело приносили известия, что впереди широкая река, мосты порушены, брода надо ждать до липня, когда река обмелеет, а на той стороне собрались не просто отдельные отряды, как было с этим ополчением Долонца, а сосредотачивается огромное войско. По слухам, командует им известный артанам Одер.

Придон вернулся к основной массе войск и, как и положено вожаку, дальше ехал во главе. За ним везли знамена, знаки племен, родов. Все огромное войско, конное и пешее, с обозами, продвигалось достаточно неспешно, заполняя собой, как при весеннем половодье, все низины, открытые места, проходя через леса, что оставались сзади сильно поредевшими, а мелкие рощи так и вовсе исчезали, превратившись в угли костров да взлетевший к небу дым.

Щецин, избежав топора палача, из десятника в начале создания войска стал темником. При нем была сотня телохранителей, но оставлял ее позади, он-де еще не стар, чтобы оберегали, сам кого угодно обидит, к тому же при нем обычно держались двое-трое из его сыновей, редкие по силе, отваге и бесстрашию богатыри.

Аснерд оглянулся на стук копыт, кивнул:

– А, Щецин... Что-то не видел тебя весь день.

– Проверял обозы, – буркнул Щецин. – Самое слабое наше место!

– Еще бы, – ответил Аснерд с налетом презрения. – Это не артанское дело – таскать обозы.

– А как же добыча?

Аснерд засмеялся.

– Будто не помнишь, что под добычу хватаем телеги на месте!

– Да помню, помню... Но сейчас тащим не пустые телеги – стенобитные орудия! А их то и дело норовят бросить...

Он вздохнул, проследил за взглядом Аснерда. Старый полководец посматривал на всадника впереди, тоже едет в одиночестве, а кто подъезжает чересчур близко, отскакивает, как ошпаренный.

– Ничего, – сказал Щецин успокаивающе, – его час настал.

– Да уж...

– Утолит месть, станет дружелюбнее.

Аснерд помолчал, буркнул:

– Никто не знает, каким он станет.

– Ну да!.. А если получит Итанию?

– Все равно. Прежним уже не станет. В нем слишком много выгорело. Он об этом еще не знает, думает, что он – прежний Придон! Но мы-то видим, что это уже другой человек. Может быть, даже и не Придон вовсе.

Щецин тоже долго смотрел в спину одинокого всадника.

– Ты прав, – сказал он со вздохом. – Нет человека, который бы не жалел, не страдал с ним. Его сердце сгорело, он выгорел весь дотла... Теперь это другой человек. Но разве любовь – беда? Разве приносит несчастья?

Аснерд хмыкнул:

– Не смейся. Когда это приносила счастье? А вот несчастья – всегда! Разница в том, что и эти несчастья не хотим менять на тепленькое счастье, если оно без любви. А несчастьями гордимся, как старый воин гордится былыми ранами. О страданиях вспоминаем так, как вспоминает ветеран о тяжелых переходах, лишениях, потерях. И свысока посматриваем на тех, кто

не любил, не страдал, не терял. Эти люди для нас – еще и не люди даже. Так, человеки. Могут стать людьми, если их коснется это священное неистовство, могут не стать...

Щецин ехал рядом, их ноги в стремених соприкасались с легким звоном. Оба неотрывно и с тревожным сочувствием посматривали на юного тцара.

– Наверное, – проговорил Щецин с усилием, – ему надо бы завидовать... Но я не могу. Слишком тяжелую гору на себе прет, слишком большой огонь выжигает ему грудь. Он уже почернел весь, в душе пепел. Ночами скрипит зубами, думая, что никто не слышит...

– Трудно не услышать, – согласился Аснерд. – Мы тут все друг у друга на виду. Да, его все еще ведет та божественная страсть, то безумие, для которого нет недостижимых вершин, нет непроходимых гор или болот, нет усталости или неприступных крепостей. Ты прав, он скрипит зубами и даже плачет во сне, но он счастливее нас, хотя мы спим как колоды!

Щецин с неудовольствием пожал плечами. Глаза старого воина не отрывали взгляда от спины Придона.

– Говоришь, любовь не знает... неприступных крепостей?

– Говорил, – сказал Аснерд и осекся. Повернул голову, наткнулся на прямой взгляд Щецина. – Ты на что смотришь?..

– Да так просто. Чую, не зимовать нам в степях Артании!

Приходилось щуриться от ослепительного блеска на земле и небе: легкий дождь, казалось, весь собрался в широких листьях, что устилают землю, солнце играет в мириадах жемчужин, и вся степь впереди усыпана этим блеском.

В версте слева медленно проплывал темный лес, иногда прерывался светлым заметным издали березняком, рощи выступили впереди ухоженные, настоящие куявские. Выдвинулся из-за леса и медленно пошел мимо, как бы сам по себе, пологий зеленый холм с почерневшей от огня сторожевой вышкой. Была бы из дерева, остались бы одни уголья, а камни уцелели. Захвативший ее отряд усакал вперед.

Копыта сухо гремели по утоптанной дороге, Придон приподнял от конской шеи голову и подставил лицо ветру. Справа и слева неслись воины передовой сотни, у всех на лицах страсть и знакомая жажда помчаться на крыльях впереди коней.

Придон взглянул на молодого воина справа раз-другой, спросил с суровой простотой:

– Зброяр... Тебя Зброяром зовут? У тебя что-то стряслось, Зброяр?

Воин взглянул на тцара-полководца с испугом.

– Н-нет, – ответил он и запнулся. – А... что?

– У тебя лицо... – сказал Придон и сам запнулся, ибо нельзя сказать воину, что у него в глазах блестят слезы, мужчины не должны плакать. – У тебя такое лицо...

– Мой вождь, – ответил Зброяр с почтением, – ты все зришь в наших сердцах и душах! Для тебя все открыто. Дело в том, что мы едем по тем местам, где пять лет назад отряд моего старшего брата наткнулся на войска Михна. Брат всегда был моим отцом, ибо отец погиб давно, брат учил меня ездить на коне, владеть топором, стрелять из лука... Мать со дня его гибели не снимает черного платка печали, а я...

Он умолк, кадык дернулся. Придон спросил участливо:

– Что ты?

– Я стал старше своего брата, – прошептал молодой воин. – Оттого мне горько и больно.

Придон пустил коня вперед. Мимо все так же плавно проплывали, покачиваясь в такт, зеленые холмы, рощи, в ушах грохот копыт, но странным образом запали в череп эти горькие слова, ибо он сам... тоже. Пока был Скилл, хорошо и беспечно было за его широкой спиной. Но теперь он сам – старший. Он принимает решения. И, хуже всего, отчего по спине часто холодок страха, – он и отвечает за них.

Впереди степь выглядела странно голубовато-зеленой, словно зеленую траву примяли крупные кристаллы льда. Высланные вперед отряды вернулись, сообщив, что там веет лютым холодом, словно вдруг настала зима. И что это в самом деле не какая-то трава, а настоящий лед.

Придон выехал вперед, трава впереди на глазах теряла зеленый цвет, темнела, покрывалась мелкими кристалликами льда. Сок замерзал, прорывал листья, кристаллы быстро росли, а воздух становился все холоднее.

– Призвать Вяземайта! – велел он отрывисто. – Быстрее!

Вяземайт явился не скоро, Придон видел, как он изменился в лице.

– Началось...

– Что? – выкрикнул Придон.

– Какой-то колдун поставил ловушку. Ничего, Придон, это я сейчас, сейчас... А вообще-то с передовыми отрядами надо посылать по колдуну. Даже удивительно, что до сих пор ни одного мага не встретили!

Придон прорычал:

– Вяземайт, в каком мире живешь? Разве не видел, что все они в Куябе?

Вяземайт, не отвечая, шептал артанские заклиния, вязал в воздухе сложный узор. Воздух потеплел, под ногами заблестало, Придон даже отступил, из-под подошв выкатилась искорка, понеслась над землей, на ходу превращалась в красный комок. Вяземайт вздохнул с облегчением, взмахнул руками. Целая стая огоньков брызнула у него из-под ног и помчалась к ледяному полю.

Кристаллы заблестали, массивные и неприступные, красные огни красиво отражались в блестящих боках. Огненные шары, теперь размером с перекасти-поле, наткнулись на ледяную ограду, остановились, сзади наперли еще и еще. Придон не мог оторвать взгляда от страшного поединка: ледяное поле кристаллов походило на правильно поставленную армию куявов – безукоризненность строя, пугающая неподвижность, холодное молчание.

А огненные шары, ударившись о преграду, остановились, сзади налетали еще и еще, образовалась сплошная стена из жаркого огня, что напирала, давила, старалась сломить безукоризненный, выверенный строй куявского войска. Придон с шумом выдохнул: в одном месте кристаллы начали с треском лопаться, в воздух взлетели мелкие сверкающие на солнце острые льдинки. Появилась крохотная брешь, даже не брешь, но уже ущербинка в непрошибаемой стене. Туда сразу же вломился огненный шар, выемка стала расширяться, уже несколько огневухек пошли расширять клин, кристаллы шелкали все чаще, воздух наполнился сверкающими льдинками.

Вяземайт сказал настойчиво:

– Я дам с десятков колдунов в летучие отряды. Чем глубже в Куявию, тем больше будет колдунов. Я не хочу, чтобы они испугали наших удалцов.

– А что их может испугать?

Вяземайт сказал раздраженно:

– Придон, сам знаешь, одно дело – не пугаться армии, другое – темного угла в собственной комнате.

– Извини, ты прав. А я, как всегда, дурак.

Он опустил покаянно голову, но их кони от нетерпения уже вырыли копытами большую яму. Вяземайт сказал с чувством:

– Придон, а ведь мы уже потряхнули проклятую Куявию! И это только начало.

– Иначе не стоило бы и начинать, – ответил Придон жестко.

Слева раздался потрясенный вскрик. Придон резко обернулся, молодой воин дрожащей рукой указывал на далекий город – красочный, весь из белого камня, радостно сверкающий на солнце, как будто приподнятый над землей, город богатых и счастливых людей, радостных и довольных...

Город ярко и четко выступал из предутреннего тумана, солнце блистало на высоких куполах, дробилось в резких переходах стен дворцов и крепостных стен.

– Что... это? – спросил он почему-то шепотом.

Взгляд Вяземайта был суров, лицо стало жестоким и непреклонным, а посадка в седле тверже и увереннее.

– Ирам, – ответил он с отвращением.

Придон спросил непонимающе:

– Но... что с ним?..

Блистающий великолепием город приподнялся еще выше, под ним был туман, он вырос-тал из тумана и одновременно приподнимался вместе с ним.

– Город порока, – ответил Вяземайт. – Город, где люди возгордились... но не нашей гордостью артан, а низменной, отделив от себя остальные, менее удачно расположенные города, которым доставалось и набегов, и пожаров, засух и бескормиц. В Ираме горожане вели настолько распутную и мерзкую жизнь, что Творец разгневался, а гнев Творца всегда страшен... На землю сошел один из его посланцев с мечом... ну, ты знаешь, что это за меч, и уничтожил этот город вместе с его жителями. Но в назидание образ нечестивого града остался витать вот так, дабы предостеречь... Понял?

Придон проводил долгим взглядом уплывающий вдаль призрачный город.

– Да... Но все равно жаль... Красивый.

– Красота бывает обманчива, – буркнул Вяземайт. Он взглянул коротко, отвел глаза в сторону. – А пока поймешь, что ошибался, жизнь уже кончится. Потому мы сразу должны выбирать прямую дорогу артанина!

Его раздражало обилие обозов, но Аснерд постоянно твердил, что для большой войны мало стремительной конной армии, это ж не в набеге, и Придон смирялся, только сам с десятком героев выезжал далеко вперед, ввязывался в стычки, но это не остужало жар в крови и не утоляло ненасытный голод по Итании.

Рано утром он выехал, по обыкновению, впереди войска, возглас довольного Аснерда заставил оглянуться. Воинский стан снимался с мест, всадники лихо гарцевали, стягивались под значки своего отряда. Огромное поле, где ночью цвели огненные цветы костров, на короткое время показалось выжженной степью, а затем, когда развернули стяги, поле преобразилось, покрылось совсем другими цветами: утренними, чистыми, радостными.

Всадники стягивались в тугие компактные отряды по родам, роды группировались по племенам, везде реяли стяги с изображениями зверей, птиц, хищных рыб и даже могучих деревьев. Первой двинулась тысяча резвого Норника, его легкие, но хорошо вооруженные конники резво понеслись плотной массой, над ними реяли стяги, значки, сами всадники блестили под солнцем здоровой, обцелованной солнцем кожей, вздымали к небу топоры и от избытка силы швыряли их вверх, ловили на скаку.

Тысячи Волина и Щецина двинулись, чуть поотстав, справа и слева от Норника. Они отличались только цветом стягов да конских попон, но все поле покрылось этими дивными цветами, мир стал цветным и радостным. За ними, отделенные небольшим интервалом, шли десять тысяч Краснотала, ударный отряд, вооруженный до зубов, составленный из рослых и уже побывавших не меньше чем в трех сражениях опытных бойцов. Они выступали под стягом летящего орла на красном полотнище, наверху шеста было увенчано сложной пирамидой из знаков и отличий всех кланов и родов, входящих в войско.

Они шли, разрушая дома в брошенных селах, где летучие отряды передового войска уже успели порубить всех, чтобы никто не успел подать весть противнику.

На третий день после странной и непонятной победы над ополчением Долонца на горизонте засверкали высокие золотые крыши града. День на редкость чистый, небо синее, солнце

высвечивало все до мельчайших деталей, все увидели этот золотой блеск, в рядах грянули победные кличи.

Вяземайт выехал вперед, все видели, как он соскочил с коня и распростерся на земле. Он поцеловал ее трижды, встал на колени и, раскинув широко руки, объявил:

– Великие боги!.. Я приветствую вас на этой древней нашей земле, с которой нас в старые времена, преступно воспользовавшись нашей временной слабостью, изгнали проклятые и подлые куявы!.. Но теперь... мы вернулись!

По движению руки Придона вперед выехали запевалы, трубачи. Часто и громко загрохотали бубны, затрещало, засвистело, загрохотало, а запевалы грянули песню. Все войско подхватило в едином порыве.

Придон чувствовал, как волосы поднимаются по всему телу. Кожа пошла пупырышками. Ощущение было таким, словно он стоял перед огромным и всесильным богом и тот говорил с ним... Нет, это он сам стал богом, могучим и всесильным...

От песни сотрясалась земля, сжимался воздух и трепетало небо. Войско двигалось, как наступающее море, Придон смотрел на их просветленные лица и понимал, что и он сейчас такой же, преображенный песней... Сейчас это даже не войско, это движется один человек, огромный, из десятков тысяч тел, с десятками тысяч голов... нет, это вообще одно существо с одним-единственным сердцем на всех и одной душой!

На безопасном расстоянии от ворот остановился гонец, протрубил в рог. С ворот прокричали:

– Говори, артанин!.. Слушаем.

Гонец прокричал сильным зычным голосом, стараясь, чтобы услышало как можно больше народу и передали другим:

– Великий тцар Артании Придон требует сдачи города! Если откроете врата, город и его жители будут пощажены. От вас потребуется только сто телег с зерном для наших коней.

С ворот глумливо закричали:

– Пусть ваш Придон перецелует наших ослов в зад, тогда посмотрим. Может быть, и откроем ворота... га-га-га! А может – и нет...

Гонец крикнул:

– Вы все слышали? Вы слышали, что сказал этот человек от имени города?

Прежний голос рявкнул:

– Дурак, я тебе не просто человек! Я – Бельмир, наместник всего этого края. Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело, дурак.

Гонец крикнул:

– А ты не знаешь, с кем имеешь дело ты. Но – узнаешь.

Он торопливо повернул коня, ибо со стен в его сторону уже полетели стрелы.

В городе отыскиались колдуны, что пробовали напускать туман, среди бела дня создавали ночь. Устрашенные артане оказывались под звездным небом, отовсюду дули холодные ветры. Волхвы артан были наготове, сразу же появлялись огневушки, огневики и даже огневолоты, рассеивали туман, ночь превращали в день и даже огненным валом обрушивались в стены и ворота, пугая защитников.

Огромная армия артан, как и предполагал наместник, обтекла город с обеих сторон и устремилась дальше. Но, чего он не ожидал, часть войска осталась. И с этой частью остался многочисленный обоз с множеством катапульт, баллист, стенобитных орудий.

Два дня катапульты швыряли через стену раскаленные камни, горшки с горящей смолой. Город охватили пожары, а когда стенобитные машины подступили к стенам, обезумевшая толпа горожан смяла стражу и распахнула ворота. Артане ворвались, как колонна хищных муравьев, что спешат разграбить захваченное гнездо.

Придон двигался во главе наступающих войск, но, когда догнало известие, что город взят, он с двумя десятками телохранителей на самых быстрых конях вернулся, это же первый куявский город, что он взял, это вообще чуть ли не единственный город, что захватили артане, ведь раньше не связывались с трусами, что прячутся за высокими стенами.

Рядом на вороном коне мчался Олекса, суровый, собранный, глаза счастливо блестели. На Придона посматривал с обожанием, ведь Куявия потрясена таким ударом, а это ей и за гибель Тура... ну и что, если там были дивы, все равно проклятые куявы стоят за всем злом на белом свете! Убей куява – уменьши зло в мире.

– Что будешь делать? – прокричал он на скаку.

– Наместника – распять на воротах, – ответил Придон злобно. – Остальных... пусть живут. Запомнят и другим скажут, что они болтали дурными языками.

Олекса свирепо расхохотался:

– А не заставить ли наместника сперва перецеловать в зад всех ослов в его городе?

Придон отмахнулся:

– Мы не куявы. Распять – и все. На воротах, чтобы видели.

Кони выметнулись на вершину холма, дорога пошла вниз, а захваченный город был как на ладони. Над ним еще поднимались дымы, но пожары уже стихли. Олекса умолк, город выглядит не просто захваченным. Он выглядит так, как должен выглядеть город, захваченный... артанами.

На городских воротах висел распятый мужчина. Одежда на нем сорвана, ступни почернели и обуглились, по всему телу чернеют пятна от жутких ожогов. В низу живота широкая рана, оттуда пытаются протиснуться сизые внутренности. С правой ноги начинали снимать кожу, но терпения не хватило, бросили, свисающие окровавленные лоскуты облепили жирные зеленые мухи.

Он был еще жив, набрякшие веки поднялись, мутным взором уставился на въезжающих в его город всадников. Он силился что-то сказать, но почерневшие губы едва шевельнулись. Придон взглянул враждебно, но поверженный враг – уже не враг, и все проехали через проем, не сказав ни слова.

Конь рвался пойти вскачь, Придон натянул повод и послал вперед осторожным шагом. Дома зияют выбитыми окнами, двери выломаны всюду, улицы завалены порубленными резными столами, стульями, остатками шкафов, картин, разных непонятных предметов, явно дорогих, роскошных. Почти у каждого дома на карнизах висят повешенные. В основном мужчины, а женщины с сорванной одеждой лежат у дверей домов, где их насиловали, затем убивали.

На площадях костры, ликующие артане в больших котлах на железных треногах готовят еду. В огонь бросали все, что могло гореть: от отломков драгоценной мебели до женской одежды. Победители, сидя у костров, пили и орали песни. Рядом лежали трупы женщин, что умерли за ночь. Тех, кто еще не умер, заставляли плясать голыми у костра, прижигали головнями.

Вдоль стен ужасными пирамидками истекали кровью головы отрубленных защитников города. Самую большую пирамиду, в рост человека, он увидел возле выбитых ворот городской стены. Над нею роем вились крупные зеленые мухи. Кровь на земле собралась в коричневые корочки, те хрустели под подошвами и рассыпались в пыль, почти неотличимую от городской пыли.

Олекса покосился на Придона, тот едет с застывшим лицом, сказал осторожно:

– Они сами напросились.

Придон промолчал, взгляд поверх руин уходил вдаль.

– Им же предлагали сдать город, – продолжил Олекса зло. – Никто бы их не тронул!.. Это их вина.

Придон промолчал снова. Чернели руины, от них шел жар, накаленные в пожаре камни потрескивали, возвращаясь к прежнему виду. Серый пепел взлетал из-под ног, сильный запах гари забивал дыхание. Кое-где поднимались сизые струйки дыма, а среди крупных головешек еще прятались багровые угли.

На восточную часть города, где много свободного места, согнали всех, кого не зарезали, а дальше дорогу углом преграждает стена. Охраняли их артане, ибо местная чернь уже пыталась перебить или хотя бы поглумиться всласть, орала и требовала выдать кровопийц, что заставляли их работать...

Среди согнанных выделялись куявы из числа знатных, за которых можно бы получить выкуп или продать вантийцам. Придон оглядел их хмуро, куявы завидели его издали, жалобно кричали, обещали сейчас же послать за богатым откупом.

Олекса спросил с надеждой:

– За хороший выкуп отпустим?

Придон помедлил, голос прозвучал странно:

– Зачем нам выкуп?.. Разве мы пришли за такой мелочью?..

Олекса сглотнул ком в горле, спросил тихо:

– Так что же... перебить их сразу?

Придон отмахнулся:

– Можно и перебить. Хотя... зачем? Пусть идут себе. Передай, что я велю отпустить. Не понял еще?.. Олекса, мы пришли, чтобы взять Итанию. Куда бы эти ни убежали, всюду прогремят копыта наших коней. И всюду падут стены, а ворота распахнутся.

Одер сам обошел выставленные вперед посты, наказал двоих, что недостаточно расторопно выскочили из тайных укрытий. Воины, судя по их лицам и здоровому смеху, артан не страшатся, в бой вступят с легким сердцем. У него настоящее войско, а не наспех набранная толпа Долонца.

Артан, судя по слухам, вторглось в пределы Куявии видимо-невидимо. Но в то же время понятно, что войска артан будут неминуемо разгромлены. Если не в первом, так во втором бою. Если не в бою, то в битве. Артане хороши в лихих налетах, но потрясти Куявию никакое войско дикарей с топорами не в силах. Уже не раз артане вторгались в пределы Куявии, всякий раз забывая полученные жестокие уроки. Впрочем, в этой дикой стране, где нет грамотных, память о страшных поражениях улетучивается тут же, а вот о победах сочиняют песни, поют всюду, и подрастающим артанам кажется, что вся история Артании из одних побед!

Никогда еще артане не подступали к стенам Куябы. Никогда жителям столицы не приходилось со стен смотреть на артанское войско. Всегда, всегда врага разбивали задолго до подступов к столице. Никогда не давали углубиться в просторы Куявии...

В ее истории многие полководцы останавливали артан, громили их нестройные орды, гнали до самой пограничной реки, а то и углублялись в пугающие просторами степи. На этот раз к славному перечню имен победителей добавится его имя. Имя князя Одера, у которого есть все: обширные земли, множество городов и сел, свой порт и три десятка больших кораблей, не считая сотен малых, своя армия и свой прапор... но все еще не было больших побед. Он знал, что силен как полководец, его отряды успешно выдерживали натиск и артан, и славов, и вантийцев, но пока еще не было большой победы.

– А сейчас будет не просто победа, – пробормотал он. – Будет разгром!.. Который в Куябе заметят...

За ним неотступно ходили военачальники, умелые и закаленные на кордоне, он их держал при себе, вызывая нарекания знатных беров, что хотели бы пристроить сыновей повыше, дать им в управление большие массы войск. Тихонько приблизился Вишاپ, красивый и очень

изнеженный берич, в котором Одер, однако, заметил признаки будущего умелого военачальника.

– Простите, – сказал он тихонько, – что прерываю ход ваших мыслей... но река начинает мелеть, в одном месте намечается брод. Я прошу вашего позволения перебросить туда часть панцирной конницы.

Одер кивнул:

– Толково. И на всякий случай там можно углубить дно. А на берегу напротив брода поставить ямы-ловушки.

– Будет сделано, – ответил Вишап.

Он отстал, спустя минуту Одер услышал частый стук копыт. В куявской армии, продолжал размышлять Одер, около пяти тысяч конницы. О ратных частях с такой же точностью не скажешь, немалая часть войска движется еще далеко, отстав, но эти пять тысяч – из тяжело-вооруженных воинов. Они с головы до ног закованы в доспехи, те не пробить легкими артанскими стрелами. Да и кони закрыты попонами с головы до хвоста, только для глаз пара дыр, такие попоны стрела не пробьет, вязнет.

Так что, чем кончится битва, непонятно. Иногда одного удара тяжеловооруженной конницы бывало достаточно, чтобы разбить легкое войско артан. Правда, артане от преследования уходят легко, но если гнать и гнать, не давая собираться в большие отряды, то таким образом удавалось рассеять начинающееся вторжение.

Он сам помнил, что, когда задрались со славянами, Мельник, бер Нижнего края, всего с двумя тысячами конницы смял и растоптал могучее десятитысячное войско славов. Тогда позади шло основное войско славов, числом больше сорока тысяч, но бегущие едва не смяли их, ошеломили паническими слухами, и, когда измученное и обескровленное войско бера Мельника показалось на горизонте, славяне дрогнули и отошли за пограничную реку.

Точно так же в Куявии помнили и славяли Голоту и Сиромаху, они с пяти- и семитысячным войском сумели остановить один – двадцатитысячное войско вантыйцев, а второй разгромил восемнадцать тысяч артан и гнал их, устилая степь трупами, до кордонной реки, а потом с разбегу одолел ее и продолжал избиение артан уже на их землях.

Перед возвращением в свои горы зашел Иггельд. Он бы уже улетел, но его задержал Антланец, родня – пятая вода на киселе, но упорно звал Иггельда племянником, а тот его вежливо – дядей, хотя, на взгляд Одера, родством и не пахло. Антланец велел кормить дракона как на убой, тот все жрал и жрал, Иггельд вынужденно снова пришел к Антланцу, а к тому заглянул сам всемогущий Одер.

Одер, всемогущий и знатнейший, прекрасно понимал, кого нужно вызывать к себе, а к кому лучше заходить самому, демонстрируя расположение и привязанность. Антланец вообще мог бы и не идти на защиту Куявии: его земли далеко, высоко в горах, туда артане никогда не доберутся, а этот Иггельд вроде бы вообще и не куяв по сути, так как сам отыскал незанятые земли, то есть ничьи, поселился, а потом еще и приютил у себя таких же полусумасшедших, полудиких, полудержимых.

Антланец оказался в его войске лишь потому, что возвращался из Артании, где гостил у какой-то дальней родни, но все-таки он куяв и при первых признаках вторжения тут же остановил свою малую дружину и влил ее в войско Одера. Одер это ценил, всячески подчеркивал поступок горного вождя, ставил в пример, стыдил тех, кто даже на захваченных артанами землях не оказывал сопротивления.

Антланец и его племянник поднялись навстречу командующему, тот милостиво усадил их за стол, сам с наслаждением снял плащ и принял из рук оруженосца чашу с вином.

– Что известно про артан?

Антланец и Иггельд переглянулись, Антланец ответил:

– Мой племяш еще не взлетал, но и того, что видел, немало... Да и вести, что с гонцами или от чародеев, все подтверждают. Кое-что противоречит одно другому, но одно совершенно ясно: худо Куявии, и с каждым днем все хуже. За конницей артан в наши пределы уже вступили их обозы. Виданное ли дело, чтобы артане таскали за собой телеги?.. В тех обозах есть все, чтобы на местах строить осадные башни, тараны, стенобитные машины. Канск уже захвачен, Щелепа сдалась без боя, Гдыню артане захватили за пару стычек, сейчас артане уже под Уманью.

Одер нахмурился, чаша в руках вздрогнула так, что на стол упала капля красного вина.

– Оттуда же до Куябы рукой подать?

Антланец сказал раздраженно:

– Не хочется в это верить, но, говорят, Тулей не надеется Куябу удержать, потому ночью тайком бежал под защиту гор.

Иггельд ахнул:

– Как же так? Куябу защищает башня чародеев!

– Две, – обронил Одер.

– Что?

– Говорю, давно вы, юноша, не были в Куябе. Ее защищают две башни. Обе стоят так, что перекрывают даже дальние подходы к городу.

Антланец сказал с недоумением:

– Так чего ж Тулей усомнился в них? Вообще-то Тулей не был страхополохом.

Одер сказал медленно:

– Думаю, что слухи о бегстве Тулея – всего лишь слухи...

– Думаете, артане?

– Нет, – ответил Одер, – не артане...

– Почему?

– Артане... скажем так, народ честный и простодушный. Они просто не додумаются до такой военной хитрости. К тому же она им покажется скорее подлостью... Да, подлостью, что унижает их самих. Полагаю, это кто-то из могучих противников Тулея старается его опорочить. Тулей давно не блистал на поле брани, вот его и топчут заранее, чтобы утвердить и возвысить себя.

Антланец взглянул остро, ощутил в тоне Одера невольное злорадство, сказал угрюмо:

– Вообще-то башни не так уж и... несокрушимы. Тулей это знает. Они хороши для защиты от малых отрядов, ибо чародей одним ударом убивает по десятку человек! Пусть даже по сотне. Три-пять таких ударов – и даже большого отряда нет. Если так по стотысячному куявскому войску, тут же разбегутся: а вдруг, мол, в следующий раз в меня? Но артане прут такой массой, что всех не перебьешь, а смерти не страшатся, это же артане! Даже если чародей успеет сжечь тысячу человек, остальные ворвутся в его башню и сбросят под топоры тех, кто жаждет отомстить за павших... Тулей это прекрасно понимает.

Иггельд спросил недоверчиво:

– А если в самом деле убежал, то куда?

– К нам, в горы. Там башен больше. А самое главное, дорога вверх трудная. Чародей может вот так по десятку все войско перебить! Там массой не налетишь... Кроме того, это только слухи, что Тулей сбежал. Может быть, и не сбежал.

Иггельд задумался, сказал убежденно:

– Не поверю, что это артане распустили такой слух. Мне Придон понравился. Да и Аснерд с Вяземайтом...

Одер откинулся на спинку кресла, глаза не отрывались от молодого наездника драконов.

– Юноша, вы меня все больше удивляете... Вы знакомы с Придоном? И самым лучшим полководцем – Аснердом? И с Вяземайтом, о котором столько страшных слухов?

– Да, – ответил Иггельд простодушно. Щеки его окрасились румянцем. – Но это не моя заслуга... так случилось.

Одер некоторое время рассматривал его пристально, потом вздохнул, лицо разом постарело, огонь в глазах угас.

– Да, – сказал он, – главная беда в том, что такие слухи распространяют вовсе не артане. Для них такие интриги – слишком сложно. Это не для их простых, как у их коней, мозгов. Хотя, конечно, ссылаются на свою честность и нелукавство. Это кричат наши удалыцы на всех перекрестках, чтобы оправдать свою трусость и предательство, чтобы опорочить центральную власть. А это гораздо хуже, чем вторжение еще двух таких артанских армий!

Антланец сочувствующе смолчал. Он сам из таких, что признает власть Тулея только из вежливости. И потому ему все равно, что там творится внизу на равнинах. А равнинным господам, могучим князьям и наместникам земель, власть Тулея хуже, чем кость в горле.

Глава 14

С запада небо начали затягивать тучи. Вяземайт зарезал барана, советуясь с богами, потемнел лицом. Велел своим помощникам принести в жертву двух-трех куявов познатнее, чтобы перепроверить волю богов, а сам поспешил к Придону.

– С завтрашнего дня пойдут дожди, – сказал он торопливо. – На неделю, а то и больше!.. Если сейчас не перейти реку, утопим половину войска. Люди падут духом.

Придон кивком подозвал Аснерда. Тот придвинулся, огромный и спокойный, только пальцы задумчиво скребли щетину на массивном подбородке.

– Аснерд, раздели войско. На три части. Одну ночью отправь вверх по течению, другую вниз. Поставь одной командовать Щецина, другой... лучше сам поведи, это очень важно! Костры пусть горят, чтобы Одер ничего не заподозрил. Я буду все время делать вид, что начинаю переправу. Поторопись, надо успеть до начала дождей.

Аснерд коротко обнял, исчез с поистине медвежьей грацией: был – и нет. Кто думает, что медведь двигается медленно, жестоко ошибается. А то и смертельно.

Дождь полил холодный, еще весенний, чуть ли не со снегом, короткие летние ливни пойдут позже, небо затянуло без малейшего просвета, сразу стало грязно, гнетуще, сумрачно, хотелось забиться в нору и дожидаться солнечных дней. Трава мокро блестела потемневшими листьями, подрагивала от холода и пугливо кланялась каждой капле, мелкой, жидкой, но их сыпало с неба во множестве. Мир стал серым, все приходилось видеть как сквозь тонкую грязную кисею.

Люди, что раньше охотно выскакивали под тугие струи дождя и прыгали в восторге, сейчас угрюмо выглядывали из шатров и шалашей, многие укрылись в ближайшей роще под раскидистыми во все стороны густыми ветвями. Земля под деревьями сухая, но воздух все равно влажный, тоскливый.

Дождь не шумел, не стучал каплями, как положено дождю, а сеялся тихо и неслышно, но так часто, что весь воздух был дождем. А люди плавали в нем, как рыбы. И, как рыбы, забивались в шалашики и впадали в тягостную вялую дремоту.

Войско артан, заметил Одер, продолжало накапливаться на том берегу. Всадники одного из самых нетерпеливых отрядов, явно стремясь блеснуть удалью, попытались первыми проскочить на противоположный берег. Лучники открыли бестолковую стрельбу, один из артан зашатался в седле, у других кричали раненые кони, вставали на дыбы, двое даже рухнули, как башни, бешено бурлила вода вокруг блестящих, как у больших рыб, тел.

Артане выбрались обратно, раненого подхватили с двух сторон, даже раненые кони сумели подняться и дикими прыжками понеслись вслед за хозяевами.

Одер, укрывшись под широким плащом с низко надвинутым капюшоном, раздраженно следил за рекой. Подошел Антланец, короткая рубашка без рукавов промокла и не скрывает могучие пластины груди, мокрые плечи блестят, как спины буйволов. Он был так огромен, что Одер с трудом удержался от желания отодвинуться.

Одер прорычал в сильнейшем раздражении:

– Что за идиоты, не могли подпустить ближе? Это же еще не все войско, это просто такие же непослушные дураки!

– Зато удаль, – заметил Антланец. – Для них это очень важно, показаться всем.

– Показать дурость?

– Артанскость, – пояснил Антланец. – У вас... простите, у нас важно одно, у артан – другое.

Одер покосился на гиганта с подозрением. Тот стоял по-артански: выпрямившись, хотя люди его роста обычно горбятся, живот подобран, взор ясен, на дождь обращает не больше

внимания, чем на мух в Куябе, струи воды бьют по голове, стекают по мокрым волосам и лицу, но он же мужчина, на такие мелочи не поведет даже бровью...

– Вы о чем?

– Артане стремятся показать себя, – ответил Антланец любезно, это было похоже, как если бы огромный медведь попытался стать любезным. – Они смертельно страшатся уронить лицо, что куявам непонятно. Это же ваше... гм, наше куявское: стыд не дым – глаза не выест, спина от поклона не переломится... и все такое, а вот артане... Смотрите, смотрите!

Еще несколько всадников безрассудно ринулись в воду. На них посыпался град стрел, артане принимали их на щиты, у самого отважного, что выдвинулся дальше всех, щит стал похож на спину ежа, щедро утыканную иголками. Умело работая поводом и шпорами, он заставил коня пятиться по воде до тех пор, пока не оказался за спинами товарищей, там повернул коня и с гиком вынесся на берег. Его приветствовали радостными криками. Он привставал на стременах и всем показывал щит, который и не рассмотреть из-за множества оперенных стрел.

Антланец кивнул:

– Видите? Можете себе представить, чтобы куяв вот так играл со смертью, а потом еще и похвалялся?

– У нас бы такого дурака заплевали, – ответил Одер с отвращением. – Ни одна дура не пойдет за такого замуж!.. Эй, Збиранько!.. Выставь копейщиков у самой воды, а за их спинами расположи лучников.

Збиранько, подтянутый молодцеватый военачальник, что ходил следом и преданно заглядывал Одеру в лицо, со всех ног бросился выполнять приказ.

Дождь не дождь, а может, и благодаря дождю артане время от времени делали попытки переправиться малыми силами: возможно, рассчитывали, что куявы забьются в норы, пережидая непогоду и надеясь, что артане тоже спят.

Но как только хоть малый отряд пытался войти в воду, с этого берега взвизывался целый рой стрел. Река в этом месте разлилась широко, что позволяло переправиться, едва ли замочив брюхо, только в одном месте пришлось бы плыть вместе с конями.

Артане заменили небольшие круглые щиты, что обычно у них за спиной, на огромные, вытянутые, похожие на двери, с ними беспрепятственно подбирались почти до берега, но там ждали копейщики, самые страшные враги всадников, и артане вынужденно отступали.

Лучники мстительно выпускали рой стрел вдогонку, метя в незащищенные спины, артане пытались укрываться и за такими щитами, однако из сотен стрел две-три находили уязвимые места, бывали случаи, когда артане падали с седел, их тела уносила вода.

Река, получив массу воды из множества вздувшихся ручьев, превратилась в стремительного зверя, что нес в себе вырванные с корнем кусты, подмытые на крутом берегу деревья, хворост, палки, даже остатки изгороди.

Ночью дождь сеялся все так же и все такой же, утро наступило серое, слякотное. Река вздулась, пошла вишь, грозя вообще выйти из берегов. Переправляться становилось все труднее, конные удалыцы только входили в воду, и уже кони едва удерживались на ногах. Противоположный берег тонул в серой пелене.

Антланец покачивал головой, артане теряют время, река становится все непроходимее с каждым часом. Одер довольно потирал руки, заявил с удовольствием:

– Вот теперь пусть переправляются!.. Треть унесет река. Треть погибнет под стрелами, а оставшихся перебьют без потерь копейщики!

Антланец ответить не успел, в шатер ворвался запыхавшийся воин, вода с него стекала ручьем, на сапогах повисли жирные лохмотья грязи. Одер вскипел, как посмел грязными сапожищами на его роскошные чистые ковры, а воин прохрипел:

– Срочно!.. Збиранько сообщает, что артане переправились выше по течению!..

Одер опешил, сказал невольно:

– Но там князь Ежеван...

– Ежеван разгромлен, артане идут сюда! Передовые отряды все сбиты.

Антланец перевел дыхание. Этого и следовало ожидать, артане при всей храбрости все же не последние идиоты. Здесь только имитировали переправу, даже подготовку к переправе...

– Голову даю на отрез, – сказал он, – что и ниже по течению они переправились тоже. Так, на всякий случай! Вдруг сверху не получилось бы.

Одер взглянул остро, велел гонцу:

– Иди отдыхай. И кликни моих слуг.

Антланец как в воду смотрел: к середине дня пришли новости, что и ниже по течению артане нашли переправу, уже на этой стороне, и пытаются окружить куявское войско.

Одер, обеспокоенный, но без паники, быстро отвел все огромное войско от реки, перестроил. Артане перехитрили, но этого следовало ожидать, не может река удержать артан на всем протяжении. Вот теперь скоро решится, смогут ли удержать артане удар панцирной конницы. Нет, не так: долго ли смогут выдерживать ее натиск до того, как побегут?

Небо все такое же серое, земля раскисла, дождь сеется отвратительно мелкий, настолько мелкий, что висит в воздухе, второй день люди не могут разжечь костры под открытым небом, а чтобы принести жертвы, пришлось срубить из деревьев и накрыть ветками огромный навес. По лагерю потекли густые струи благовоний, воины вдыхали и чувствовали, как уходит страх перед ужасными артанами, а предстоящая битва начинала казаться таким же простым делом, как посещение базара.

Одер предупредил одного из жрецов:

– Не переборщи!.. Мне не надо, чтобы они встретили артан с улыбками.

– Нет, мы просто убираем страх...

– Мне надо, – сказал Одер, – чтобы мои люди дрались! А будут драться от страха или от радости – мне все равно.

Жрец ушел, низко кланяясь, Одер со злостью швырнул ему вслед кубок с недопитым вином. Сильные колдуны по городам, сильнейшие – в Куябе. А в войска присылают либо учеников, либо шарлатанов.

На сером небе намечился просвет, дождь на пару часов прекратился, потом наверху образовались отдельные тучи, хороший признак, однако тучи укрупнились, сползли и закрыли небо в три слоя. Воздух стал еще плотнее, скачущие кони едва не взлетали с разбега, тучи набухли, потяжелели. Небо, и без того свинцово-серое, потемнело, опустилось к земле. Снова посыпался мелкий гадостный дождь, перешел в крупный. Летом дожди короткие, не дожди, а ливни, но сейчас настоящий затяжной дождь. Вяземаят вознес благодарственную жертву богам, ибо основное войско куявов под командованием Дуная-богатыря еще не сдвинулось с места, а достаточно сильное войско под началом осторожного Одера ударить в одиночку не решится.

– Боги на нашей стороне, – сообщил он возбужденно. – Пока Дунай подойдет, здесь уже все размокнет. А когда они сойдутся, это дня через два, то нам панцирная конница не страшна!

– Почему?

– Дождь продлится еще дня три-четыре!

– Прекрасно, – сказал Придон мрачно. – Пусть эти трусы в тяжелых доспехах тонут в грязи. И станут мишенями для наших стрел!

– Хвала богам!

– Да, куявские боги тоже признали нашу правоту...

Угольно-черные тучи опустились к земле, задевали раздутыми животами верхушки деревьев. Мелкий гадкий дождик давно превратился в ливень. Среди бела дня потемнело так, что в шатрах пришлось зажечь светильники. Дождь лил сильный, упорный, в тучах ни просвета.

Придон с тайной радостью видел, что это надолго, а раз так, то легкая конница артан хоть и замедлится в скачке, но останется маневренной, зато тяжеловооруженные воины куявов завязнут.

Последние отряды артан переправились через реку уже здесь, на главном направлении, благо куявы отступили. Самые горячие не возжелали находиться позади всего войска, самовольно выезжали вперед, проносились перед железным строем куявов, предлагая поединки. Ни один куяв не сдвинулся с места, не принял вызов. Артане нагло хохотали, подбрасывали вверх топоры и кричали, что сегодня же возьмут Куябу, их жирных жен и толстых дочерей, будут держать их вместе со скотом.

Куявы мрачнели, сопели зло, но никто не покидал строя. Наконец Одер велел и здесь за выдвинутыми вперед копейщиками расположить лучников. Те сразу же выпустили с полсотни стрел, пятеро артан остались на поле, а кони примчались обратно с опустевшими седлами.

Наконец дождь прекратился, небо посветлело, хотя оставалось затянуто тучами. Да и тучи постепенно редели, обещая вскоре очистить синее небо. Войско куявов снова построилось по зову трубы, но Придон сразу обратил внимание, что воды на поверхности нет, впиталась вся. Это значит, земля размокла и в глубину, что хорошо для урожая, но губительно для тяжелых телег и тяжеловооруженной конницы. Вообще все кони у куявов негодные для быстрого бега, для скачки. Это тяжелые могучие животные с толстыми ногами и бычьими шеями, с легкостью несут на себе закованного в железо человека, но вскачь идут очень неохотно и скоро выдыхаются. Неважно, со всадником на спине или без, они – серьезные кони, не кузнечики артан.

Для пробы Придон послал отряд легкой конницы прямо на укрепленный лагерь куявов. Тяжелая конница встретила их, не сдвинувшись с места. Артане метнули в них стрелы, кто-то пожертвовал топором, причем настолько удачно, что один из куявов содрогнулся всем телом и повалился лицом на конскую шею, укрытую попоной.

Жестокая улыбка тронула губы Придона.

– Они почти не могут передвигаться, – обронил он. – Вся их сила в стремительном ударе!.. В силе разгона этой бронированной лавины...

– Полагаешь, – сказал Аснерд полуутвердительно, – настал наш час?

– Сам видишь, зачем спрашиваешь... Или все проверяешь?

– Да не совсем, – ответил Аснерд с двусмысленной усмешкой.

Придон взял в руки топор, взгляд был устремлен на красиво и правильно устроенный лагерь куявов.

– Теперь я поведу моих воинов.

– Вождь должен руководить с холма...

– Да, – прервал Придон. – Ты прав. Но бой будет коротким. Ничего неожиданного не случится!

Громко и устрашающе запели медные трубы. Клич их был настолько пронзителен, что на время заглушил все звуки, доносящиеся из обоих лагерей. В лагере куявов показались синие фигуры людей в остроконечных колпаках. Маги встали в одну шеренгу с конными.

Содрогаясь, Придон смотрел на длинные ледяные стрелы, что выстреливались из их ладоней. Они устремлялись навстречу скачущим артанам, там слышался протяжный звон, сухой треск, взлетали бледные осколки, слышались отчаянные крики и дикое ржание обезумевших от боли коней. Ледяные стрелы пропахивали широкие борозды, успевая унести по семь-десять всадников, прежде чем рассыпались на осколки.

Маги бросали и бросали стрелы, Придон все настигивал коня, стремясь успеть поскорее на это страшное поле, где гибнут его воины. Но стрелы становились все короче, а из магов то один, то другой отступали в изнеможении. Конница же артан неслась в едином порыве, наконец донесся страшный удар, лязг, грохот.

Впечатление было такое, что артане натолкнулись на железную стену. Ряды куявов колыхались, но выстояли. Началась страшная бойня, где пешие куявы стояли сплошной стеной, загородившись щитами, второй ряд положил на их плечи копья и прицельно бил в обнаженные тела степняков, а третий ряд стоял во весь рост и, сомкнув щиты, защищал их от стрел и бросков топора.

В это же время один молодой вождь по имени Перекаטיפоле собрал в одно стадо весь скот, что гнали за артанским войском, затем по его сигналу погонщики набросились на животных с горящими головнями, диким криком, нещадно стегали кнутах. Быки и коровы в животном страхе бросились бежать, за ними мчались на конях, не давали остановиться, прижигали горящими факелами. Обезумевший от ужаса скот все ускорял бег, наконец страшной тяжелой массой ударил в левую сторону куявского войска.

Там стояли пять тысяч тяжеловооруженных конников благородного бера Медвянко и три тысячи закованных в железо ратников обедневшего князя Гуданца. Они не успели ни расступиться, ни перестроиться, а ошавевшая от ужаса масса уже стоптала передние ряды, ломилась дальше, стараясь уйти, спастись от ужасной боли, от огня. Погонщики, разогнавшись вместе с ними, врывались следом, в руках вместо кнутов уже топоры, рубили смятых и растерянных.

Сын Жука вел свою тысячу к центру, но, завидя такой удобный случай, тут же повернул весь отряд и первым вломился вслед за погонщиками. Аснерд заскрежетал зубами при таком нарушении приказа, но отважный Сын Жука уже дорубился почти до середины панцирного войска, там мечется обезумевший скот, ломая железный строй куявов, при котором они непобедимы...

– Щецин! – заорал Аснерд. – Подбрось этому мерзавцу еще пару тысяч!

Щецин воскликнул жарко:

– Что там пару тысяч! Я сам туда поведу.

Он в самом деле пронесся на коне перед своим десятитысячным отрядом, взмахнул топором, и они всей массой ударили в расколотое панцирное войско.

Куявы в центре оказались смяты взбесившимися быками и ворвавшимися отрядами Сына Жука, по краям еще держались, но артане уже окружили, расчленили на отряды и ударили со всей яростью, чувствуя победу. Бой шел по всему полю, земля чавкала и повисала на копытах пудами грязи, сражение растянулось от самой реки и до зеленых лугов, после этого ливня залитых водой так, что казались сплошным бескрайним озером.

Остатки разгромленной армии наконец-то обратились в бегство. Конь под Придоном храпел, ноги дрожали и разъезжались. Бока в мыле, с удил срываются желтые клочья пены. Придон повернулся, чтобы велеть подать ему свежего коня, но ярость боя уже испарялась, он ощутил усталость, ушибы, обнаружил кровоточащую рану на плече и еще одну на груди.

– Все-все, – сказал он почти виновато. – Обратно доберешься?

Конь тяжело повернулся и даже попробовал потрусить рысцей, потом вздохнул тяжело, сдался и перешел на шаг.

Тучи разошлись, в землю с шипением врезалось широкое острое лезвие небесного меча. Солнце выглянуло еще хмурое, но уже жаркое, тут же скрылось, но тучи истончились, светлый круг победно шел сквозь тучу, сжигая ее небесным огнем, а когда выглянуло снова, на небе быстро таяли остатки грязных лохматых облаков, серых, неопрятных, старающихся стать белыми барашками.

По бранному полю пронесся Вяземайт, руки вскинута к небу, серебряные волосы развеваются по ветру.

– Боги! – услышал Придон зычный голос верховного волхва. – Вы дали дождь, чтобы не дать куявам убежать от наших топоров... теперь дайте жаркое солнце! Чтобы мы догнали их в куявских гнездах!

Придон ощутил, как губы сами искривились в горькой усмешке. И без призыва к богам видно, что погода налаживается, наступят дни жаркого лета.

Донесся крик. Двое артан согнали в кучу пленных, троим набросили на шею петли и волокли к деревьям. Там уже висели, как переспелые тяжелые груши, с десятков повешенных. Десятник указал на другое дерево: тащите туда, а то здесь ветки обломите, дерево жалко.

Один с петлей на шее, завидев Придона, упал на колени и с криком протянул к нему дрожащие руки. Придон поморщился, эти трусы даже умереть достойно не могут, тронул коня, подъехал Аснерд, начал рассказывать, как проще всего захватывать мосты и переправы, пока подлые куявы не разрушили, а в спину донесся крик:

– Придон!.. Я потеряю всего лишь жизнь... но ты теряешь больше!

Придон насторожился, повернул коня. Пленных уже подогнали к дереву, один из всадников встал ногами на седло и быстро захлестывал веревки на толстых ветвях. Тот же пленник снова упал на колени и протянул руки к Придону.

– Говори, – велел Придон, – но только быстро.

– Придон, – воскликнул пленник, это был тощий и невзрачный человек, совсем непохожий на воина, – нет на свете куявской или артанской магии!.. Мы все едины... это как меч или топор, что в любой руке – меч и топор...

Придон отвернулся.

– Колдун? – спросил он у стражи. – Вешать!

Начал поворачивать коня, но пленник, видя неминуемую гибель, вскричал отчаянно:

– Я мог бы дать тебе возможность уже сегодня увидеть ту... из-за которой эта война!

Сердце Придона дрогнуло, застыло. С остановившимся дыханием он повернулся к пленнику. Его веревка уже закреплена, двое уже дергаются рядом, не доставая ногами до земли, артане вздергивают быстро, умело, без лишних движений, колдуна начали поднимать, лицо посинело, но Придон сделал повелительный знак, тело колдуна упало на землю.

Он поспешно привстал на колени, прохрипел:

– Ты ее увидишь... сегодня...

– Развязать руки, – распорядился Придон. – Но учти, если соврал, чтобы продлить жизнь, ты прогадал. С тебя живого сдерут шкуру, а потом на кол... А там будешь корчиться очень долго.

Колдун побледнел, веревку на его руках разрезали, сказал дрогнувшим голосом:

– Я знаю, что я могу, а чего не могу.

К вечеру солнце стало огромным, пурпурным, но не багровым и сияло так ярко, что смотреть на умытый дождем круг было невозможно. Втрое ярче блистали браслеты, топоры, железные бляшки на конской сбруе, а металлические обручи на головах искрились, как раскаленное железо, выхваченное из горна.

Вяземайт, услышав, что Придон пощадил куявского колдуна, прибыл, с пристрастием осмотрел и допросил трепещущего пленника, сразу потерял интерес, а на вопросительный взгляд Придона лишь брезгливо отмахнулся:

– Слаб. Приставь к нему человека, чтобы не убежал. Больше ничем навредить не может.

– А колдовать? – спросил Придон в нетерпении.

Вяземайт сдвинул плечами.

– В Куявии много магов, потому они, чтобы не мешать друг другу, совершенствуются каждый в своем умении. Если этот умеет видеть... и даже показывать другим нечто очень дальнее, то уж ничего больше не умеет – это точно.

Придон повернулся к пленнику:

– Как тебя зовут?

– Мирош, благородный повелитель...

– Вот что, Мирош. Ты знаешь, что я жажду увидеть. Требуй все, что нужно для такого колдовства. Но если не сумеешь сделать к вечеру, то... помнишь, что тебе обещано?

Мирош побледнел, вздрогнул, синие губы прошептали:

– Кожу с живого, смерть на колу...

– Медленная, – подчеркнул Придон. – Все, пошел!.. Не теряй времени.

Лишь за полночь Мирош высунулся из шатра, где колдовал под охраной, стражи тут же злорадно потянулись за топорами. Он пролепетал умоляюще:

– Скажите славному и великому повелителю, что я уже... приготовил нужный отвар и составил заклинание.

Придон, прервав воинское совещание, примчался, как жаркий ветер, остановил коня перед распахнутым пологом. Мирош отступил, суетливо поклонился.

– Великий господин... Все готово.

В огромной серебряной чаше колыхалось густое масло, как казалось Придону, хотя колдун уверял, что это совсем не масло. Был взвинчен, испуган, руки тряслись, однако слова выговаривал громко и четко. Придон выдворил охрану из шатра, Мирош указал ему на стул перед чашей.

– Когда я закончу... заклинание, – сказал он с запинкой, – там появится...

– Что?

Мирош поклонился.

– То, о чем будете напряженно думать.

Придон поспешно сел. От масла пахло рыбой, потом запах исчез или просто притерпелся. Голос колдуна звучал монотонно, будто дятел стучал в затылок железным клювом. Масло в чаше отблескивает, яркие язычки светильников бросают косые блики, перебегают, сливаются, расплываются, и в какой-то миг он уловил, что там что-то проступает, становится видимым ясно, четко. Так бывает на грани сна, когда еще не заснул, еще понимаешь, что лежишь, подогнув колени, но в то же время уже бредешь по дивному яркому миру...

Жар ударил в голову, в расширяющемся круге света проступили знакомые очертания покоев Итании. Ноздри затрепетали, почудилось, что улавливает тончайший аромат. Наклонился, всматриваясь, сразу начало расплываться, будто в тумане, отпрянул, медленно восстанавлилось, он начал твердить себе, что жаждет увидеть ее, самую красивую, самую необыкновенную, и почти сразу изображение сместилось, блеснуло синее небо, слева темнеет гранит стены, а справа выдвинулся туманный профиль, облекся четкостью.

Итания стояла на парапете и задумчиво смотрела вдаль. Лицо ее показалось Придону печальным, и пальцы сразу начали шарить нож на поясе: кто посмел? Кто осмелился ее обидеть, огорчить? Как мир еще не рухнул, почему все не бросаются исполнять ее желания?

– Итания... – прошептал он страстно, – Итания... именем твоим живу, именем твоим молюсь, именем твоим творю...

Он слышал за спиной учащенное дыхание колдуна, тот пытался всмотреться в то, что видит он, Придон, но Придон ревниво приподнял плечи.

Итания прерывисто вздохнула, Придон ухватился за сердце. Ее прекрасные глаза затуманила печаль, а щеки слегка побледнели.

– Итания, – прошептал он страстно, – скажи, шепни, подай знак!.. Никто не смеет огорчать тебя. Весь мир должен для тебя жить, работать, творить, существовать!

Она чуть вздрогнула, зябко поежилась. Он едва не сунулся лицом в масло в страстной жажде немедленно укрыть ее, уберечь от ветра. Удивительные глаза смотрели вдаль, в них появился влажный блеск, Придон заскрежетал зубами: дивные глаза наполняются слезами, а он, Придон, ничего не может сделать!

– Итания! – вскрикнул он. – Итания!.. Я иду к тебе!

Она снова вздрогнула, повела плечами, даже удивленно посмотрела по сторонам. Безумная мысль пронеслась через мозг Придона, как раскаленная добела стрела.

– Итания, ты слышишь меня?.. Это я, Придон. Я лечу к тебе на крыльях северного ветра. Я приду!.. Я возьму тебя с Куябой вместе!

Глава 15

Он не мог спать, не мог никого видеть, увиденное в колдовском тумане заставило гореть в подземном огне, он вскочил на коня, чтобы никто не видел его мук, отдохнувший конь резко вынес в поле, пересек рошу, там наткнулись на немалый отряд схоронившихся куявов.

Не раздумывая, Придон стегнул коня и ринулся, как сокол на стаю уток. Он успел повергнуть на землю десятки фигур с блещущими в лунном свете шлемами, прежде чем куявы поняли, что он один. Кто-то закричал, призывая к сопротивлению, оставшиеся развернулись и дали бой. Он изрубил половину, прежде чем к нему подоспела сотня охраны.

Меклен, белый от ярости, прокричал, заикаясь, что потребует, да, потребует, чтобы у Придона отобрали этого коня, он самый быстрый в Артании, иначе с ним потеряют тцара и походного вождя.

Придон помалкивал, теплая струйка, в лунном свете совсем черная, обильно стекала по плечу. Рана не выглядела глубокой, но, когда двигал рукой, кровь не успевала загустеть и закрыть рану.

Когда вернулись к располагающемуся на долгий отдых войску, Вяземайт вместе с Аснердом и военачальниками выехал навстречу. Вяземайт на фоне черного звездного неба выглядел пугающе и величественно с его длинными серебряными волосами, что сияли нестерпимым колдовским блеском.

– Придон... – сказал он призрачным голосом. – Раны на тебе заживали мгновенно, когда ты был... другим.

Придон повернул коня и поехал рядом, за время ночного боя осунулся еще больше, из-под насупленных бровей блеснул недобрый взгляд.

– А сейчас я какой?

– Другой, – ответил Вяземайт. Ехал, глядя перед собой, пояснил нехотя: – Все меняются, Придон. Кто-то сильно, кто-то слабо.

– Ну и что?

– До утра, – сказал Вяземайт резче, – можешь истечь кровью, вот что!

Придон чувствовал, как подергивается лицо, отвык от болезненных ран помимо той, что на спине. Слушал краем уха, а то и не слушал, прервал раздраженно:

– Все не так, Вяземайт.

– А как? – спросил Вяземайт саркастически.

– Гораздо хуже, – отрубил Придон. – Вот смотри, эту царапину, даже не рану, мне нанесли позавчера!.. И все еще не зажила.

Аснерд насторожился, подал коня ближе, рука властно развернула Придона к себе спиной. Похоже, кто-то метнул вдогонку дротик. Явно из куявских героев, простой воин не прошибет простым дротиком дубленую шкура артанина. Он вчера сам видел эту царапину, в полночь от нее должен был остаться крохотный шрамик, а к утру вообще на том месте выросла бы чистая молодая кожа. Однако же сейчас там все такая же ранка!

Он повернулся в седле, молодой лекарь, его помощник, подъехал, вытащил из мешка и бережно приложил к ранке целебные травы. Придон болезненно дернулся. Вяземайт покачал головой, в глазах верховного волхва появилась печаль.

– Терпи, Придон. Теперь ты – человек.

Они въехали в лагерь, спешили, стражи приподняли перед ними полог шатра. Вяземайт вошел за Придоном следом, Аснерд и военачальники остались, бурно обсуждая победную битву.

Придон снял через голову перевязь с топором, швырнул в угол. Ноги подкосились, он тяжело рухнул навзничь на ложе из шкур, разбросал руки. Темные глаза сурово смотрели на волхва.

– Я человек?.. Ах какая это для меня новость! Ты лучше скажи, почему эти чертовы раны не затянулись в полночь, как было раньше?.. Нет, я не про ту рану, что на спине. То... моя рана. В сердце она еще больше. Я говорю про эти, что на плече, и вот эта царапина на груди.

Вяземайт запнулся, он привык к плавному течению мысли, к ее глубине, к множеству потоков, что пересекаются, создают дивные течения, неожиданно вымывают со дна золотые самородки, а грубая манера военачальников всегда вторгалась неожиданно, ломала, приходилось барахтаться среди обломков, стараясь понять, что же он строил новое и прекрасное.

– Я уже сказал, – ответил он невесело. – Знаешь ведь, что в небесном чертоге, куда попадают все герои, павшие на поле боя с оружием в руках, они веселятся, сражаются, а ровно в полночь раны заживают. Ты был одним из них, хотя и жил среди нас... Но теперь ты, увы, стал простым смертным.

Брови Придона грозно сошлись на переносице.

– Как это?

Рык его был подобен льву. Вяземайт с преувеличенным смирением поклонился.

– Не гневайся, светлый тцар. Это я, Вяземайт, а не Тулей. Позволь напомнить тебе одно дело старых дней. Когда-то высший бог, чье имя и называть нельзя, сотворив мир, землю и людей, решил удалиться от дел и потому разделил весь белый свет между самими людьми, чтобы управлялись сами. Ну, сам понимаешь, что одни ухватили власть и стали тцарами, другие взяли леса и превратились в охотников, третьи возжелали пашни и зажили простой и светлой жизнью землепашцев... Купцы взяли дороги, воины – оружие, моряки – реки и моря... Словом, разобрали все, а когда все разошлись, пришел певец. Бог рассердился: а где был ты, песни которого даже меня бросают то в жар, то в холод, заставляют плакать или смеяться? Я слагал песни, отвечал певец, а про дележ забыл, прости... Тебе ж ничего не осталось, отвечает бог, что ты за ворона?.. Певец повесил голову, снова ему оставаться ни с чем... И тогда бог говорит: даже я не могу совершенное повернуть вспять. Все, что разобрано, – разобрано. Тебе, певцу, не осталось ничего в мире и отныне не будет принадлежать. Но я для тебя открою небеса, ты будешь приходить в высший мир, как к себе домой, когда возжелаешь.

Он умолк. Придон ждал продолжения, но Вяземайт молчал. Вошел младший волхв, осторожно начал отдирать старую повязку. Кровь засохла, прикипела к телу, но дальше текла сукровица, а сама позавчерашняя рана стала красной, начала воспаляться.

– И что же? – спросил Придон нетерпеливо.

– Сейчас тебе промоют рану, – ответил Вяземайт. – Величко, не забудь про целебные листья.

Придон рыкнул:

– Да не о ране я!

– Да? – переспросил Вяземайт. – Тогда что еще? Я, мне кажется, сказал все!

– Тогда я не понял, – сказал Придон с тоской и злостью. – При чем здесь небеса, песни, раздел мира?.. Я не мог сомкнуть глаз всю ночь. Эта царапина ныла, как будто пилили тупым ножом!

Вяземайт сам взял из рук помощника листья, растер в ладонях, приложил кашицу к ране. Придон вздохнул, зеленая жижа сразу начала вбирать боль, а жар как будто начал затихать.

– Зря ты не понял, – ответил Вяземайт с печалью. – Ведь ты раньше ходил по небесам...

– Брось, – ответил Придон с досадой. – Что мне раньше... Я веду огромное войско на Куявию, я возьму Куябу, я возьму Итанию, вот что сейчас важно!

Вяземайт кивнул, подумал, кивнул снова:

– Да, это важнее. Но верно и то, что ты в самом деле ходил по небесам, был вхож к богам, когда... когда еще не был тцаром.

Придон отмахнулся:

– Это время я уже не помню.

– Да, время для тебя тянется, понимаю. Ты не забыл еще, что это ты слагал песни? В то время ты бродил по небесам, как вот сейчас по своему воинскому лагерю. Ты был равен богам во всем... а в чем-то и выше. А вернувшись на землю, ты сохранял часть божественной мощи. Потому твои раны в полночь заживали.

Придон слушал молча, темные глаза мерцали, как темный уголь под лучами солнца. Потом огоньки погасли, но челюсти сжались, под кожей проступили тяжелые рифленые желваки.

– Пусть я был богом, – вырвалось у него с приглушенной яростью, – но бог не сумел добыть ее, единственную!.. Так, может быть, ее сумеет добыть смертный?

Вяземайт развел руками, вышел, слишком озабоченный, чтобы поклониться еще разок. Из темноты слышался далекий скрип множества телег, мычание волов, это подтягивался обоз, а свежие воины, не участвовавшие в сражении, спешно ставили шатры, быстро разжигали множество костров.

Аснерд раздавал распоряжения военачальникам, кому где встать, гонцы вскакивали в седла и разлетались, как вспугнутые птицы. Заметил наблюдающего за ним верховного волхва, оскалил зубы в невеселой усмешке, подошел. Оба разом, не сговариваясь, оглянулись на полог шатра Придона. Туда заходили темники, гонцы из Артании, лазутчики, как только и помещается столько в его шатре, Вяземайт нахмурился, покрутил головой.

– Да, сейчас ему не до песен, – сказал Аснерд виновато, словно это он сам изменил благородному делу творения песен всего лишь ради тцарской власти. – А когда ему сочинять? Его не готовили, все приходится на ходу. Это Скилл должен был вести...

Вяземайт нахмурился, тень пала на и без того темное лицо. Он опустил глаза, голос стал надтреснутым:

– Не сердись, я же не враг. Просто нам нужно самим быть готовыми, что Придон уже... другой.

Аснерд хмыкнул:

– Третий.

– Что?

– Третий, говорю. Один Придон был до той нашей первой поездки в Куявию... Другим стал, когда добывал меч. А третий – сейчас. Ни один человек не менялся так быстро.

Вяземайт сказал невесело:

– Но сейчас он как раз тот, кто нужен для Артании. Так что все правильно, Аснерд! Все правильно.

– Да, – согласился Аснерд, – все правильно.

Но голос старого полководца был невеселым.

Глава 16

В простую крестьянскую телегу были запряжены три коня, тянули вдоль кромки чахлой рощи достаточно резво, но возница то и дело покрикивал на левого пристяжного. Тот потряхивал гривой, сопел, всячески показывал, что тянет изо всех сил, прямо жилы лопаются, в то время как коренник и пристяжник с другой стороны в самом деле исполняли долг честно, по-солдатски, не роптали на хитреца, даже хозяину не жаловались, не ворчали.

Возница взмахнул кнутом, заорал, теряя терпение:

– Эй, куяв!.. Тебе бы купцом стать, а то и жрецом при куявском тцаре! Но меня не пере-хитришь, морда твоя куявская!.. Этим двум я дам овса, а тебе сена охапку... А то и вовсе соломы. Кто как работает, того так и кормят. У нас в Артании. У вас там все наоборот, но над тобой сейчас артанская плеть!

Мимо, пригибая головы под низко растущими ветками, проскакивали артанские всадники, посмеивались, слушая гневные вопли. Телеги и кони явно краденые, куявская чернь торопится награть, хотя здесь украли явно только телегу и коней, а в самой телеге молодой оборванец склонился над другим оборванцем, старым и с отросшими длинными неопрятными волосами. От обоих прет нечистотами и сильным запахом вина. Чтобы подольститься к победителям, громко именуют себя артанами, как будто за версту не видно обыкновенных куявских мародеров...

Возница обернулся к оборванцу, что сидел над распростертым человеком.

– Ну как он?

– Выдержит, – ответил оборванец. – Достопочтенный Комах, твоя мудрость достигает небес и проникает в глубины земли, но сейчас ты, похоже, переигрываешь...

– Похоже, – признался возница, которого оборванец назвал достопочтенным Комахом. – Просто дрожь по телу, когда эти звери пронеслись совсем близко. Я же видел в их ненасытных глазах, как высматривают человека в красном плаще, в позолоченных доспехах, в шлеме с пышным гребнем из перьев жар-птицы. Сперва, понятно, искали среди сраженных в бою, надеялись, что удастся отыскать раненого и лежащего без памяти среди трупов...

Оборванец кивнул:

– Раз уже шныряют по дорогам, значит, перерыли все места, где отгремели самые жаркие схватки. Быстрые они, ничего не скажешь!

– Самый быстрый способ закончить войну, – сказал возница задумчиво, – это потерпеть поражение... Но я не думаю, что Тулей примет такой великолепный план!

– Великолепный? Ах да, вы о том, чтобы перемолоть артан, сдавшись им?

– Да. Но, увы, у наших правителей не хватит смелости на это пойти...

В стороне послышался радостный рев. Из-за деревьев навстречу показались всадники, за ними на длинной веревке шли с десятков связанных и с петлями на шее военачальников разного ранга. Комах взглянул коротко, быстро отвернулся.

Оборванец тоже бросил короткий взгляд, тут же посмотрел на лежащего в беспомощности лохматого старика.

– И Велигора поймали, – обронил он тихо, не поднимая глаз. – Ох, Гвидона и Сулиму тоже ведут... Да, я могу так видеть, я много могу, но только не остановить эту войну. Надеюсь, артане потребуют с них выкуп, а не принесут в жертву своим жестоким богам.

– Могут и не потребовать...

– Полагаете?

– Да, хотя и падкие на грабеж, а ради добычи удавятся. Но иногда, желая показать свою артанскость, швыряют деньги в грязь, а дорогими шелками выстилают дороги перед своими

конями. Так и пленников могут просто казнить. Мол, нам плевать на выкуп. Поступки артан и зверей предсказать нельзя.

– Но мы должны?

Комах не ответил, сосредоточенно бормотал. В телеге возник ворох цветного тряпья. Он оглянулся, буркнул:

– Зачем?

– Артане могут удивиться, что едем со стороны разгромленного стана, но ничего не пограбили. Пусть хоть одежда...

– Тогда разбросайте чуть. Пусть видят, что ничего, кроме одежды. Ни под нею, ни сверху.

Бородатый грязный старик застонал, тяжелые красные веки поднялись. Кровяные жилки полопались, глаза казались залитыми кровью. Некоторое время он смотрел в проплывающие зеленые ветки, сквозь которые часто просвечивало синее небо.

– Где... мы?

– Спите, дорогой Одер, – сказал Комах ласково.

– Что... – пробормотал грязный старик. – Кто вы... Неужели сам великий...

Комах сказал тихо:

– Тссс!.. Так надо.

– Великий Комах... – пробормотал старик, – мудрый Блакыть... почему в таком виде?

– А вы хотите, чтобы ехали в роскошных плащах верховных чародеев?.. Да еще выкрикивали во все горло свои имена и титулы? Доберемся к своим, вам тоже вернем прежний облик.

Оборванец, которого Одер назвал Блакытью, хмыкнул:

– Можем даже подправить.

– Что...

– Ну, что-то увеличить, что-то уменьшить. К примеру, пузо добавить...

Сзади послышался конский топот. Их догоняли трое верховых артан. Блакыть поспешно коснулся лица старика, тот всхрипнул и вытянулся в глубоком сне. Всадники поравнялись с телегой, возница съехал и снова начал клясть ленивых куявских коней, подлых, как все куявы, оборванец вытащил из вороха дорогой одежды с пятнами крови баклажку с вином, вскинул над головой:

– Пьем за победу Артании!

Всадники с каменными лицами проскакали мимо. Оборванец отхлебнул вина, посмотрел всадникам вслед, снова поднес баклажку к губам и не отрывал до тех пор, пока не задрал доньшком кверху. Комах, не выпуская вожжей, оглянулся, сморщенный рот перекося в невеселой ухмылке.

– Ты заметил, ни следа магии?

Блакыть буркнул:

– Дикари... Они ею почти не пользуются.

– Как же, я сам видел...

Комах с пренебрежением отмахнулся:

– Только в ответ на нашу. А сами первыми еще ни разу, заметил? Для них это как бы позорно, дурни. Это все равно что позорно быть грамотными.

– Хорошо. Я уж струхнул. Будь с передовыми отрядами колдун даже средней руки, он бы сразу нас нащупал.

– Как? – спросил Комах уязвленно. – Я накрыл нас таким щитом, что даже могучий колдун не...

– Я не сомневаюсь в твоей мощи, – поспешно сказал Блакыть. – Но именно этот щит и заставил бы их послать сюда сотни этих орущих зверей! А против их топоров никакая магия долго не продержится. Страху не знают, а гибель десятка-другого их товарищей только разъярит... Долго бы мы продержались?

Комах угрюмо промолчал. Одер застонал, дернулся, снова поднял красные веки. Глаза были измученные, красные, лицо же, напротив, стало смертельно-бледным. Он неуклюже перевернулся на бок, подогнул колени. Комах сочувствующе отвел глаза в сторону. Все три раны Одер получил в спину, когда спасался бегством. Но для куява нет позора в бегстве, ведь можно вернуться и снова дать бой. Уже с учетом прошлого проигрыша.

– Что с войском?

– Войска больше нет, – ответил колдун кратко.

– А Когонь, Ефанд, Горобец, Шило...

– А также Уховерт, Сичень, Мизга, – прервал Комах. – Дорогой Одер, вам лучше закрыть глаза и довериться нам. Хоть в одном, но победу артанам подпортим: им вас захватить не удастся. Ни живым, ни мертвым.

Одер простонал сквозь зубы:

– Не могу поверить... Битва так хорошо начиналась!

Оба колдуна сочувствующе промолчали. Куявы сильны в обороне, когда стеной, когда щиты сцеплены краями, когда оцетиниваются длинными копьями, когда все войско – единый многоглавый зверь. Еще лучше и сильнее куявы за крепкими городскими стенами. Но если – не допусти боги Куявии! – единое войско распадается на кучки, то все войско превращается в обезумевшую от ужаса толпу бегущих баранов. Это артанин даже в одиночестве сражается яростно, красиво, находчиво и уходит из жизни, захватив с собой несколько куявов. Если же куявское войско дрогнет, тогда уже одинокий артанин может гнаться по пятам и безнаказанно убивать в спину десятками, если не сотнями бегущих, забывших, что они – воины.

– Да, это не набег, – сказал наконец Комах. – Это война.

Блакыть подумал, обронил невесело:

– Очень плохая.

Одер буркнул:

– Да, у них огромное войско.

– Все намного хуже, – сказал Комах негромко. – Что войско?.. Куявия может выставить войско в десять раз больше.

– А чем же хуже?

– Они уже околдовали нас, – ответил Комах. Увидел непонимающий взгляд Одера, пояснил: – Сейчас мы с Блакытью внушаем всем артанам поблизости... да и не только артанам, даже своим на всякий случай, что везем престарелого отца, страдающего от колик. Нашей мощи хватает, чтобы все на выстрел из лука в это верили. В этом наше спасение... Так вот, артане сумели внушить всей Куявии, что Тулей подло и гадко обманул их героя. И хотя мы все втайне злорадуем, мол, артане – враги, их и надо дурить, но вообще-то понимаем, что сподличали. А это ослабляет наши души... а с ними и руки, в то же время усиливает мощь артан.

Блакыть буркнул:

– При прочих равных сильнее тот, кто чувствует себя правым.

– Или оскорбленным, – поправил Комах.

Одер поморщился:

– Ясно одно, артане пришли не грабить. Они бросились бы на богатые особняки беров. Их здесь хватает... Они пришли сокрушить нашу силу.

Он впал в тяжелое раздумье, дальше не промолвил ни слова. Колдуны посматривали с сочувствием на потемневшее лицо, помалкивали, чтобы не бередить рану. Одер закрыл глаза, притворившись, что спит, хотя раны жгли привыкшее к удобствам тело.

Поражение, страшный разгром, мелькнула злая мысль, даже позор плена... возможно, что еще?.. Но на самом деле поражения никакого нет, как и разгрома... Бывали поражения и пострашнее, но Куявия всегда находила в себе силы собраться и разгромить врагов. Пока что ни Артания, ни Славия, ни Вантит не сумели нанести такое поражение, чтобы захватить

столицу, не говоря уже о всей стране. Под его началом была не армия Куявии, а всего лишь войско, что стояло на дальних подступах к столице. Правда, другого войска сейчас у Куявии нет, если не считать расположенного в самой Куябе столичного войска, зато в каждой крепости есть многочисленные и хорошо вооруженные отряды. Кроме того, у всех удельных беров – крупные дружины, а у князей – даже собственные войска. Стоит бросить клич, начнут стягиваться в столицу уже на следующий день...

Даже более того, по дороге артанам придется пройти через владения Вишневича, а это богатейший и могущественнейший князь, под рукой которого множество городов, сел, земель, замков и крепостей, где многочисленные гарнизоны. Ему стоит только повелеть, чтобы тут же собрались в сильное и грозное войско. И таких князей, как Вишневич, в Куявии тьма...

Он слышал, как возница сказал тихонько, чтобы не разбудить, и в то же время словно бы подслушав его мысли:

– Блакыть, что ты знаешь о Вишневиче?

Над головой Одера голос прозвучал совсем тихо:

– Немного, и все – тревожное.

– Ты думаешь, что он постарается остаться в стороне от войны?

Комах хмыкнул:

– Если понадобится, он даже примет сторону артан.

Одер сжал челюсти. Проклятые колдуны правы, они больше заглядывают в самую суть людей, чем смотрят расположение войск. Вишневич давно негодует, что столица ввела слишком большие налоги. И всячески уклоняется от уплаты. Тулей грозился привезти его в цепях и допросить со всем пристрастием. Если не сумеет оправдаться, то передаст его земли более послушным. Так что князь Вишневич не совсем надежен, не совсем... Это у артан, когда нападает на страну враг, все забывают распри и тут же бросаются на врага. В Куявии же наоборот: когда нападает враг, все стараются под шумок отхватить от центральной власти кусок пожирнее. Увы, это все от ощущения силы, мол, все равно отобьемся!

Не выдержав, открыл глаза.

– Не накаркайте, – посоветовал серьезно. – Вишневич – опытный и умелый князь. Он не наделает таких глупостей. Да, удаленность от столицы, от власти вытворяла такие шутки и с другими, помню. Именно сопредельные с Артанией земли нередко вели себя непокорно. Такое бывало, кто спорит?.. Но чем всегда кончалось? Плахой да виселицей для тех, кто не успевал сложить голову в битвах. Укрепитесь духом, вы же мужчины, хоть и чародеи! Ни один артанин еще не наносил такого удара Куявии, чтобы даже содрогнулась. Это все не более чем комариные укусы. Настоящие силы куявов стоят нетронутые.

Дракон слегка покачивался на восходящих потоках, крылья растопырил так, что трещали, стараясь удлиниться. Когда делал два-три взмаха, Иггельда прижимало к костлявой спине, тело наливалось тяжестью, затем крылья застывали в растопыренности.

Он все старался уйти подальше от реки, там холодный воздух, но Иггельд похлопал по шее.

– Давай, Черныш, давай!.. Взглянем и улетаем домой в горы!

Черныш горестно вздохнул, вяло подвигал крыльями, внизу поплыла изумрудная зелень, трава еще не высохла, а деревья так и вовсе выглядят зелеными кочками. Иггельд залюбовался сперва травой, затем навстречу поплыли низкие кучевые облака, причудливые, похожие на снежные горы, а когда снова посмотрел вниз, пальцы судорожно сжались на костяных выступках.

Далеко внизу все пространство заполнилось крохотными бегущими фигурками. Между ними проскакивали крохотные всадники на коричневых лошадках. Едва заметными искор-

ками поблескивают клинки. Похоже, всадники рубят не всех подряд, бегущих слишком много, выбирают либо с хорошими доспехами, либо военачальников.

– Проклятие, – вырвалось у него яростное, – как они могли... Ниже, Черныш, ниже!

Спина качнулась, провалилась, желудок подпрыгнул. Черныш пошел к земле чуть ли не соколом, пасть раскрылась в ожидании, кого бы ухватить, вон сколько дичи, Иггельд до рези в глазах всматривался в бегущих.

Очень редко попадались всадники, их, похоже, перебили первыми. Возможно, еще в сражении. Да и бегущих замечали сразу, а конный куяв – это дорогие доспехи, прекрасное оружие. Пешие же разбегаются, как тараканы, прячутся в кустах, петляют между деревьями...

Дракон несся совсем низко, черная тень скользила по залитой солнцем траве, но никто не вскидывал голову, более ужасная смерть проносится со стуком копыт артанских коней.

Наконец Иггельд рассмотрел далеко впереди целую группу куявских всадников, уходят вдоль опушки леса, а за ними устремился артанский отряд. Трое куявов повернули коней, сшиблись... Иггельд восхищенно ругнулся. Трое явно жертвовали собой, так он решил сперва, но трое артан упали с коней сразу же, завязался бой, трое дрались яростные, несокрушимые, их окружили, а пятеро артан отделились от группы и ринулись за убегающими.

Иггельд только сейчас различил, что двое поддерживают в седле грузного воина, что то и дело падает лицом в конскую гриву. Еще двое с мечами в руках мчались впереди и сзади. Черныш пронесся чуть ли не над головами, верхушки деревьев закачались от могучего взмаха крыльев.

Когда Черныш набрал высоту и развернулся, Иггельд с изумлением увидел, что трое куявов изрубили артан в капусту, ни один не ушел, да и постыдился бы уходить, а трое, залитые своей и чужой кровью, галопом старались догнать основную группу.

Иггельд выбрал поляну по предполагаемому ходу всадников, похлопал Черныша по шее.

– Вон там надо сесть!.. Побыстрее!.. Поторопись!

Черныш опустил голову, всматриваясь. Крылья подтянулись к телу, стали короче, тело провалилось к лесу. Черныш изменил наклон, его понесло вперед, торопливо выставил крылья над верхушками деревьев. Встречный ветер ударил Иггельду в лицо. Толчок, Черныш пробежал пару шагов, тяжело опустился на брюхо.

Иггельд соскочил на землю, впереди уже показались скачущие всадники. Он бросился наперерез, замахал руками.

– Стойте!.. Антланец, это я – Иггельд!.. Остановитесь!

Всадники неслись мимо, лишь один услышал крик, оглянулся, начал придерживать коня.

– Иггельд?.. Что ты делаешь здесь?

– Коман! – прокричал Иггельд. – Останови Антланца!.. Там впереди уже артане!.. Вы с раненым не прорветесь!

Коман, старший сын Антланца, прокричал:

– Жди здесь!

Он пришпорил измученного коня и ринулся вдогонку за братьями. Иггельд оглянулся, сквозь редкий куявский лес виднелась чудовищная туша с грудой сложенных на спине крыльев. Сердце сжалось в тревоге. Дракон отдыхает, набирается сил, но по дороге обратно придется сделать посадку и основательно покормить. А в это время дракон уязвим, как простая корова.

Послышался топот. Всадники ломились напрямик, молодой лес трещал, деревья ломались, как сухие камышинки. Антланца поддерживали в седле не зря: наскоро перевязанный, он ехал с закрытыми глазами, то падая навзничь, то пытаясь свалиться вбок.

Болгор, что держал отца, спросил с надеждой:

– Твой дракон поднимет двоих?

– Для того и посадил! – крикнул Иггельд. – Давайте его побыстрее!

Антланца сняли с седла, Иггельд бежал впереди, дракон услышал треск в лесу, приподнял голову, глаза зажглись багровым огнем. Болгор спросил, задыхаясь:

– Он нас... не сожрет?

– Конечно, сожрет, – успокоил Иггельд. – Надо же чем-то кормить, как вы думаете?

Он взял из их рук Антланца, кости и мышцы затрещали, будто поднял гору. Даже не гору, а горный хребет. Сцепил челюсти, сделал шаг, ноги погружались в землю, словно шел по болоту. Сзади что-то кричали сыновья Антланца, но из-за шума в черепе не слышал, в глазах потемнело, еще бы пару шагов, еще один, нет, еще три...

Он упал с ношей, ударившись о костистый бок. Толстые пластины потрескивали, задевая одна другую. Дракон дышал неторопливо, горячее дыхание обожгло щеку.

– Ну-ну, – сказал Иггельд, – не балуйся.

Длинный горячий язык лизнул лицо, едва не свалив с ног. Иггельд сцепил зубы и начал карабкаться с тяжелой ношей сперва по толстой лапе, потом по толстому боку, наконец по спине. Издали слышались крики, конский топот, потом там же зазвенело железо.

Иггельд торопливо закрепил ремнями неподвижное тело, крикнул:

– Черныш! Улетаем!.. Домой, понял? Прямо домой!

Под ногами качнулось, закрипело. Дракон вытянул голову, измерил взглядом расстояние до ближайших деревьев. Иггельд придержал Антланца, дракон чуть присел, снова выпрямился, определяя добавочный вес, собрался в комок, вскинул крылья, затем одновременно мощные лапы с силой оттолкнулись от земли, а крылья ударили по воздуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.